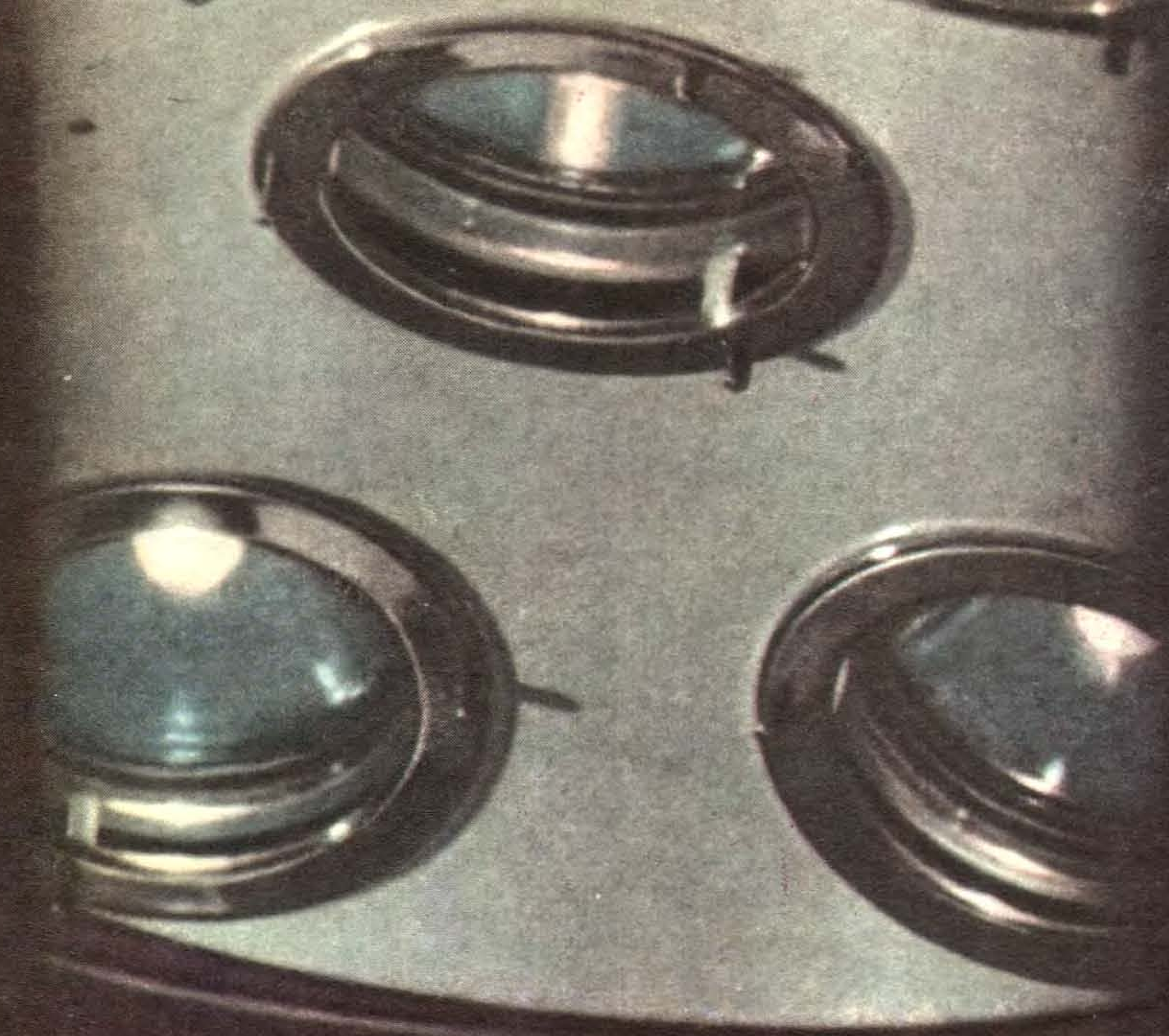
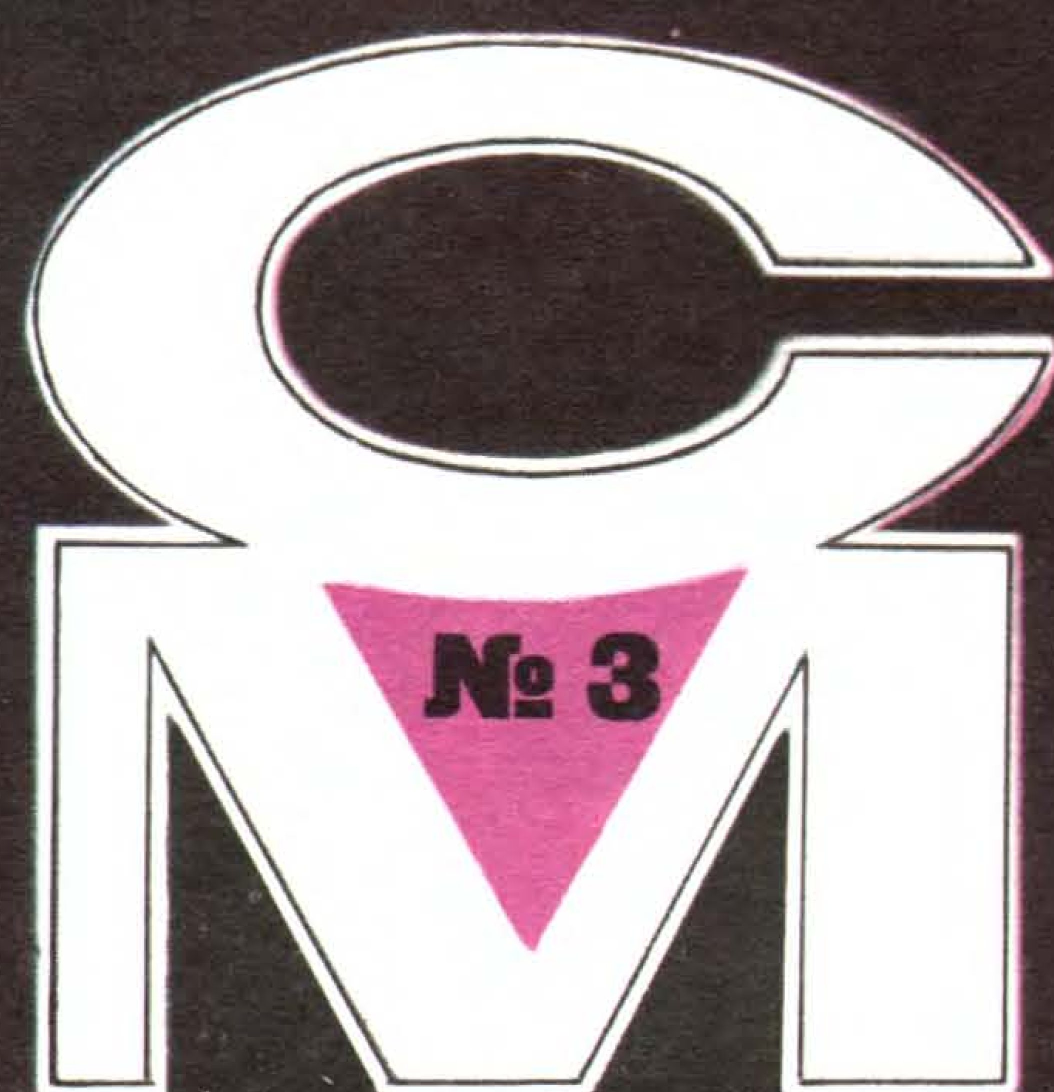

СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

адресат из Вешен

1936 13 декабря в театре станицы Вешенской впервые в стране показали со сцены «Поднятую целину» — спектакль, поставленный режиссером Барабановым по инсценировке, которую писал весь театр под руководством знаменитого земляка. Героев шолоховского романа играли на сцене те, кто прекрасно знал прототипов в жизни. Их было шестнадцать — первых артистов театра казачьей молодежи: кузнец колхоза «Культурная революция» Кузнецов, воловник Мамонов, слесарь Кулундаевской МТС Меркулов, колхозница Василевская. При театре был создан казачий хор, и пели в нем те, кто работал в поле, на ферме, в кузнице...

Александр Точилкин, один из артистов, говорил: «Сам я — коренной житель Вешенской. Происхожу из бедняцкой семьи. Мечты о сцене были у меня с детства... Мы оказались в счастливом положении актеров, которым не надо ничего выдумывать — мы играли самих себя». Д. Моргунов, игравший в спектакле «Поднятая целина» роль Островнова, был комсомольцем с 1924 года, учился на курсах ликвидации безграмотности. Моргунов рассказывал: «До коллективизации я работал по найму. Затем вместе со всей семьей вступил в колхоз, где стал работать учетчиком труда. Вскоре перешел в МТС, учился слесарному делу. Там записался в драматический кружок....

Была одна опасность — доморощенность. Да, мы играли свою жизнь! При всем при том на сцене мы жили в мире, созданном художником, и этот мир требовал от актера крыльев...»

В инсценировке, ставшей плодом коллективного творчества, был бережно сохранен текст «Поднятой целины». Один из артистов исполнял ответственную роль Ведущего, в уста которого и вложил театр раздумья автора.

Колхозный театр заметили. Приветственные телеграммы прислали крайком партии, ЦК комсомола, ЦК союза работников искусств, Комитет по делам искусств. Народный артист СССР В. И. Качалов в своей телеграмме назвал театр казачьей молодежи «собратом по искусству».

А как же сам Михаил Шолохов отнесся к спектаклю своих земляков? Известно, что постановка вешенцев ему понравилась. Надо сказать, что не обо всех инсценировках «Поднятой целины» писатель был высокого мнения. Спектакль одного из московских театров не понравился ему, потому что там не были соблюдены многие этнографические детали: донских казачек нарядили в черниговские рубахи, говор был не донской и т. д.

К двухлетнему юбилею театра казачьей молодежи было присвоено имя Комсомола. Тогда и выступил Михаил Шолохов. Он сказал:

«Юбилей этот радостен. Театральный коллектив неплохо поработал, и мы, конечно, поздравляем, приветствуем, кланяемся. Но нужно серьезно поговорить о дальнейших путях нашего театра. Сейчас он еще находится в поре младенчества. Это еще ребенок, но этот ребенок должен расти и крепнуть. 18 лет считаются у нас годами совершеннолетия, но у нас нет никакого желания ждать шестнадцать лет, пока наш театр станет совершеннолетним».

Москва А-30 Сущевская, 21 «Сельская молодежь»

Письма Всесоюзной экспедиции «Коммунар» мыслились как рапорты комсомольских организаций по созданию мемориала боевой и трудовой славы своего края. Мы знаем, что официальность здесь неизбежна, — рапорт не лирическое стихотворение. Мы получили и получаем много писем-рапортов, язык которых — язык цифр, докладных записок, военных депеш — беден метафорами и богат фактами, добрыми делами. Во всяком правиле есть исключение, но мы не предполагали, что получим так много писем, написанных «не по форме»: писем-исповедей, писем-откровений.

Что помнится нам из прожитого! Наверное, то, что оставило след в жизни, что принесло изменения в личную судьбу или судьбу народа, потрясло, осчастливило или поразило, отпечатком легло на характер человека или облик целого поколения. Может быть, и то, что вызвало сдвиги в душе, тонкие, незримые, но важные, определяющие, приведшие человека в конце концов к какому-то решающему поступку.

След в жизни оставляют события и люди... События — острые, социально значимые. Люди — яркие, широкой души, незаурядные. Именно эти люди, вершители революционных преобразований в нашей стране, строители социалистической деревни, защитники Родины от всяческих врагов, стали героями Всесоюзной экспедиции «Коммунар», проводимой нашим журналом. Вот уже более двух лет на страницах журнала идет создание своеобразной серии «Жизнь замечательных людей».

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ШТАБ ЭКСПЕДИЦИИ «КОММУНАР»

нет совершеннолетним. Мы уверены, что он вырастет быстро и в ближайшие годы покажет себя как зрелый театр.

Что для этого нужно?

Главное — работать над хорошими пьесами. Классическая пьеса — вот что должно лежать в основе репертуара нашего театра. Из современных пьес нужно отобрать самое лучшее, а то иногда под флагом актуальности на сцену протягиваются плохие произведения. Не всякая актуальная пьеса — хорошая пьеса.

Следует продумать, как показать спектакли нашего театра в самых далеких колхозах. Нужно везти туда не концерты, не вермишель из плохо подобранных номеров, а цельные, хорошие спектакли.

Несите подлинное, большое искусство в народные массы!»

Началась война — и театра не стало. Где вы сейчас, те шестнадцать? Вы были первыми. Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали о ваших трудностях и находках. О ваших судьбах — вы лицом к лицу встретили суровую годину... Мы будем знать больше о вас — мы будем больше знать о времени и о себе...

Юрий НЕМИРОВ,
Ростовская область

1944

«Сообщаем, что ваш сын Виктор погиб в воздушном бою 23 апреля 1944 года. До последнего удара сердца он был верным патриотом Родины. Перед последним боевым вылетом ему за храбрость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был вручен орден Красной Звезды. Из личных вещей, документов и фотографий ничего не осталось, все было с ним в полете. Похоронен близ хутора Красный Маяк, недалеко от Черного моря... В последнем бою ваш сын сбил два вражеских самолета, за что посмертно награжден орденом Красного Знамени».

...Теперь он выяснил точно: хутор Красный Маяк тут ни при чем, это было близ Гончарного. Они защищали небо Севастополя и тянули из последних сил, пока не упал, разваливаясь еще в воздухе, их самолет. Товарищи видели: не было в небе парашютов. Командир эскадрильи, прежде чем уйти на базу, снизился, пролетел над дымящимися обломками самолета, дал очередь по набегавшим немцам.

...Пассажир из автобуса медленно, наискось, взбирался на сопку, тяжело оступаясь на больную ногу. Он был уже не один. Две школьницы вызвались помочь ему и старуха. Братскую могилу нашли скоро. Потом другую. До сегодняшнего дня считают, что он похоронен здесь. Надписей с фамилиями не было.

— Не знали второпях, кого и хороним, — сказала старуха, пригорюнясь, — многие легли под Севастополем. Уж не взыщи...

Нет, он не в претензии. Просто подумал вдруг, что известна здесь, в Гончарном, фамилия его пилота и друга Алексея Терентьевича Будяка.

...Это был их четвертый вылет на штурмовку за день. После третьего они еле дотянули в изрешеченном пулями ИЛе до своего аэродрома. Повалились в траву, радуясь счастливому возвращению без единой царапины... Сегодня ничего не должно случиться. И когда они так решили между собой, их снова подняли по тревоге.

Отбомбились удачно, в воздушном бою он свалил двух «мессеров». И тут — снаряд немецкой зенитки. До последнего мгновения Алексей пытался смягчить удар о землю. Пилот Будяк погиб. Стрелка-радиста подобрала немецкая похоронная команда.

— Стрелком-радистом были вы, правда?

Школьницы из Гончарного смотрели в его лицо. Оно не было отмечено никакими героическими чертами — совсем обыкновенное.

— Здесь, в овраге, должен быть самолет! — волнуясь, сказал он.

Все торопливо стали спускаться по склону. Едва заметные, торчали из земли куски ржавого металла.

— Кабина долго лежала, — сказала старуха. — Наверное, мальчишки растащили...

Девочкам хотелось сказать ему что-нибудь приятное.

— Пастух Глазов из соседнего села видел ваш бой, он рассказывал нам всю вашу историю. Только говорил, все погибли

«Мою историю, — подумал он, усмехнувшись. — Не знает он мою историю...»

Плен. Чудом уцелел, вернулся на Родину. Потом послевоенные неустройства, болезни. Неожиданное письмо из ГДР, присланное в Читинский обком КПСС. Оказывается, в архиве секретного авиазавода, где работали военнопленные, разыскана его карточка: «Уличен в саботаже. 25 апреля 1945 года переведен в лагерь 22—16».

...Товарищи из ГДР спрашивали наудачу, не надеясь, что военнопленный выжил: лагерь 22—16 — это лагерь смертников. Но, возможно, остались у него друзья, род-

ственники? Пусть знают все, помянут человека добрым словом. Затем отыскались товарищи из группы Сопротивления, поддержали, помогли начать жизнь заново.

Много лет он думал о том, как непременно приедет в Севастополь. Путевка в Крым выпала ему туристская, но куда с такими ногами в походы! Однако он за путевку ухватился: Севастополь значился в маршруте.

День шел к исходу. Падало в горы солнце. Они изрядно устали: столько пройти! А старуха совсем растревожилась — плачет, отворачивая лицо, сынов, не вернувшихся с войны, поминает.

Выбрались на дорогу, он стал прощаться.

— Живи хорошо, — сказала старуха. — А случится заехать, адрес знакомый теперь. Упомнишь?

— Упомню, — сказал он.

Подходил попутный автобус. Девочки всполошились: главное-то забыли!

— Как вас зовут?

— Щербаков. Виктор Сергеевич Щербаков. Упомните?.. — засмеялся он.

Как и обещал, он догнал свою туристскую группу в Ялте.

Георг ГИРГЕНС
Крымская область

1921

В середине августа к нам в село Долгое приехал новый учитель — Владимир Афанасьевич. Ему двадцать лет, он член РКСМ. Мне шел девятнадцатый, и я еще никем не стал. Я смотрел на него и запоминал, как он ходит, как улыбается. Я соображал: как бы сделать, чтобы учитель не уехал от нас — на селе нет развлечений, кроме посиделок.

— Посиделки — это лучше, чем ничего, — сказал учитель. — Приходите с хлопцами на посиделки.

Ребят я привел к нему восьмерых, самых надежных и самых бедняков. Учитель показал нам свой комсомольский билет... Затея всем понравилась, все мы были за комсомол, и билет комсомольский всем захотелось иметь. Собираться решили в пустующем доме дьячка. Володя дал мне учебник политграмоты Коваленко и наказал: «Прочитайте с ребятами!»

За два дня до собрания расклеили по селу объявление: «В субботу 3 сентября в пять часов вечера в доме дьячка состоится общее собрание молодежи села.

1. О задачах сельской молодежи — докладчик учитель Шевелев.

2. Организация комсомольской ячейки и прием в члены РКСМ.

3. Выборы бюро.

После собрания танцы.

Молодежь! Все на собрание!»

За час до собрания мы с гармонью двинулись по селу. Начали несколько человек, и к дому дьячка подошла уже толпа.

Доклад делал учитель, и по второму пункту он выступал тоже — коротко, толково, горячо.

Были вопросы самые разные: «Можно ли коммунистам ходить в церковь?», «Откуда коммунисты знают, что нет бога?» Володя отвечал очень хорошо.

Над домом дьячка теперь развевался красный флаг, там стало уже тесновато — так много приходило ребят, да и взрослые заглядывали. По нашей просьбе волисполком отдал нам часть поповского дома. В большом зале мы устроили сцену. Теперь там вечерами играла гармонь. На эту комсомольскую гармонь шла в ячейку молодежь. Ячейка росла.

Чем только не занимались мы тогда... Собирали деньги для подшефного Балтийского флота. Провели своих членов в комитет бедноты, в сельсовет. Выслеживали самогонщиков. Построили новый мост через нашу речку. Опять с гармошкой ходили в соседние села агитировать за комсомол. Повеселившись, открывали комсомольское собрание по всей форме — с докладом и прениями. После собрания играла гармонь...

Сегодня я хочу низко поклониться своему учителю. Делать жизнь с кого? Мы делали жизнь с Владимира Афанасьевича Шевелева, русоволосого парня, чем-то похожего на Есенина. Газеты оглушали нас сногсшибательными примерами, но мы-то знали: живет рядом сельский учитель, ничего в нем героического нет, а сумел перевернуть жизнь нашего села и научил нас: живите так! Был ли в вашей жизни такой учитель? Сможете ли вы под старость лет вспомнить рядом с лицом матери лицо своего школьного учителя? Позднее были в моей жизни страницы более яркие, а сердце сначала вспоминает не их, а моего учителя...

Н. ОФИЦЕРОВ
Донецкая область

1969

Прозрачные струйки воды, бьющей из земли, заполняют два небольших водоема и по травянистой ложбине говорливым ручейком устремляются в низину. Зеленые ивы опустили к воде длинные косы.

Родник обложен камнем. Утесом поднимается над ним гордый обелиск. По мрамору рисунок: студент Кокорозенской сельскохозяйственной школы Григорий Котовский читает товарищам революционную листовку. И дата: 1897 год. Это год рождения родника. В Кокорозенах все знают, что раскопал его Григорий Котовский, когда учился здесь на агронома. Он заметил, что на склоне холма сочится из земли влага, выкопал маленькую ямку. И увидел, как со дна стал выбиваться маленький бурунчик и резвым ручьем побежал по ложбинке. Вода ледяная, вкусная.

Люди протоптали к роднику много тропинок. Любили здесь собираться учащиеся сельскохозяйственной школы, читали то, что надо было хорошенько прятать от старосты да урядника. По вечерам сходились сюда крестьяне, истомленные зноем и тяжкой работой, присаживались отдохнуть, испить водицы, потолковать о своих делах. Непоседливого Григория, что откопал родник, долго вспоминали и после того, как окончил он школу и поехал работать агрономом в имение помещика Скоповского.

Потом по Бессарабии широко разнеслась слава о красном богатыре, легендарном комбриге, что отбирает землю у помещиков и отдает крестьянам.

— Это же наш Григорий Котовский! — гордились в Кокорозенах. — Тот самый, что откопал родник...

Много разных событий произошло на земле... Погиб Котовский. Короткой, но яркой зарницей блеснул над Молдовой сороковой год, когда пришла Советская власть.

Потом война.

Стали зарастать травой тропинки к роднику. Начал он глохнуть, затянули его грязь и ил.

В сорок пятом в Кокорозенах вместо прежней сельхозшколы организовали техникум. Тогда и пришагал из Киперчен босоногий подросток. Стоял смирно перед директором.

— Как зовут?

— Платон Винару.

— Родители где?

— Померли...

— Лет сколько?

— Пятнадцать, — приврал год.

...Набрел как-то Платон на заиленный родник, копнул палкой, потом руками стал выгребать грязь. И вот забила, запульсировала водяная жилка. Вода, сначала мутная, посветлела, потом стала совсем прозрачной...

...Иной раз Платон Анисимович Винару, главный зоотехник колхоза имени Фрунзе, вырвавшись из круговерти будней, по знакомой тропинке приходит к заветному роднику. Знакомо здесь все и вроде бы незнакомо... Вот поставили обелиск.

Стал родник памятником человеку его отрывшему, всей его яркой жизни.

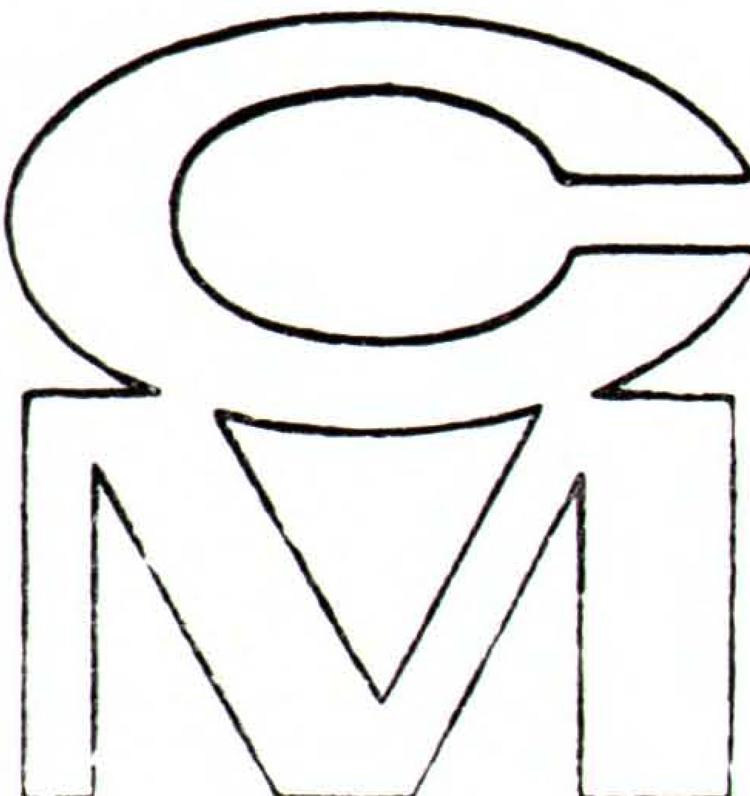
Среди полей громадным зеленым островом раскинулась усадьба Кокорозенского училища механизации имени Г. И. Котовского. Учебные корпуса, общежития, хозяйственные постройки — все тонет в садах и ореховых рощах. А дальше во весь горизонт — виноградники.

Котовцы — так называют в колхозах молодых механизаторов, выпускников Кокорозенского училища. Здесь свято берегут память о Котовском. На стене общежития — мемориальная доска. В центре усадьбы, в сквере, бюст красного комбрига. Аллея акаций, что ведет к въездной арке, это аллея Котовского — акации посажены еще руками Котовского и его товарищей.

А к светлому роднику тянутся с разных сторон людские тропинки.

Ион ИОНАШКУ, Петр МИХАЙЛОВ
Оргеевский район
Молдавской ССР

На обложке «СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ».
Фото Д. ФАСТОВСКОГО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ

№ 3 март 1969

Издается с 1925 года.

Поэтические тетради

Поэтический дебют В. Макеева состоялся в 1966 году в Волгограде, когда поэту было 18 лет. Тоненькая книжка «Небо на плечах» не залежалась на прилавке. Да и сам автор не остановился на линии старта — его творческая походка легка и уверенна. Не случаен и образ дороги, так часто встречающийся в стихах Василия Макеева: «по полыни, по крапиве, по отаве...» Правда и то, что чувствуется подчас свойственная молодости неясность устремлений, и только память детства да родина поэта — край хоперских казаков — придают этим устремлениям определенную направленность.

Полной грудью вдыхает он ясный воздух, настоянный на цветах и травах любимой им среднерусской природы. Эта любовь к земле, кровная связь с мотивами народной поэзии — надежный залог того, что молодому дарованию путь предстоит долгий и будут на этом пути подлинные открытия.

опять Василий Макеев

Мои прямые выцветшие брови,
Кому они пригрезятся во сне?
Своей печали тайной и любови
Я не нашел в далекой стороне.

Я не искал, я думал, так увижу,
Среди толпы пустынную найду,
И увезу под голубую крышу,
И на порог крестьянский возведу.

Она увидит в мареве зеленом,
Как облака, плывущие сады.
И нам на счастье поднесут студеной
Первейшей в крае свадебной воды!

Так думал я, ничуть не сомневаясь,
Что, наконец, любимым окажусь.
Как хорошо, что, тихим оставаясь,
Я сам недавней дурости стыжусь.

Я остаюсь безгрешным и безгрезным.
И пусть мне здесь не очень повезло,
В родимый край частушечные весны
Зовут меня под белое крыло!

И обещают чистую невесту
Из утреннего солнца и росы.
Не передать ни дождику, ни ветру
Ее простой торжественной красы.

Она увидит в мареве зеленом,
Как облака, плывущие сады.
И нам на счастье поднесут студеной
Первейшей в крае свадебной воды!

●

Запропали дни мои унылые,
За чертой остались снеговой.
Пролетают гуси пестрокрылые
Над моей бедовой головой.

А куда летят они — неведомо,
В край какой развесистой зари,
За какими плесами и вербами
Скоро спрячут крылышки свои.

Как узнать, на радость иль на горюшко
Далеко судьба их занесла?..
Гуси, гуси, дайте мне по перышку,
Хоть бы на два трепетных крыла!

Полечу я к матушке задворенке
И к отцу родному полечу,
И над нашей горестною горенкой
Свой привет горячий прокричу.

Может быть, в последний раз порадую,
Огорчу, быть может, не впервой
И своей сыновнею усладою
И своей бедовой головой.

Ах, мои родители любезные,
Вы меня жалели как могли...
Гуси, гуси, странники небесные,
Дайте небо страннику земли.

Но не слышат гуси пестрокрылые,
Не теряют перышки с крыла,
Снова дни готовятся унылые,
Снова туча на небо взошла.

И когда головушка опустится,
На душе как кошки заскребут —
Это плачет матушка заступница
За мою далекую судьбу.

●

За спиною два десятилетья
Мирного веселого житья.
Как зола остыла на повети,
Так остынет молодость моя.

Минет так, как будто не бывала,
В будничный людской водоворот,
Только на песке у краснотала
Белые сережки подберет.

Я бы за нее не волновался,
Я бы за себя не трепетал,
Если бы не гнулся, не ломался
Буйный петушиный краснотал;

Если бы на смолкнувших причалах
В звездную веснушчатую сыпь
Часто бы тягуче не кричала
Чем-то растревоженная выпь.

И не по себе мне до рассвета,
Грезится все, чудится все мне,
Будто бы за горькое на свете
Быть моей кручине и вине...

Потому с дощатого порога
Я иду приветствовать весну,
Кланяться зубчатому отрогу
За его благую тишину.

И в росистом травном многоцветьи,
Заглушив печальный этот зов,
За свои за два десятилетья
Разбиваю чашечки цветов...

●

Выходит осень прямо на дорогу
Одаривать, обманывать и красть.
И вот уже начальная тревога
По саду паутиной расплелась.

Пока еще не хвастая нарядом,
Не доверяясь взбалмошным ветрам,
Пустила расторопные бригады
Скворцов прошелестеть по хуторам.

Разъехались скрипучие подводы,
Свезли они садовые дары.
Но скорые сулят нам непогоды
Речные зазеневшие талы.

Закатится дремотное светило,
И на сердце оскомина и ржа.
И слышно, как под яблоней уныло
Гуляют напоследок сторожа.

Средь них отец мой, ласковый молчальник,
Он все, что выпил, знает за собой.
Страшась упреков матери печальной,
Последним возвращается домой.

Бредет он неустойчиво и поздно
В осеннем стекленеющем дыму.
И яблоки, падучие, как звезды,
Под ноги попадаются ему...

Анатолий **ЖУКОВ**

КОГО ТЫ

I

Утром Сергей из Дома приезжих отправился в районный отдел культуры. Его встретил сам заведующий, усадил в кресло и после знакомства позвонил в колхоз.

— К нам прибыл новый работник из области, — сказал он. — Да, завклубом... Именно поэтому и звоню: нужен транспорт... Почему лошадка?.. А-а, ну что ж, давайте. — Он положил трубку, объяснил: — Машины, понимаете ли, на техосмотре, высылают лошадь. Ничего, доедете, тут недалеко.

Заведующий в раздумье прошелся по кабинету. Был он лет сорока, подтянутый, стройный. Если танцует, на него, вероятно, заглядываются. Модный костюм отглажен, узконосые черные туфли блестят, белизну нейлоновой рубашки подчеркивает темный галстук.

— У нас там хороший, исполнительный завклубом, — сказал он. — Девушка, понимаете ли. Вот это село, шесть километров от райцентра. — Он ткнул пальцем в районную карту на стене. — Энергичная, понимаете ли, принципиальная девушка, все культурно-массовые мероприятия проводила согласно планам. Но... — заведующий улыбнулся и развел руками, — выходит замуж. Дело такое, понимаете ли, что задержать не имеем права. Сейчас я скажу, чтобы на вас оформили документы, и немного побеседуем.

Заведующий вышел в соседнюю комнату и скоро возвратился.

— Итак, отныне вы работник нашего района, — сказал он, усаживаясь за стол. — Обязанности завклубом, надо полагать, вам известны, поэтому несколько самых общих замечаний. Во-первых, всегда помните, что вы работник не только культурного, но и, понимаете ли, идеологического фронта, поэтому каждое мероприятие должно быть на должной высоте. Оно должно воспитывать массы, помогать выполнению поставленных задач, вдохновлять. Во-вторых, массовость. Культура принадлежит народу, и ею должны пользоваться все. Это значит — охват, охват и еще раз охват. Массовость, понимаете ли. Например, демонстрация фильмов: вы должны выполнять план не только по показу, не только по выручке, но и по зрителю, понимаете ли. В-третьих... Ну, в-третьих, выполнять указания отдела культуры и согласовывать с нами свои планы работы.

Сергей поблагодарил за ценные руководящие указания, взял свои бумаги, чемодан и вышел на улицу ждать подводы. Вскоре за ним приехал шустрый мужичок в большой клетчатой фуражке с пуговкой на вершинке, взял его чемодан, сунул в телегу и кивнул Сергею: влезай, мол, поехали.

Телега была просторной, застелена свежим пахучим сеном, колеса смазаны дегтем — запах острый, знакомый, он сразу воскресил в памяти детство, далекое село и веселого, улыбающегося отца, который тогда работал конюхом. Сейчас отец работает грузчиком в облторге, улыбается редко, и пахнет от него не дегтем, а водочкой.

Нинка, отбойная сестра Сергея, подтрунивает над отцом. Иногда ее шутки бывают обидны, и отец плачет пьяными слезами: «Ради вас же, для вас жизню свою порушил! Э-эх, вы...» Мать всегда заступается за отца и говорит, что в селе он первым человеком был, лошадей любил и никогда бы не уехал, да время такое пришло, голодное, трудное время. А ему хотелось, чтобы дети не только сытыми были, но и учеными, культурными людьми — за что же он кровь проливал на фронте, для чего работал?!

Дорога из райцентра уходила в степь, и, очутившись среди этих просторов, безначальных и бесконечных, где глаз не стеснен каменными стенами улиц, Сергей впервые понял тоску отца, тоску крестьянина-степняка, родившегося у суслона снопов под открытым небом. Как радовался он, провожая Сергея, как просил на другой же день послать письмо из села, куда его назначат! «Ты не поленись, Сережа, пропиши все как есть: и края какие, и постройки в селе, и земли, и лошади есть или нет, а то в газетах вон всё трактора да машины. Не поленись, сынок. Нина вот учебу закончит, Вовка на ноги встанет, тогда и мы с матерью к тебе...» Ну, конечно, к нему, куда же еще, ведь заново придется начинать, почти заново, а это не так просто пожилым людям.

— Значит, городской? — спросил Кузьмич, поправляя свою необъятную фуражку.

— В детстве жил в деревне, — сказал Сергей. — До шести лет.

— Значит, городской... Но-о, милая!

Телега неспешно катилась проселком среди рослой спелой ржи, вислобрюхая кобылка махала хвостом, отгоняя желтого, как винтовочная пуля, овода, и Кузьмич только для порядка понукал ее. Видно, и ему было приятно сидеть на мягком пахучем сене, приятно было ехать, свесив ноги с наклески, а Сергей для полного удовольствия снял рубашку и майку, подставив солнцу белую спину.

Он уж давно не загорал, несколько лет, с тех пор, как окончил школу. После школы он работал на заводе и учился в политехническом на вечернем отделении, но через год бросил — не лежало сердце, он плясать любил, петь и с этим ушел в армию. А после армии подался в культпросветучилище. Тут тоже было не до загаров с двадцатирублевой стипендией и желанием в два года стать и баянистом, и массовиком, и режиссером, и руководителем хора...

— У меня сын Кешка есть, твой ровесник или помоложе, — сказал Кузьмич. — Прошлой осенью со службы пришел и с тех пор в оглобли бьет — уеду в город, и все! Люди из города в деревню, а он из деревни в город. Ты с ним потолковал бы, а?

— Хорошо, — сказал Сергей. — Вот осмотрюсь, познакомлюсь и тогда...

— А чего знакомиться — айда ко мне в постояльцы, дом большой, пятистенный, будете с Кешкой жить в горнице, подружитесь. Он парень тихий, добрый.

— Что же ему в селе не нравится?

— Не знаю. До армии был как все, а тут прослужил три года в Ленинграде — и как подменили. В музеи его тянет, еще куда-то. — Кузьмич удрученно покачал фуражкой. — В церкву нашу ходит. Я не хожу, а он ходит. Там, говорит, сказка, духовный интерес... Но-о, каналья, прислушалась!

От окрика телега дернулась и с минуту катилась быстрей, но потом старая лошадь, видно, устыдилась своего испуга и перешла на шаг.

— И Наташка к нам несколько раз приходила, завклубом, — продолжал Кузьмич. — Приглашала его в артисты, а он всю зиму к Маланье на посидел-

ИЩЕШЬ?

ки ходил. У Маланьи изба большая, зимой девки туда на посиделки идут, ну, а где девки, там и ребята. Вот сейчас на увал подымемся, а там и село...

— А кто эта Маланья?

— Вдова. Неужто я не сказал? Мужик у нее на фронте погиб, дочка грудная осталась. Теперь уж давно невеста. Давно-о...

Их обогнал бородатый красивый старик на велосипеде, взглянул на Кузьмича, приветственно кивнул. Кузьмич в ответ поддернул козырек фуражки. А дождавшись, когда велосипедист отъехал подальше, сказал Сергею:

— Батюшка. В аптеку за очками ездил. На троицу он служил заутреню, уронил очки на пол и вот с тех пор мается: читать не в чем.

— Много читает?

— А как же: духовное лицо. Почтальонша ему четыре газеты носит да три журнала: «Науку и жизнь», «Сельскую молодежь» и «Новый мир». Божественный еще какой-то приходит, с крестом на обложке — это уж четвертый. Много читает. Он за то стоит, чтобы молодежь из села не разъезжалась, землю не бросала.

— Полезный поп.

— Полезный. Только Михаил с ним не ладит, комсорг. Он комбайнером работает, а выбрали комсоргом, и с тех пор не ладит. Ну вот оно, наше село, гляди!

В километре от дороги среди пожелтевших уже хлебов зеленел большой остров с красными, белыми и голубыми крышами домов, спрятавшихся в садах. Посреди этих садов и крыш с шестами антенн стояла, как пастух среди овечьего стада, белая церковь, высоко взметнув позолоченные главы и сверкающие на солнце кресты.

II

В колхозной конторе сидел и деловито курил, откинувшись на спинку стула, рыжий подросток лет пятнадцати.

— Не вы будете председатель? — почтительно спросил Сергей.

— Я-а?! — Подросток удивленно вскочил весь красный и бросил папироску на пол. — Уборщица я, посыльный. Мать в район на базар поехала, я за нее.

— А папироску зачем на пол бросил?

— Не велят мне. — Парень стал пунцовым от смущения. — Рано, говорят, Андрейка, молодой еще. И отец и мать. А я в восьмой перешел.

— Несознательные они у тебя, Андрейка. В клуб не сводишь?

Паренек с готовностью согласился, и они вышли.

Сельская улица была пустынной, если не считать кур, купавшихся в пыли, да редких стариков, которые грелись на лавочках перед домами. Андрейка объяснил, что все люди сейчас в лугах, торопятся закончить сенокос до жнитва, а в жнитво и подавно никого не будет. О сельских новостях он сказал, что новостей много, все не перечислишь. Вот в сельмаг привезли трусы и майки, которые обычно привозят зимой; в пруду утонула корова Зорька, и старый бригадир дядя Тимофей составил «Акт о заходе Зорьки в воду и невыходе из нея» — в правлении все утро смеялись; исключен из комсомола шофер Алик, который обвенчался с Ниной, дояркой из второй бригады; из области едет новый завклубом вместо Наташки — не вы ли случайно?

— Я, — сказал Сергей. — И совсем не случайно.

Клуб был деревянный, приличный, с фойе, оклеенным полезными лозунгами и призывами, с большим зрительным залом, сцена просторная, а за ней две комнатки для артистов, где были сложены линялые флаги, поломанные стулья и два бесталанных задника, один из которых изображал лунную ночь в деревне, а другой — солнечный день в степи. В углу фойе, отгороженная дощатой стенкой, размещалась аппаратная киномехаников, в другом углу была касса, одновременно служившая кабинетом завклубом, — оттуда выскочила миловидная девушка в брюках и стала кричать, по какому праву они тут ходят без разрешения.

— Я назначен сюда завклубом, — представился Сергей.

— Наконец-то! — Девушка вздохнула и радостно засмеялась. — Принимайте, я уж неделю на чемоданах сижу, а вас нет и нет. Идемте, акт я давно заготовила.

Она отправила Андрейку за комсоргом, который должен был присутствовать при передаче, и провела Сергея в свой «кабинет».

— Сейчас примете мое богатство, дадим вместе прощальный концерт — и ту-ту, — ликовала Наташа. — Мы ведь немножко актеры, без прощального концерта нельзя. Знаете их обычай? В последнем выходе на сцену, если актер уходит из театра, он к заключительным словам спектакля прибавляет свое, прощальное «Всё!». Познакомьтесь с моим суженым — лейтенант Неделин.

Наташа показала на карточку, приколотую над столом, с которой глядел победителем бравый курсант пехотного училища. Значит, выучился, и вот...

— Его направляют в ГДР, — сказала Наташа, — и скоро я стану фрау Неделина.

— Поздравляю, — сказал Сергей.

Она достала из стола папку с инвентарной описью клубного имущества и заготовленные акты.

— Приступим, Сережа, не будем терять время.

Она торопилась, фрау Неделина, ее ждал в областном городе бравый лейтенант, и передача проходила в быстром темпе: «Вот стулья, считайте — девятнадцать рядов по двадцать штук; вот занавес — старый, надо сменить, вот портьеры на окнах — сама покупала, новые; вот экран, портреты — раз, два, три... Отмечайте в описи, потом сверим с актом».

Возвратился Андрейка и с ним долговязый комсорг Михаил — в комбинезоне, в берете, на лбу пылезащитные большие очки. Наташа деловито отослала их в свой «кабинет» писать афиши для сегодняшнего концерта.

— Я его с весны готовлю, — сказала она Сергею. — К Первомаю хотела поставить — посевную не закончили, в День Победы собралась — баянист заболел, а потом у школьников экзамены начались. Вот теперь они кончились, а выпускники разъехались, оркестр распался. Я из них оркестр народных инструментов набрала, готовила целый год и — пожалуйста! — готовь теперь новый. Ничего, подготовите. Осенью отправляйтесь прямо к директору, он добрый, поможет. О драмкружке не беспокойтесь, артисты будь здоров, «Таню» Арбузова осилили. И хор у нас есть, только трудно собрать. Зимой еще туда-сюда, а летом ничего не сделаешь. В общем все хорошо, освоитесь.

— Буду стремиться, — сказал Сергей.

— Село интересное, только очень уж оно, понимаете ли, сельское. — Наташа засмеялась, точно скопировав заведующего отделом культуры. — Массы, понимаете ли, не всегда склонны к нашим мероприятиям и подчас занимаются другим, как-то: престольные праздники, посиделки зимой и тэдэ и тэпэ.

— А он о вас хорошо отзывался, — сказал Сергей.

— Еще бы: все планы согласовываю и выполняю, послушна, грамотна — среднее специальное образование. Только, Сережа, все это, откровенно сказать, чепуха. Вот готовили «Таню» два месяца, а поставили один раз, и смерть спектаклю. Здесь же село, все враз посмотрят, а с гастролями не поедешь — люди-то, артисты мои, работают. И потом я одна: и режиссер, и дирижер, и хоровик, и массовик, и художник... Нынче с хором, завтра в драмкружке, послезавтра с оркестром вожусь, и все это для одного-двух вечеров. А остальные-то вечера кто будет занимать? Вот и ходят к Маланье на посиделки: частушки поют, пляшут, играют в какие-то старинные игры... В общем спасибо лейтенанту Неделину за любовь и верность.

Они проверили имущество клуба, и, возвратившись в «кабинет», Сергей посмотрел планы культурно-массовой работы. Он убедился, что Наташа не брала на себя роль затейника, развлекателя молодежи. В планах были и диспуты о любви и дружбе, и вечера встречи с ветеранами труда, и «огоньки» с разной тематической установкой: преподаватель средней школы прочитал цикл лекций о современной литературе, врач местной больницы систематически ведет беседы под веселым названием «Будьте здоровы», колхозный инженер рассказывал о современной технике, ветеринарный врач выступал с лекциями «О братьях наших меньших»...

— Оставьте эту ерунду и подписывайте приемный акт, — сказала Наташа, отбирая у него тетрадь и бросая ее в корзину. — Составите новые планы. Свои.

— Напрасно вы так, — сказал Сергей. — Планы хорошие.

— Трепотня. Справедливая чушь. Врач рассказывает о биологических «часах», о ритмическом чередовании работы, отдыха и приема пищи, а в колхозе свой ритм жизни: летом вкалывают от зари до зари, а зимой лежат. Инженер говорит о новой технике, о разных там электронных машинах, а в животноводстве все вручную делается. И учитель так же: «Вот Сергей Залыгин создал хороший роман «Соленая падь», вот есть интересный писатель Абэ Кобо, японец, прочитайте его «Женщину в песках», — а где прочитать, у нас в библиотечке, что ли? Учитель-то сам в областном Дворце книги читал, у него отпуск два месяца, в городе их проводит, а нам больше сельскохозяйственную литературу направляют, которая никому не нужна... Миша, ты написал? Тогда и расклей уж заодно.

— Мне на работу надо, — сказал Михаил, вылезая из-за стола и потягиваясь. — Обеденный перерыв кончился, а я тут с вами время теряю. Идем, Андрейка.

— Время теряю! Да ты обязан, для вас концерт-то!

— Все равно не состоится. С лугов поздно приедут, доярки в летнем лагере, одни механизаторы остались. Я расклею, недолго, только все равно ведь читать некому.

— Найдутся, расклей. У магазина одну, у правления и одну на ферму — там телятницы есть. А в луга надо съездить, сказать. И по селу пройти. Может, вы, Сережа? Заодно и познакомитесь. Давайте-ка с Андрейкой, а я приготовлюсь пока, артистов соберу.

— Хорошо, — сказал Сергей и стал скатывать в трубку размашисто намалеванные красной тушью афиши: «Сегодня в 10 часов вечера в клубе состоится БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ — в программе русские песни, пляски, художественное чтение и другие интересные номера. Вход бесплатный».

Михаил поправил на лбу пылезащитные очки — форсил парень, зачем ему очки, когда жатву еще не начали, — и они трое вышли.

— С попом почему не ладишь? — спросил Сергей.

— Молодежь к нему заглядывает, комсомольцы. Ты как узнал?

— Кузьмич сказал.

— Он бы за сыном лучше глядел. Мы Кешке выговор влепили, а он все равно ходит — иконы ему нравятся, живопись. И ведь правда хорошие иконы, я разок ходил тайком, видел... Ну, до вечера, в мастерскую тороплюсь.

— До вечера, — сказал Сергей.

Андрейка сделал Михаилу ручкой,

III

У сельмага несколько женщин с любопытством поглядели на Сергея, подождали, пока он прикрепит кнопками к стене афишу, прочитали вслух: «Большой концерт».

— А-а, новый завклуб, — сказала одна разочарованно. И ушла вслед за подругами, которые уже говорили о своих делах.

— Народ у нас систематический, — сказал Андрейка солидно.

— Какой?

— Систематический. Летом клуб не признают, летом, говорят, на воле просторней. Когда я маленький был, так говорили и сейчас так говорят. Систематически.

На животноводческой ферме они услышали плач с причитаниями:

Милый ты мой Ваня, сокол ты мой ясный,
Сокол ты мой ясный, голубь сизокрылый!
На кого, родимый, ты меня спокинул,
Спокинул-оставил, улетел далеко.
Я одна горюю, во поле былинка...

— Тетка Малаша, — объяснил Андрейка.

Плач, вспугнутый его голосом, сразу исчез. Послышался металлический звон, и в дверях показалась пожилая женщина с ведрами в руках. Поздоровавшись, она обернулась назад и крикнула весело:

— Кланя, Светка! Радуйтесь, к вам жених пришел.

Из телятника выскочили одна за другой две девушки в темных халатах и уставились на Сергея, смущаясь и краснея, — перед ними действительно стоял плечистый городской парень, а не босоногий шепелявый Петька, шестилетний сынишка фельдшерицы, который повадился ходить на ферму и звал их «невештами».

— Здравствуйте, — сказал Сергей. — Пришел пригласить вас на концерт и познакомиться. — Он протянул руку и назвал свое имя.

Девушки смущенно спрятали руки за спины.

— Грязные, — объяснила одна. — Мы полы в секциях моем. Проходите.

Сергей прошел за ними в телятник, разгороженный на клетки, большие и маленькие. В маленьких было по одному теленку, в больших — по три-четыре возрастом постарше. Телята выглядели чисто, и в помещении было чисто, пахло свежим сеном и скобленым просыхающим деревом.

— Кто это плакал сейчас? — спросил Сергей.

— Не плакал никто, — сказала вторая девушка в светлых кудряшках. — Это тетя Малаша показывала, как причитают. Она и плачи знает, и причитания, и песни разные: свадебные, рекрутские, застольные, величальные.

— Интересно. Ну как, придете на концерт, девушки?

Возвратилась женщина с полными ведрами воды, тетя Малаша, поставила их на пол и успокоила Сергея:

— Придут, придут, не беспокойтесь. К такому парню да не прийти.

Сергей попрощался и вышел, чувствуя спиной их взгляды. Закуривая на ходу, он услышал, как одна из девушек назвала его медведем.

— Крепкий, видать, мужик, спокойный, — возразил ей голос тетки Малаши. — И руки угребистые. Такими и работать только давай, и обнимать — не вырвешься.

— Тетя Малаша, ну что ты!

— И вырываться не станете, если серьезно. Петьку-то вон вы как целуете да тискаете — значит, не шуточки, а пора пришла. Я вот... на фронте мужики наши... одна...

«Освоюсь, — успокаивал себя Сергей. — Это я с непривычки теряюсь. Надо было и ее пригласить, тетку Малашу, приметная женщина и не ханжа». И подозрительно поглядел на Андрейку: не заметил ли он его скованности на ферме?

Но Андрейка ничего не замечал. Он то и дело забегал вперед и глядел на Сергея влюбленными глазами, втайне ему завидуя: вот как о настоящих-то парнях говорят — «крепкий... обнимет... вырываться не станете».

— А правда в городе брюки клеш носят? — спросил он, поглядев на зауженные брюки Сергея.

— Носят, — сказал Сергей. — Дворники особенно рады этой моде: тротуары подметать не надо.

— У нас нет тротуаров, — вздохнул Андрейка. — И дворников нет.

Возле мастерской их встретили два парня в комбинезонах — очевидно, механизаторы, и после знакомства один из них, улыбаясь, неожиданно предложил Сергею побороться. Сергей отказался, сославшись на недостаток времени, и пригласил их на концерт. Они сразу поскучнели и, ничего не ответив, пошли к комбайнам. Чудаки, право. «Здравствуйте. Давай поборемся».

— Это Сережка, ваш тезка, — объяснил Андрейка с гордостью. — Он всех побарывает в селе, осенью в город хочет, учиться на борца.

— Да? Ну ладно. Что еще хорошенького покажешь, Андрейка?

— Не знаю. — Андрейка погрустнел. — Что тут хорошего, все известно. Школу если, да учителей там нет, в отпуске, директор только остался. Сейчас, наверно, цветы поливает.

— Хороший у вас директор?

— Змей ловит. Как лето начнется, так и пошел по полям да лесам: змей, ужей, ящериц — кто попадет, того в сумку.

Директор в самом деле был с лейкой и поливал в школьном дворе клумбы. Он вежливо оставил работу и повел Сергея на скамеечку под липы. Андрейка взялся за лейку.

— Хорошо живем, — говорил директор, держа Сергея под локоть, — мирно, тихо, интересно. Я за свою жизнь наездился, и вот теперь здесь. Присаживайтесь.

Липы отцветали, и скамейка и земля у скамейки были засыпаны мелкой шелухой цвета. В листьях с жужжаньем возились мохнатые шмели и пчелы, пролетела, махая яркими крыльями, бабочка.

— Вы зайдите как-нибудь домой, я вам террариум покажу. Правда, жена сердится, но ничего, я вот еще гюрзу поймаю, черепаху добуду и тогда перенесу все в школу. Там у нас есть живой уголок, объединюсь с ним, и будет у нас маленький зоопарк.

— Вы биолог? — спросил Сергей.

— Нет, историк. Долго был на партийной работе, а всегда любил своих гаденышей — так сказать, хобби. Вот теперь оказалось полезным, школьники должны знать фауну и флору своего края. Надо вот еще гербарий собрать.

Он сидел, улыбаясь, деликатный, лысый, и с мягкой настойчивостью рассказывал о змеях, о том, что в начале августа он собирается в Среднюю Азию — ведь только там можно поймать гюрзу, а здесь одни гадюки водятся да ужи. Взволнованно рассказывал, интересно. Надо непременно побывать у него дома.

Сергей пригласил его на концерт и отправился за своим провожатым дальше. Андрейка как-то погрустнел, стал задумчивым.

— Тебе что, директор не нравится? — спросил Сергей.

Андрейка отвел взгляд:

— Боюсь я его. Разок ходил с ним в лес, он крадется к ящерице, улыбается, а потом цап ее за шею. Восемь штук домой наловил да нам в живой уголок пять. А мне их жалко: на воле бегали, трава кругом, солнышко, а теперь в ящиках сидят: «Смотрите, ребята, на пресмыкающихся, это представители нашей фауны». Пусть только сделает зоопарк — весь распущу!

Вот он какой, оказывается, подросток Андрейка: и модные штаны ему подавай и ящериц не тронь. Впрочем, в зоопарке действительно чувствуешь себя неловко. Эти железные клетки, решетки, толпы зевак и тоскливые, смертельно усталые взгляды животных. Лежит лев, царь зверей, хозяин джунглей, а над ним табличка, указан вес и длина от головы до хвоста, и служитель, невзрачный мужичонка в халате, бросает этому царю, как нищему, кусок мяса.

— Вон на тот щит повесьте. — Андрейка показал на фанерный щит у крыльца колхозного правления и шепнул: — Председатель.

На ступеньке крыльца сидел седой грузный человек и наблюдал за ними. Он дождался, пока Сергей пристроил на щит с показателями по сеноуборке свою афишу, поманил его пальцем:

— Только приехал — и концерт? Хорошо живем, весело. — Председатель показал Сергею на ступеньку рядом с собой. Сергей, поздоровавшись, сел. — Здравствуй, здравствуй. У Кузьмича остановился? Ну ладно, можно и у него, изба большая. А цифры ты напрасно заклеил своим объявленьем: люди работают, и надо знать, кто как работает.

— Отдыхать тоже надо, — возразил Сергей.

— Не придут, — сказал председатель. — Целый день на жаре, вернутся поздно, до концерта ли? Завтра вставать чуть свет. И доярки из лагеря не приедут, у них там радиоприемник есть, гитара.

— Выходит, концерт не нужен?

— Да как сказать? Почти в каждом доме телевизоры, приемники. Я вот не пойду. Почтальонка Нина Крутикова

звонче Людмилы Зыкиной не споет? Не споет. Вот я и послушаю Зыкину, нынче как раз ее концерт. По второй программе.

— Что же делать?

Председатель улыбнулся.

— Я вот тоже об этом думаю. Сижу частенько и думаю: чего же еще нам не хватает в колхозе? Все вроде есть. И земля, и скотина, и техника, и начальство, и специалисты разные — всё у нас есть. Жить бы здесь мужику, как у Христа за пазухой: сеять где что — агроном укажет, скотину как накормить — зоотехник с высшим образованием, трактор забарахлил — инженер есть, поплясать захотелось — иди в клуб, пляши, не умеешь — научат. Научишь ведь?

— Научу, — сказал Сергей.

— Ну вот. Стало быть, всё у нас есть, малости какой-то не хватает. А какой?.. Помнишь, из-за чего поссорился Иван Иваныч с Иваном Никифорычем? Из-за ружья. Все у него было, а ружья не было, и вот поругались. Да как поругались — на всю жизнь, хотя ружье то проклятое не нужно было ни Ивану Иванычу, ни Ивану Никифорычу...

IV

Концерт не состоялся. Кроме исполнителей, пришли Михаил с механизатором-борцом, несколько подростков, Кузьмич да телятницы Кланя и Светка. Эти последние с наивной откровенностью объяснили, что их послала тетя Малаша. «Сходите, — сказала, — выручите парня, а то посидит в одиночестве и сбежит». Да и Кузьмич пришел только для того, наверное, чтобы расположить к себе постояльца. Все-таки какой-никакой, а доход.

Наташа закрыла клуб и отдала Сергею ключи.

— Счастливо оставаться, — сказала она. — Утром я уеду. Жаль, что сказать «Всё!» было некому. Впрочем, все равно бы не поняли.

Сергей присел на ступеньку крыльца и закурил. Рядом стояли, ожидая его, Михаил с телятницами и Кузьмич.

— Поборемся? — сказал Сергей. Его злило это их сочувственное ожидание и вздохи телятниц: ждали провала, знали и вот стоят любуются.

— Темно, — сказал механизатор. — Извозишь костюм по траве, а зелень отмывается плохо.

— Что же ты о моем костюме не думал, когда сам в грязном комбинезоне был?

— Я тогда раздеться хотел.

— Ну и сейчас разденься.

— Бросьте, ребята, в самом деле извозитесь, — сказал Михаил. — Надо лампочки завтра вкрутить. И на столбе и у входа. Пошли. До свиданья, Сережа.

— До свиданья. — Сергей встал и послушно отправился вслед за Кузьмичом.

В прохладной тишине далеко и одиноко стучал движок электростанции, но окна в домах светились редко: село отходило ко сну. Если в луга уезжают с рассветом, а светает в три с минутами, то и сна остается немного, четыре-пять часов.

— Это она виновата, Наталья, — сказал Кузьмич. — В страду бы еще захотела или в посевную. Мы Первый май в посевную не празднуем, а она — концерт! Тебя напугать хотела да себя оправдать.

Он открыл калитку и пропустил его вперед. В одной половине дома горел свет, в другой было заметно небесное мерцанье телевизора.

Их встретила жена Кузьмича, хлопотливая и радушная, мигом собрала на стол, позвала из горницы Кешку.

— Там какую-то сказку показывают по телевизору, — с улыбкой объяснила она Сергею, — а он, чисто дитё, сказки любит, картинки. — И развела руками: мол, что поделаешь, такой уродился.

Из горницы вышел тихий паренек с большой головой («вот откуда у Кузьмича необъятная фуражка»), застенчиво поздоровался и присел в уголок у стола. Белобрысенький он был, «славянофил» Кешка, совсем белый был и глядел как-то напряженно и исподлобья. Альбинос ты, брат, а не славянофил, подумал Сергей и вспомнил дорожный разговор с Кузьмичом: «В оглобли бьет — уеду в город, и все!» Как такой может бить в оглобли, не конем глядит — жеребенком.

— За наше знакомство, значит, за твое новоселье! — Кузьмич поднял традиционную стопку и со значением поглядел на Сергея: мол, помни наш разговор, спасай Кешку, а я тебе потом удружу.

И Сергей понял его и, чокнувшись поочередно с хозяевами и их сыном, вылил горечь в себя, подумав, что завтра надо будет писать письмо отцу. А что писать? И надо ли? Может, проще взять неразобранный чемодан и уехать вслед за Наташей? Выйдет очень быстро и просто. Очень будет просто, проще уж некуда.

— А вы закусывайте, закусывайте, — хлопотала хозяйка.

И отец поймет его и смирится, потому что сам он, блудный сын деревни, мечтающий о своем возвращении, когда-то уехал во имя детей, и дети стали сыновьями города, и отнюдь не блудными. Но они могут стать таковыми, понимаете ли («очень кстати ты вспомнился, черт возьми!»), если во имя отца возвратятся в деревню. А только ли во имя отца?

Альбинос Кешка отодвинул свою тарелку и вежливо сидел, ожидая, пока поест Сергей. Он-то во имя чего тянется в город, не расклешенные же брюки его привлекают?

Сергей встал, поблагодарил хозяев за ужин и пошел вслед за Кешкой в горницу. Небесный свет телевизора мерцал и притягивал к себе, на экране стремительно проскакивали автомобили, летел над водой, приподнявшись на крыльях, речной теплоход, уносилась в небо ракета — тугие кульминационные куски жизни сверкали и грохотали, и не слышно было сверчка за печью. «Все у нас есть, малости какой-то не хватает. А какой?»

Кешка выключил телевизор, и они почти до рассвета просидели у открытого окна, курили, пуская дым в ветви ближней ранетки, и Кешка рассказывал:

— В Ленинграде я почти каждое увольнение ходил в Эрмитаж, — рассказывал он. — Какие там картины, красота какая! У нас в церкви есть копии с некоторых, но куда им до подлинников! Батюшка, правда, нашел художника и уже получил от него «Мадонну» Рафаэля — хорошая вышла копия, но дороговато, а он хочет еще заказать «Явление Христа народу» Иванова и обновить всю внутреннюю роспись купола...

Ну и пусть обновляет, клуб не культовый храм, чтобы его расписывать, хотя почему бы не расписать, почему бы вместо полезных, но надоевших лозунгов не повесить несколько хороших картин, эстампов, наконец?

— ...«Всенощная» Рахманинова у него на магнитофон записана — там же церковная форма прекрасно использует возможности хорового пения! И «Аве Мария» в исполнении Зары Долухановой на пленке есть — видите, католическую молитву использует! И красиво, молодежь ходит тайком слушать. А когда он начинает благословлять — верите ли? — я вздрагиваю, слова-то какие высокие...

Мистик ты, наверно, вот и вздрагиваешь. Впрочем, не только один ты ходишь в церковь, и это значит, что ваш поп хорошо выполняет свои обязанности. «Помните, что вы работник не только культурного, но и, понимаете ли, идеологического фронта, поэтому каждое мероприятие должно быть на должной высоте. Оно должно помогать выполнению, вдохновлять...»

Должно... массы... мероприятия...

— ...Я тоже ходил на посиделки зимой. Вот уеду, и жалко будет. Она ведь настоящий кладезь культуры, эта тетка Малаша: и песни всякие, и хороводы, и одежду старинную хранит, и пляшет неторопливо, плавно.

— Тетка Малаша? — удивился Сергей. — Она не телятницей работает?

— Телятницей. Но главное — открытая она, сердечная, я ей все могу рассказать, и она поймет, а не поймет, так почувствует открытым своим сердцем, и мне станет легче.

А он слушал трогательный плач вдовы, видел ее и не догадался, что тетка Малаша и есть та самая Маланья, которая успешно конкурирует с дипломированным клубным работником. Да и не думает она о конкуренции, к ней просто идут, когда становится трудно или скучно.

Что же делать? Он ведь тоже так учился и ничего другого сюда не привез и не понял бы этого сегодня, если бы не этот несчастный концерт, который так и не состоялся.

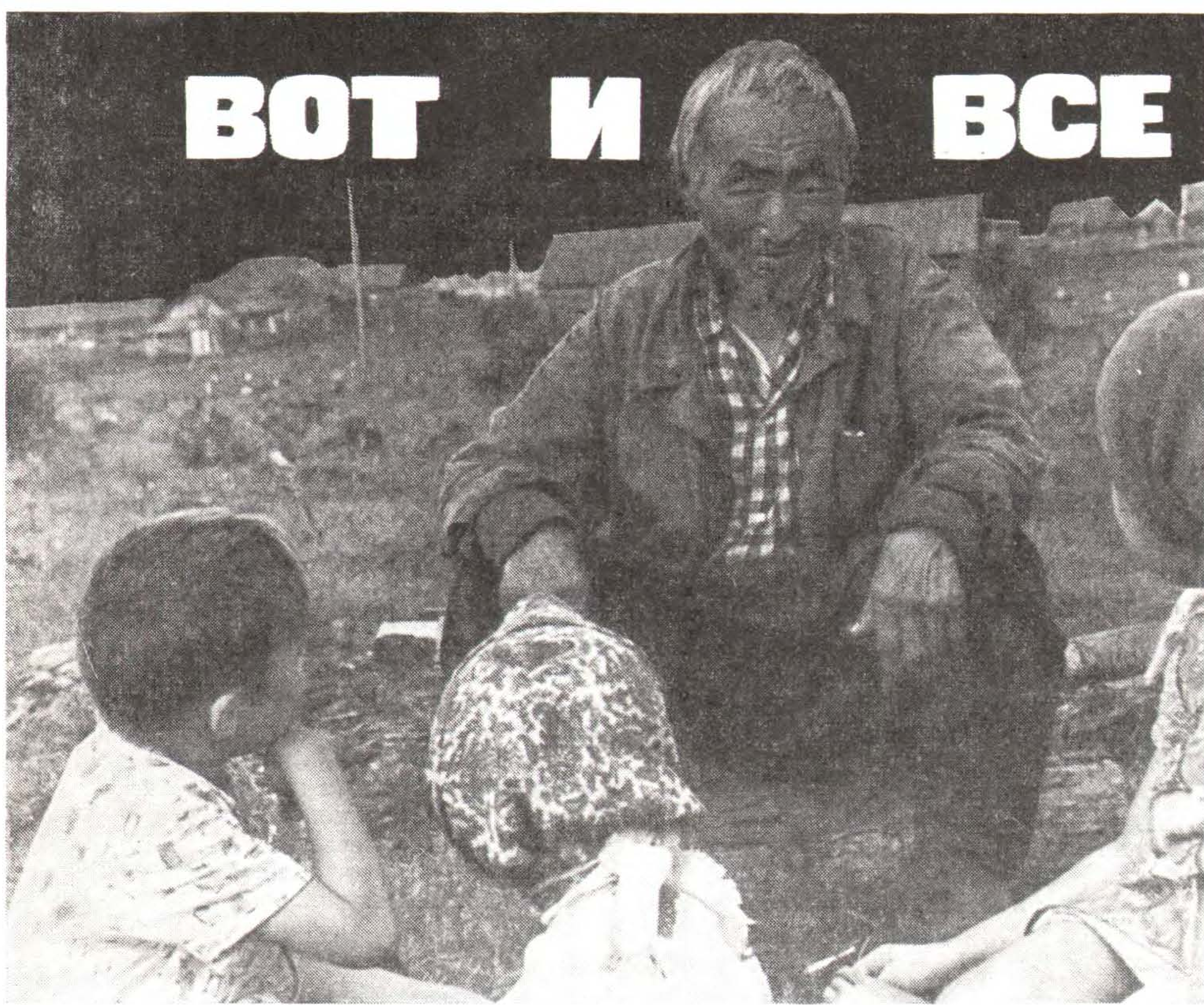
— Давайте отдыхать, — сказал Кешка. — Мне к восьми в мастерскую надо, слесарю я там.

Они разобрали свои постели в разных углах — койки двуспальные, с белыми шарами, — легли.

— Спокойной ночи, — сказал Кешка.

— Спокойной ночи. Увидишь батюшку во сне, привет передавай. Скажи, что собираюсь привезти магнитофон с записями музыки и повешу в клубе хорошие картины...

ВОТ И ВСЕ

Геннадий **ЦЕПУЛИН**

У крайней сосны лает собака. Загнала зверя на вершину и теперь надрывается, ждет хозяина. Выстрела ждет, но охотники все на сенокосе.

Беру ружье, иду к собаке. Надо же освободить пса от его собачьих обязанностей.

Вершина сосны густая, что за зверь там — не разглядеть. Но вот показалась мордочка. Белка?.. Нет, полосатый бурундук!

Зверек неожиданно быстро-быстро спускается по стволу, не сводя глаз с собаки. Я стреляю, и собака теперь рыщет носом по земле, ищет добычу. Напрасно, я стрелял в воздух. Живи, бурундук!

...Тут я услышал песню. По тропке шла девочка с корзиной, с биноклем и весело напевала.

Мы познакомились.

— Ира! — сказала девочка. — А вас как зовут? Пошли со мной по ягоды?

— А мы не заблудимся? — осторожно спросил я.

— Сапоги надень, а ружье не оставляй — мы тогда с тобой далеко уйдем, на озеро. Далеко без ружья нельзя. Медведь объявился. Недавно в деревню приходил, в огороде у тети Анастасии лакомился. Она увидела его и ну в таз колотить. Шибко мишку перепугала.

Ира вдруг с таким азартом стала рассказывать о лесном госте, будто медведь снова вернулся в огород.

— Ой! Вы наступили на красную ягодку, земляничку. Вот видите, сейчас наедимся.

Был у Иры такой совок, стакана на три, а по краю его железный гребешок. Проведешь совком по ягоднику, и он полон.

— Вот мы с вами далеко ушли, а в бинокль все-таки видно, — она вынула из корзины бинокль. — Видно горы... Вижу больницу, магазин, столовую. Как дедушка набирает воду. Смотрите...

Мужики косили сено, в селе пусто, скучно. Вечером набрели на меня братья Козловы — Шурка и Серега.

— Эй, паря! — обратились они ко мне. — Самоходка приходила. Груз привозила. Там конфеты, тетради. Завтра еще одна должна прийти.

— Вот старый интернат, а там новый...

— Здесь картины вешают.

— Афиши это... А знаете, почему у Богоносовых топор на воротах нарисован? Если случится пожар, у кого нарисован топор, должен с топором бежать.

Я стал приглядываться к заборам. Не на всех, но на многих были нарисованы ведра, лопаты, багры...

— Поедем-ка сети вынимать. Уху сварим.

После встречи с Ирой я понял, что здешние ребята народ вполне самостоятельный. И хотя одному Козлову было лет семь, а другому около десяти, я всерьез принимал их покровительство.

Пока мы с Сергеем выливали из шитика воду, Шурка сбегал домой за солью, картошкой, хлебом, котелком и спичками. Следом бежали две собаки.

Мы отчалили.

Тишина была такая, что шум от всплеска весла был слышен на другом берегу и, отражаясь от берега, от деревьев, возвращался обратно.

— Эй, паря, паря, заряжай скорей! Смотри, стая летит! — дергает меня за рукав Сергей.

Стреляю, почти не целясь. Две жирные августовские утки падают на воду.

Грохот разносится над рекой.

Были у нас в тот вечер и уха и жаркое.

Утром Козловы пришли снова.

— Давай хотоко. Одни пойдем в тайгу. Кое-что интересное запишем. Давай нам хотоко.

Так братья называли магнитофон.

Я молчал. Я думал. А Козловы наступали:

— Ты что молчишь, паря? Ты не бойся, паря, мы народ надежный, не сломаем хотоко. Давал же ты Васе Оболкину фотоаппарат поносить. Не сломал ведь.

Убедили меня братья Козловы. Дал им хотоко. Как действует магнитофон, они еще вчера выучили назубок.

Ребята ушли. А вечером я прослушал записи:

«Вот вертолет идет. Нужно спешить». — «Есть спешить». — «Вон Дуся коров с посадочной площадки погнала». — «Говори, кто прилетит!» — «Кто прилетит? Я не знаю. Верно, летчик. Пойдем их запишем». — «Давай». — «Дяденьки, вы летали? Что делали?» — «Патрулировали леса. Смотрели, нет ли где пожара». — «Нашли или нет пожар?» — «Нет, нет».

Но главной целью у Козловых был девяностолетний старик Каплин.

«— Дедушка, а дедушка, все в книжках мы про шаманов читали. Даже в кино про них нет. Ты же их видел, сам у них лечился, говорят люди. Почему никогда не расскажешь?

— Выдумали, однако, про кого спрашивать. Шибко плохие люди были. Шибко хитрые, болтливые, жадные.

— Но ведь это же история. Нам учительница говорила, что ее надо беречь».

Дед Каплин принес откуда-то бубен и попытался воспроизвести шаманский танец, добросовестно бил колотушкой по бубну:

«— Бо! Бочу! Конгномо орон! Богдама Моты! Бо! О небо! Черный олень! Белый лось! Бо! Уходите болезни с закатом солнца, вернись здоровье с восходом».

— ...Вот, говорили мы, что не сломаем хотоко, — важничали Козловы.

В Москве, прослушивая записи, я обнаружил одно интервью, взятое братьями Козловыми у самого общительного человека в селе, Васи Оболкина, у того самого, которому я давал фотоаппарат.

«— Кто поймал эту рыбу, Вася?
— Я!
— Сам, что ли?
— Ну?!
— Жарить надо, наверное?
— Ну?!
— А кто будет жарить?
— Я!
— Сам, что ли?
— Ну?!
— А умеешь?
— Ну?!»

Ох уж это сибирское «ну»! Его можно произносить с разными оттенками до бесконечности. У Васи Оболкина это получается. «Ну» может выражать согласие и гнев, радость и горе, восторг, отрицание, совет и просьбу.

Вот и все. Ну!

Нижняя Тунгуска

9

Нина **ГРУЗДЕВА**

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

М. Исаковский, РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Бабы

Бабы, бабы!
Когда порою
Попадешь на их строгий суд,
Все-то косточки перемоют,
Всех-то предков перетрясут!
Бабы, бабы! Вам все прощаю,
Говорите, а я сейчас
Заварю-ка покрепче чаю
Да с мороза согрею вас.
Новостей я услышу ворох,
Этот умер, женился тот,
Соберемся опять нескоро —
Ведь работа, она не ждет!
— Эка дура, Смирнова Натка —
Вишь, нашла себе мужика...
— Видно, нет в женихах достатка —
Вдовья доля-то нелегка!
— И за волосы натаскает,
Экой пьяница заводной!
— А потом, глядишь, приласкает —
Все же лучше, чем жить одной!.. —
И судачат себе, судачат,
Забывая минутам счет,
И пророчат себе удачу,
А удача-то не идет.
Скажет Анна:
— Вот руки слабы,
Так и ноют в метельный час!
Ох, на отдых нам надо, бабы,
Только кто же заменит нас?
Трудно. Все разлетелись дочки —
Им другие брать рубежи,
Только жизнь не поставит точки,
А бежит себе да бежит.
Вам бы жить не десятки — сотни
Лет; и то не хватило б их...
— Что же, бабы, пора на скотный,
Самовар-то, смотри-ко, стих! —
И поклонятся на прощанье
По-привычному, невзначай...
Звонко бьют часы расставанье.
На столе остывает чай.

Где-то месяц плывет во ржи,
Где-то плачут от счастья люди...
Удержи меня, удержи —
Больше ночи такой не будет!
Будет просто алым восход
И закаты как все закаты,
Что-то главное в нас умрет —
Будем сами в том виноваты.
Очень просто, а не понять,
Очень просто, а не ответить —
Почему даже в двадцать пять
Мы доверчивы, будто дети?
Видишь — месяц плывет во ржи.
Слышишь — нет в тишине покоя!
Удержи меня, удержи
И погладь по щеке рукою.

Я могла бы молчать, молчать,
Стихнув, как ветерок утих,
Только нашей любви печать
Все лежит на губах моих,
Не ломается — не сургуч,
И не плавится — не смола...
О язык любви, ты могуч,
Тяжелы у тебя слова!
Скажешь слово ты — не перечь,
Канешь в душу ты — сражена,
И во рту застывает речь,
Только в сердце звенит струна.
Слышу я везде этот звон,
И гоню его, и ловлю,
И звенит мне со всех сторон:
«Я люблю его, я люблю!»

Открытьем сердечных америк
Похвастаться я не могу...
Любви уплывающий берег,
И ты — на другом берегу.
Два берега — левый и правый,
Две левых и правых руки...
Прошли мы, ища переправы,
Вдоль этой высокой реки.
Но канула в бездну надежда,
Не смея и слова сказать,
А я продолжаю, как прежде,
Смотреть в дорогие глаза,
Покуда они дорогие,
Покуда я боль не таю,
Пока не заглянут другие
Попристальней в душу мою.

Не отдохнув, не разлюбив
Все то, что дорого мне было,
Вдруг снова сердце полюбило,
Обид недавних не забыв.

Дитя природы, вольный дух
Вдруг начинает обновляться.
Все кончилось, чтоб вновь начаться.
Огонь угас, но не потух.

Поэтические тетради

Н. Груздева

Светлана
ПИМЕНОВА

Ночные гости,
вы всегда внезапны,
над бедами своими не вольны.
В визитах ваших что-то есть от залпов,
как в каждом залпе — что-то
от войны.

Заслышав крик, колдую над
засовами,
заслышав крик, с волнением
борюсь.
...Боясь ночей с отчаянными
зовами,
беспомощности собственной
боюсь.

Однажды на ночь ты покинешь дом,
тот самый, что построен в стиле
готики.
И сутки проживут на стенке ходики.
И сутки я хозяйкой буду в нем.

Разворошу огонь в твоей печи
и стану слушать, как трещат поленья.
Не стану думать о тебе, поверь мне.
И ждать тебя, пропавшего в ночи.

Промчится конник, громко в рог трубя.
(В такие ночи — злому зверю рыскать.)
Но ты мужчина. И к тому же рыцарь.
Я потому спокойна за тебя.

Пусть все напасти — твоему врагу.
Ты уходи, сомнением не мучась.
Я буду ждать. Такая моя участь.
Ждать буду вечность. Больше —
не могу.

Все о себе да о себе.
Вот о других — ни слова.
Сыграй мне соло на трубе,
трубач. Сыграй мне соло.
Меня навек приворожи
мелодией простою.
Меня навеки отреши
от всех, кого не стою.
Дай силы мне. Трубу не прячь.
Играй, прошу покуда.
А впрочем, нет. Молчи, трубач.
Прости, трубач. Прощай, трубач.
Ты сам не веришь в чудо.

Мои товарищи

Мои товарищи суровы.
Не суетятся, не мельчат.
Они, как снежные сугробы,
со мною холодно молчат,
когда их чем-то огорчаю.
Себя упреками разя,
я по товарищам скучаю:
мне без товарищей нельзя.

И так, наверно, будет вечно,
до самой, до моей строки...
Мне вечно к ним спешить и влечься,
как лодке — к берегу реки.

И в бурю лодкою срываться.
И волны на ходу сминать.
Мне с ними временем сверяться.
Мне их у знамени сменять.

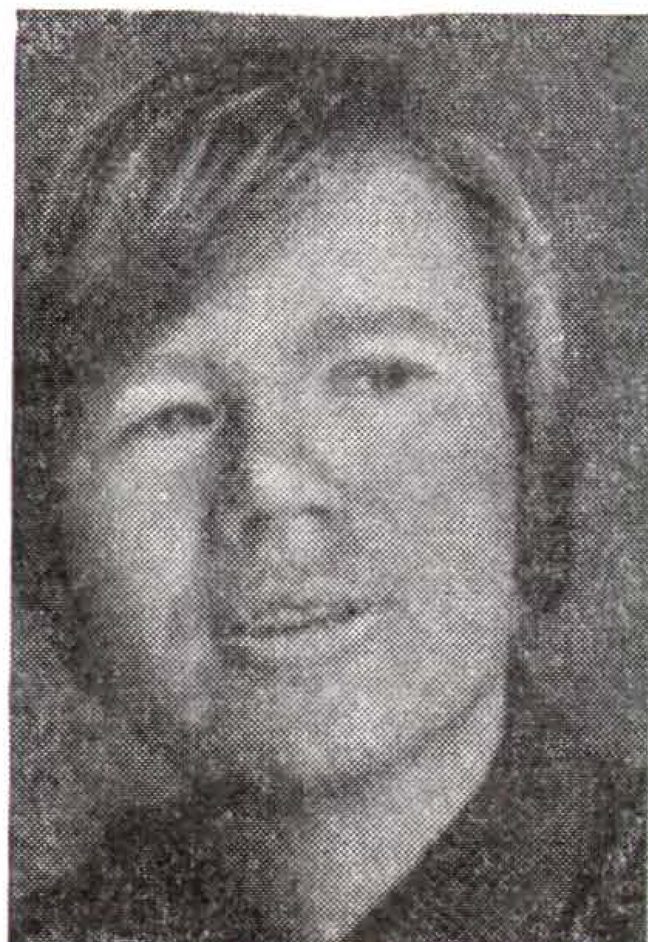
И пусть они со мной суровы.
Пусть их суровость мне горька:
чем выше снежные сугробы,
тем полноводнее река.

Цветут деревья осенью красиво и
обманно.
Сегодня отправляем на покой
не знаменитость вовсе, а так,
балетомана.
Вы даже и не знали, кто такой.

Был человек он тихий, а потому —
удобный.
Его никто не трогал, никто не обижал.
Любил воскресным утром он посидеть
у дома.
Но больше жизни, кажется, балет он
обожал.
К нему с вопросом лезли: «Какая
в нем потребность,
в балете этом самом?» И он мудрил
в ответ:
«Да, молодость не старость, тем более
не древность.
Но древность — это вечность, а вечен
лишь балет...»

Довольные ответом, соседи отставали.
Мол, не поймешь, а гоже. Ну, словом,
угодил.
Какой-то весь старинный, какой-то
бесталанный,
он каждый вечер в этот балет свой
уходил.
И вот конец.
Погода — ни холодно, ни жарко.
Плывет в гробу, как в лодке, не ведая
того,
что кто-то на премьеру сегодня
контрамарку
не смог достать и нету несчастнее его.

Вдруг стало северно.
Спешат укрыться люди.
Как снеговик, скребешься у дверей.
(С утра гадала: что-то нынче будет?)
Ты не топчись. Ты проходи скорей.
Дай мне стряхнуть колючие снежинки
с твоих бровей.
О, как же ты зарос!
Как похудел!
Как голубеют жилки
у глаз запавших...
Снег тебя принес?
Ты проходи, хоть и слыву я колкою.
Снимай пальто.
Здесь жарко, как в аду.
Ты говори. Я разговор не скомкаю.
И в сторону его не уведу.
Начни про снег,
И поддержу охотно:
«Да, сыплет все...
завьюжило в ночи...»
Заговори о выставке офорта.
О чем угодно.
Только не молчи.
Коснись рукой невидимого пульта.
Ты не тревожься, что не так пойму.
И сделал шаг: «А я к тебе попутно...
Я ненадолго. Я сейчас уйду».

Существует или нет проблема подростков на селе? Сейчас уже об этом не спорят. Да — существует. Да — на селе. Сложная, трудная и разрешимая! Очерк Романа Харитонова — о человеке, который попытался решить ее по-своему. И что из этого вышло...

Роман **ХАРИТОНОВ**

Рисунок О. **КАНДАУРОВА**

Мальчишки остаются позади

ОЧЕРК

1

У Сашки был день рождения. Ему исполнилось девять лет. Его поздравляли и дарили подарки. К вечеру взрослые сели за стол и выпили за родителей, у которых вырос такой хороший сын. Сашка с друзьями смирно сидел на скамье в передней и через открытую дверь наблюдал, как в клубах табачного дыма гармонист растягивал мехи. Сосед подошел к Сашкиному отцу и, наклонившись, старался перекричать гармонь. В углу у телевизора соседка взмахивала над головой платочком, подергивала плечами и вскрикивала: «Ах, девушки, любовь горячую храните под платком, я хранила под косыночкой — раздуло ветерком».

К мальчишкам с тарелкой дымящейся картошки и рыбными консервами в томате выскочила Сашкина мать, разрумянившаяся, веселая, с блестящими глазами.

— Ну, давайте, мужики, ужинать!

Мать заговорщически подмигнула Сашке, нагнулась, открыла дверцы кухонного стола и поставила рядом с тарелкой три рюмочки из толстого граненого стекла.

Мальчишки оживленно перешли к столу, понимающе посмотрели друг на друга, и, когда мать выбежала в горницу, Сашка толкнул ногой Витьку:

— Сейчас.

И вправду Сашкина мать вернулась с бутылкой недопитого красного вина.

— Ближе, ближе садитесь, — подбадривала она ребят. — И ну, быстренько за Сашино здоровье.

Сашка поднес корочку хлеба к веснушчатому, пуговкой носу, зажмурился и выпил. Торопясь друг перед другом, ребята хватали картофелины, сталкивались вилками в консервной банке, мотали головами, подражая взрослым.

О друзьях забыли.

Кто-то, проходя на двор, обронил:

— Чего табачищем дышите? Шли бы гулять.

Мальчишки вышли на крыльцо. Небо вызвездило высоко, крупно и ярко. Через усилитель на другом конце деревни крутили магнитофонные записи.

— Айда в клуб! — сказал Витька. Он сделал вид, что едва держится на ногах, и пошел к калитке. Мальчишки догнали его, обнялись.

— Э-эй, моряк, ты слишком долго плавал...

В клуб их не пустили, сказали, чтобы утерли носы и шли спать. Они стали было ерничать, но появился колхозный парторг. Он мог отжучить! Мальчишки отбежали и спрятались за сельмаг. Сашку подташнивало.

Потом они не помнили, кто первый заметил, что стекло в окне сельмага надтреснуто. Они привстали на цыпочки и прижали носы к стеклу. Темнота в глубине магазина была густой и жутковатой. Но, возбужденные вином, мальчишки решили продолжить Сашкин день рождения.

Утром деревню Лужки взбудоражил слух, что кто-то ночью залез в сельмаг. Украли шоколадные конфеты и две бутылки вина.

Найти ночных «грабителей» было нетрудно. В сельмаг лазили два четвероклассника — Солдатенков и Дороненков и их девятилетний друг Сашка Александров...

Я сидел в детской комнате милиции Демидовского района и листал журнал ЧП. В журнале хранились многолетние записи о мелких кражах, о разбитых окнах, о несчастных случаях, когда ружья попадали в руки детей, об угнанных из озорства машинах.

Юных нарушителей из разных сел было немало. В записях до 1965 года особенно часто встречалось: «...проживает в селе Слобода». После шестьдесят пятого года это село со страниц журнала исчезло.

— То, что происходит в Слободе, — сказала Екатерина Петровна Козлова, старший инспектор детской комнаты, — заслуживает внимания. Там, по-моему, исчез эмоциональный голод, из-за которого зачастую подростки и совершают преступления.

Выражение «эмоциональный голод» все чаще употребляется среди юристов. Мальчишка должен испытать чувство риска, славы, исключительности. Он входит в мир и должен проверить, на что способен. Чаще всего эта проба сил кончается печально, если взрослые вовремя не помогли. С готовыми понятиями о добре и зле не рождаются. Развитие личности подростка — лучшая профилактика преступления. Когда мальчишка увлечен интересным делом, его просто невозможно толкнуть на что либо постыдное.

— Поезжайте в Слободу, — посоветовала Екатерина Петровна. — Там живет очень интересный человек.

2

Я приехал в Слободу утром. Ночью шел снег, но главная улица села была уже прикатана до блеска широкими полозьями тяжелых саней. Работу зимой начинают затемно, и дорогу успели присыпать розоватыми чешуйками сосновой коры, редкими клочками сена. По зеркальному следу санных полозьев машины и колесные тракторы нанесли путаный узор протекторов, и редкие капли мазута расплылись на снегу темными пятнами.

Мне навстречу, в гору, медленно тащились дровни, до отвала груженные лесом. Где-то за заборами в морозном воздухе звонко дзинькала циркулярка. Слышался стук топора.

Еще совсем недавно Слобода была сельцом, затерянным в глубине хвойных лесов смоленского поречья. Когда-то она приглянулась Пржевальскому. Здесь, в домике над озером Сапшо, великий путешественник отдыхал, писал книги, обдумывал новые экспедиции. «Сохранившаяся еще девственность, присутствие рысей, кабанов, глухарей, медведя и своеобразная красота озерной дали с синеющими островами положительно очаровали Пржевальского», — записал в дневнике его ученик и друг Петр Кузьмич Козлов. В свой последний трагически оборвавшийся научный поиск Пржевальский уходил отсюда. «До свидания, Слобода», — написал он одним росчерком на двери своего дома. Надпись не сохранилась. Гитлеровцы сожгли дом Пржевальского, как сожгли все село.

На месте сожженного села срубили новое. Кое-где между прочными избами, под плетнями, за которыми доживали до весны послевоенные хибары, лежали накаты бревен, припорошенные снегом.

Я спросил у возчика дровней, как пройти к клубу. Он молча указал кнутовищем за плечо.

Клуб стоял через дорогу от нового совхозного кафе. Я без труда узнал кафе по блеску никеля за огромными зеркальными стеклами и направился к зданию, срубленному в два этажа и обшитому тесом.

Парадная дверь оказалась запертой. Но еще с дороги я видел на втором этаже, у примороженного окна склонившегося над столом человека.

За углом я нашел запасный вход и по деревянной лестнице попал в местный музей, который в общем-то и разыскивал. Из глубины большой комнаты, заставленной витринами с чучелами, расшитой старинной одеждой и образцами каких-то пород, вышел тот самый человек, которого я видел в окне. Он был высокого роста, с крупными губами, говорящими о мягкости характера, и роговых очках.

— Вот так с ребятами с подсказками, с помощью людей добрых и обзавелись «хозяйством», — сказал Василий Михайлович, когда мы осмотрели музей и присели у стола.

Я сказал, что к нему меня направила Екатерина Петровна, и разговор о воспитании зашел сам собой. Когда я спросил Василия Михайловича, есть ли у него в педагогике кумиры, он ответил, что кумиров много, но ни стройной, ни тем более строгой педагогической системы у него нет и полагается он только на свое уважение к ребятам. Суверенитет даже маленькой личности не вызывал у него сомнения.

— Нельзя допускать, чтобы подростки теряли уважение к себе. Потеряв уважение к себе, они теряют его ко всему, и в первую очередь к учителю, который их унижал. Если уж говорить о педагогических системах, то первой заповедью должно стать правило — делать все возможное, чтобы дети почувствовали свою значимость, чтобы в их эмоциональном аппарате возникло чувство радости, гордости за себя, за дело.

В Норвегии воздвигли бронзовую статую в честь девятилетнего мальчика Кнута Хенинга только за то, что он, плохо умея плавать, не задумываясь, кинулся в море, чтобы спасти упавшего в волны шестилетнего малыша.

Юная душа доверчива, ее двери одинаково распахнуты для честного и бесчестного, умного и глупого, доброго и злого. Направить внимание ребят на хорошее — значит создать хорошего человека, открыть для него гуманный, благородный мир.

— К сожалению, — сказал Василий Михайлович, — у нас понятие «обучение» и «воспитание» часто объединяют в одно. В конце концов передать свои знания, научить мальчишек алгебре и грамматике не так уж сложно. Труднее вырастить из них увлеченных людей, и если нет у них мечты, дать им ее.

Василий Михайлович подвел меня к двум ящикам, похожим на картотеку.

— Вот здесь, — сказал он, — около пяти тысяч писем, которые получили ребята.

Я попросил разрешение посмотреть некоторые из них. «Дорогие ребята, — писала мать погибшего воина Виктора Константинова, — горечь и боль в мое сердце принесло ваше письмо. Были бы крылья, я бы полетела на могилку своего сына. Но сейчас болезнь валит меня с ног. Как вам удалось разыскать меня и мой адрес, ведь после войны прошло столько времени? Я высылаю вам фотографию сына, а вы пришлите мне фотографию братской могилы, где похоронен мой мальчик».

— Ребята не любят голых абстракций, — говорил Гавриленков, раскладывая по ячейкам недавно полученные письма. — Сколько бы им ни говорили, что надо любить Родину, народ, это будет для них только звук. Интересы ребят надо так направить, чтобы самые высокие слова стали близкими, конкретными, понятными.

Три с половиной тысячи семей погибших разыскали ребята Василия Михайловича. Горе, принесенное войной, не было для них абстрактным, когда они заботились о тех, кто приезжал на могилу своих близких.

Я вынул несколько писем из второго ящика. Это были благодарные ответы на приглашение ребят прибыть на слет воинов и партизан, сражавшихся в Слободских лесах в Великую Отечественную войну. Казалось, письма в село идут со всего Союза. Первым это почувствовал почтальон. Никогда почта не была загружена так, как в те июльские дни. Почтальон потребовал транспорт. Его сумка тяжелела.

Интересы сотен солидных, уважаемых, занятых людей переплетались с интересами сельских ребят. Я представил день 16 июля, когда в разных уголках страны полтысячи человек брали билеты на самолеты, поезда, пароходы, заправляли собственные машины, чтобы почти одновременно устремиться в одну точку, которая значилась лишь на картах районного масштаба. И никогда бы не понять, как могло вместиться пятьсот человек в небольшое село, если б Василий Михайлович не рассказал мне, как обошли мальчишки и девчонки все дома — и двери домов гостеприимно распахнулись. В празднично прибранных комнатах запахло свежими крахмальными скатертями и сдобными пирогами. Село как бы заново отмечало День Победы. «Волги», «Запорожцы», «Москвичи» запрудили улицы. В то жаркое утро все мужчины села, как бы сговорившись, надели выходные пиджаки с орденами, медалями, орденскими планками. В музее, у стенда с фотографиями погибших героев, вместе с бывшими комиссарами, подрывниками, разведчиками ребята поклялись вечно помнить тех, кто пал за Родину, и быть достойными их памяти.

Василий Михайлович рассказал, что, вглядываясь тогда в повзрослевшие лица своих учеников, он понял — все было рассчитано верно. Урок мужества и гражданства состоялся.

В школе Гавриленков преподавал историю, и никто лучше его не сознавал, что ученикам не постичь во времени и пространстве огромный мир, не зная истории того его уголка, в котором они росли. Психология нового поколения формируется не только временем, в котором оно живет, не только кумирами сегодняшнего дня, но и тем, что было, чего оно не застало, событиями, в которых не принимало участия. Из этого убеждения и родился музей.

Капитан запаса, Василий Михайлович с отличием закончил Смоленский пединститут, внимательно выслушал все доводы друзей о пользе и выгоде аспирантуры и... уехал в родное село Слобода. В первую же субботу после занятий учитель истории повел ребят в поход.

— Смотрите, — говорил он им и показывал на лежащую на земле корову, — это к теплу. Гуси под крыло носы прячут — к холоду. Лягушки урчат — к дождю.

Наметанный глаз насмешливого и внимательного человека безошибочно определял место бывшего городища или первобытной стоянки. В походах с Василием Михайловичем можно было обходиться без часов. У него были «цветочные часы», надо было только знать, что козлобородник «встает» в три-четыре часа утра, а ноготки — «сони» и начинают день не раньше семи часов.

Когда-то «железный Феликс», Дзержинский, писал жене: «Меня очень радует, что нашего Ясика так восхищает природа, что у него есть слух, что и лес, и цветы, и все богатство природы его так интересует. Ибо кто чувствует красоту, тот может уловить и понять сущность жизни настоящего человека».

Оставив у порога портфель, по музею на цыпочках, чтобы не мешать нам, ходила девочка. Она взяла со стенда, где висели фотографии в траурных рамках, вазочку с ветками забайкальского багульника и сменила воду. В марте, каждую весну, одинокая, потерявшая на Смоленщине сына женщина присылает из Забайкалья посылку с веточками багульника. В марте, каждую весну, распускаются сиреневые цветы.

К сожалению, разговор с Василием Михайловичем неожиданно оборвался. Он посмотрел на часы и сказал, что у него через десять минут урок. На улице мы распрощались. Василий Михайлович торопливо пересек дорогу, чуть сутуловатый и добрый.

3

К тому времени, когда я приехал, село Слобода под огнем настойчивых просьб школьников было переименовано в Пржевальское.

Однажды, потряся воображение мальчишек, вызвав неистовое любопытство сельчан, в Пржевальское прибыла группа ученых мужей. Ответственные мужи уважительно пожимали руку Василия Михайловича, который встречал их у школьных дверей. Могли ли думать пржевальцы, что по материалам, свидетельствам, документам, собранным их детьми, беспутными пацанами, в селе состоится выездная сессия географической секции Академии наук! Сессия посвящалась жизни и деятельности Пржевальского. Дважды по следам пржевальских ребят выезжали археологические экспедиции.

Трудно было поверить, что все это происходит в селе, от которого за десятки километров не только железная дорога, но и местная «столица» — райцентр.

Я вспомнил другие места, в которых бывал и где от мала до велика все жаловались на свое село как на самое скучное на земле. Среди ищущих сочувствия были знающие, культурные люди. Вероятно, чтобы жить и сделать жизнь вокруг себя интересной, мало знания и культуры, нужно еще иметь увлеченное сердце. «Не бить челом веку своему, а быть человеком!» — эти стихи я впервые услышал от Василия Михайловича.

После каждого лета комната музея, пополнившаяся каменными топорами, наконечниками копий, тысячелетними черепками, вроде бы «усыхала». Нужно было новое помещение. И появилась «пионерская хата», как называл Дом пионеров Василий Михайлович. В эту «хату» и привела меня Ира Федорова.

У окна, поближе к свету, склонились над шитьем девочки. Они быстрыми, широкими стежками дошивали халаты из белой марли. Завтра ребятам предстояло с боем захватить высоту «108,7», ту самую, которая в сорок третьем торчала как заноза, и советским войскам надо было взять ее, уничтожить, вырвать с корнем. Те, кому пришлось ее тогда штурмовать, стали героями.

Комната была завалена стружками. Пахло сосновой смолой и краской. Трое подростков обстругивали деревянные автоматы. В углу, на табуретке, широко расставив сапоги, негромко перебирал кнопки баяна черноволосый парень лет пятнадцати. Он вдруг прервал военную песню и, обращаясь к девочке с рыжими косичками, вероятно продолжая прерванный разговор, сказал:

— Нет, неправильно ты истратила наши деньги...

Ребята вместе с Василием Михайловичем нашли клад польских монет Сигизмунда II. Они случайно заговорили о том, как бы истратили эти тронутые зеленью пластинки, если бы польские деньги сохранили ценность.

И я, взрослый человек, впервые пожалел, что в моем детстве не было Гавриленкова. Кто из мальчишек не мечтал найти клад, кто не мечтал стать Томом Сойером! Впервые в жизни я видел ребят, странная мечта которых осуществилась. Это были самые обыкновенные мальчишки и девчонки в лыжных куртках из вылинявшей байки, в коричневых школьных платьях, озорные и застенчивые.

— Надо было бы духовой оркестр купить, — продолжил свою мысль медлительный баянист.

— Мог бы и без оркестра обойтись! — возразили рыжие косички. — Я бы эти деньги во Вьетнам отправила.

Я вмешался в разговор, и ребята рассказали о медвежатах, долго живших у них, о партизанских землянках, в одной из которых они наткнулись на волчье логово. Кто-то пожалел, что я приехал зимой, а не летом.

— На рыбалку бы сходили, — сказал молчавший до сих пор командир отряда. Судя по его шершавым, исцарапанным рукам, коренастой фигуре и прищуренным глазам с плутовской искоркой, Саша Митрофанов был хороший рыбак.

Я сказал, что согласен и на подледный лов.

— Вы когда уезжаете? — спросил Саша.

— В понедельник.

— Нет, не смогу, — ответил он и с сожалением поскреб в затылке. Сразу после военной игры Саша должен был выехать на лыжах к месту бывшей стоянки прославленного отряда Шульца и нарубить жердей для ограды заповедного места.

У ребят не было незанятого времени. Их энергия находилась под контролем и была целенаправленна.

Ребята разговорились, и я выяснил, что в будущем почти все они видят себя образованными и уважаемыми людьми.

Три четверти подростков, опрошенных мною в других селах, отвечали приблизительно так же. Но многие тут же начинали сомневаться в своих возможностях, не верили в свои силы, в реальность того, что их желания могут осуществиться. Из такого настроения рождались пустота, растерянность, случайные поступки. Вероятно, Василий Михайлович хорошо это знал и всячески укреплял в ребятах уверенность в том, что при достаточном упорстве сбывается любая мечта.

Темнело. Я стоял с Сашей Митрофановым на берегу Сапшо у векового соснового бора. Красоты прославленного озера я не увидел, это была заснеженная равнина с крошечной фигуркой одинокого лыжника вдалеке. Саша показал на острова, которые угадывались по зарослям кустарника.

— Там и поселились первые люди.

На острове ребята обнаружили стоянку неолитического человека. Потом, когда островитяне перешли от рыболовства к земледелию, в окрестностях Сапшо вырос целый ряд городищ. С установлением великого водного пути из варяг в греки центром этих поселений стал город Вержавск, плативший дань смоленским князьям. В наше время Вержавск считался бесследно исчезнувшим. И только недавно юные краеведы установили, что он находится возле деревни Городище, в двадцати километрах от Пржевальского. Сколько людей не открыли свою Атлантиду только потому, что не встретились с человеком, с которым можно и в далеком селе открывать исчезнувшие города!

Саша поглубже нахлобучил свой треух и в тучах снежной пыли съехал на валенках вниз.

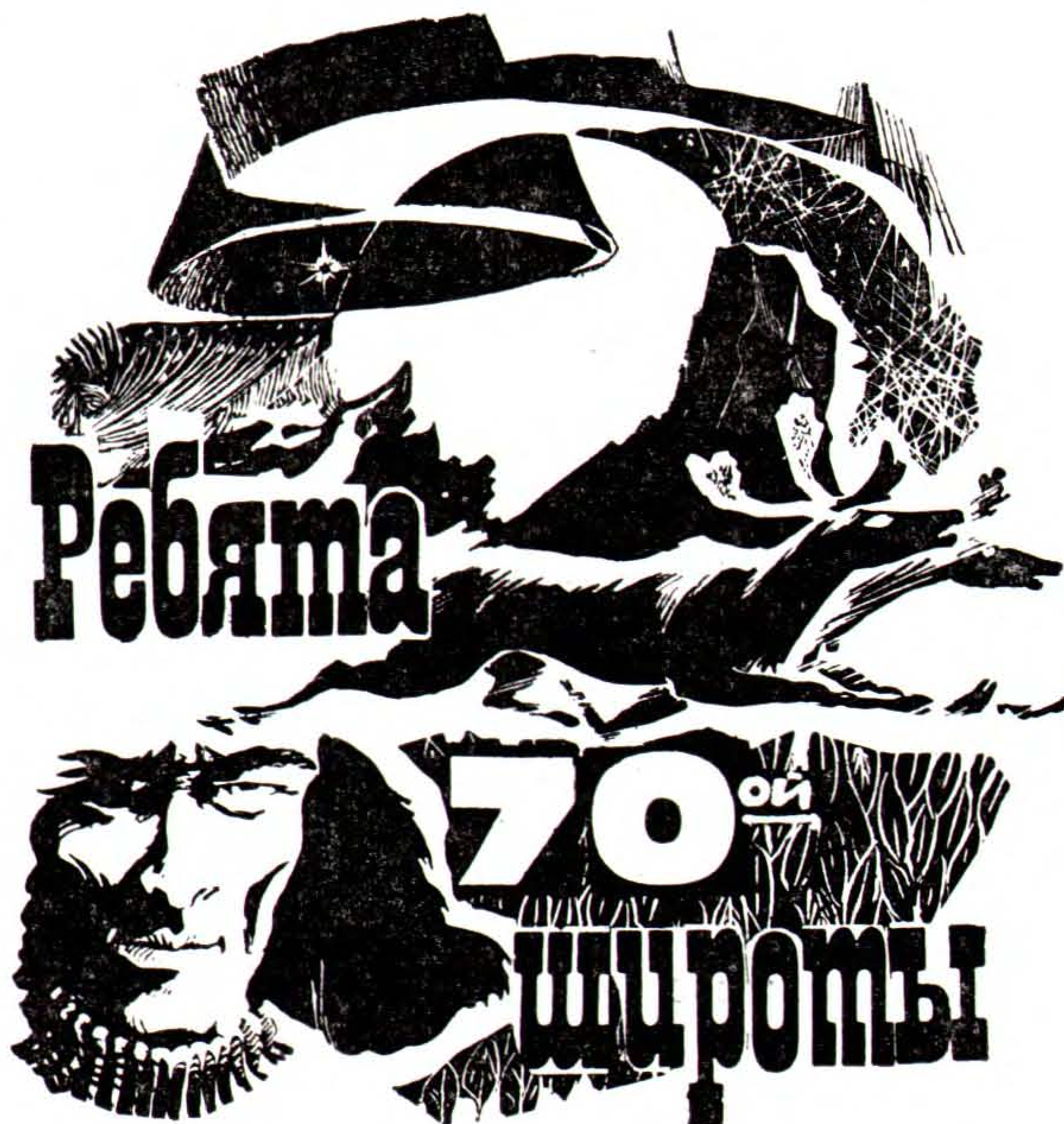
Назавтра я снова встретил Сашу. Он шел впереди своего отряда. Ребята, торжественно усталые, стройной колонной, с деревянными автоматами на груди вступали в село после штурма высоты «108,7». У Василия Михайловича лежали в карманах оставшиеся, тщательно пересчитанные взрывпакеты. На склонах сопки догорали дымовые шашки и облитые бензином два старых автомобильных ската. Жители села вышли из домов. И наверное, мальчишкам думалось, что двадцать пять лет назад вот так же встречали их отцов, так же вглядывались в лица, отыскивая родных и знакомых.

В день отъезда на двери Дома пионеров я прочел приказ, подписанный капитаном запаса В. М. Гавриленковым.

«Штабу батальона приступить к разработке двух новых военно-тактических операций: «Днепр» — преодоление водных преград, и «Мститель» — использование партизанской тактики в лесистой местности».

(Окончание на стр. 40)

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Слова **Л. ЛУЧКИНА**
Музыка **С. ПОЖЛАКОВА**

Белой ночью бегут олени,
И синеют сплошные льды.
А на десятой параллели
В это время цветут сады.

ПРИПЕВ:

А нам не страшен
Ни вал девятый,
Ни холод вечной мерзлоты,
Ведь мы ребята,
Ведь мы ребята } 2 раза
Семидесятой широты.

Если надо, значит надо,
Значит будут и здесь сады,
Пусть метели бушуют рядом,
Надо будет — растопим льды.

ПРИПЕВ.

Пусть морозы и пусть тревоги,
Пусть сугробы встают, круты,
Мы проложим пути-дороги
По законам своей мечты.

ПРИПЕВ.

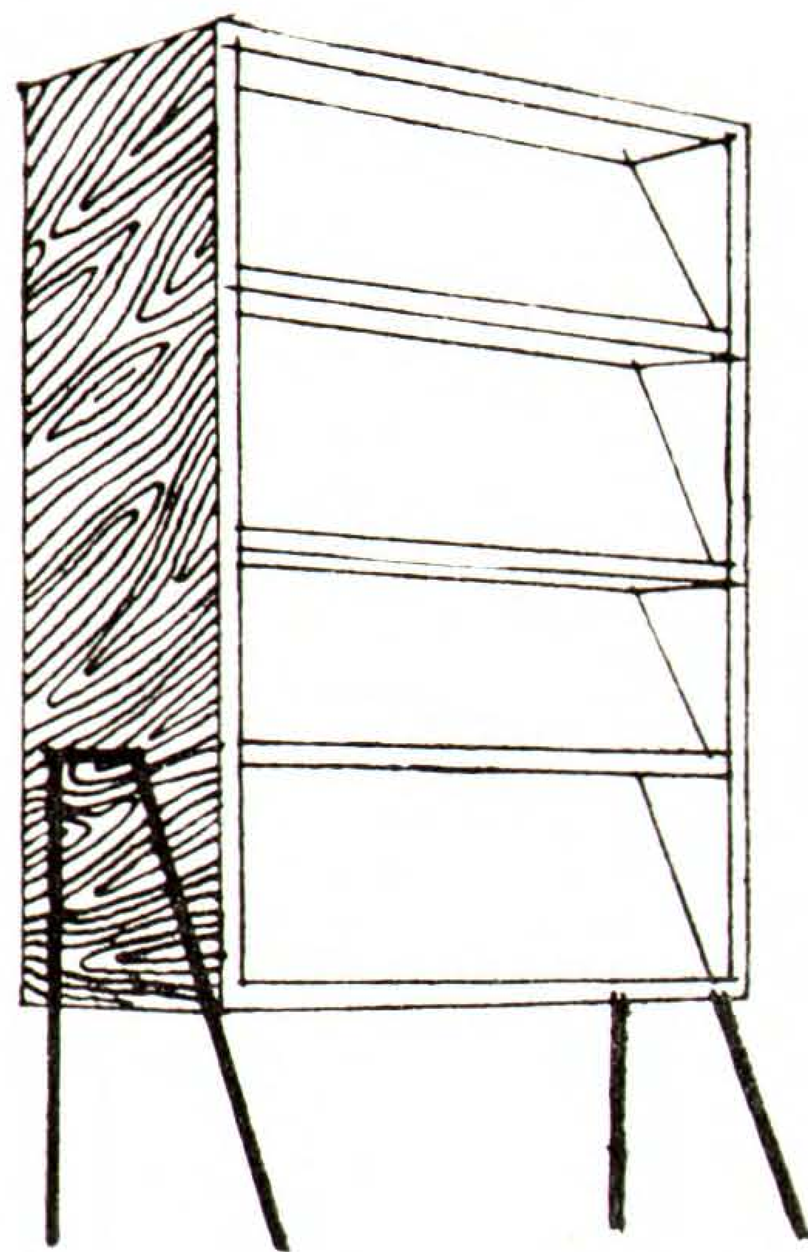
ОСТРОВ СОКРОВИЩ

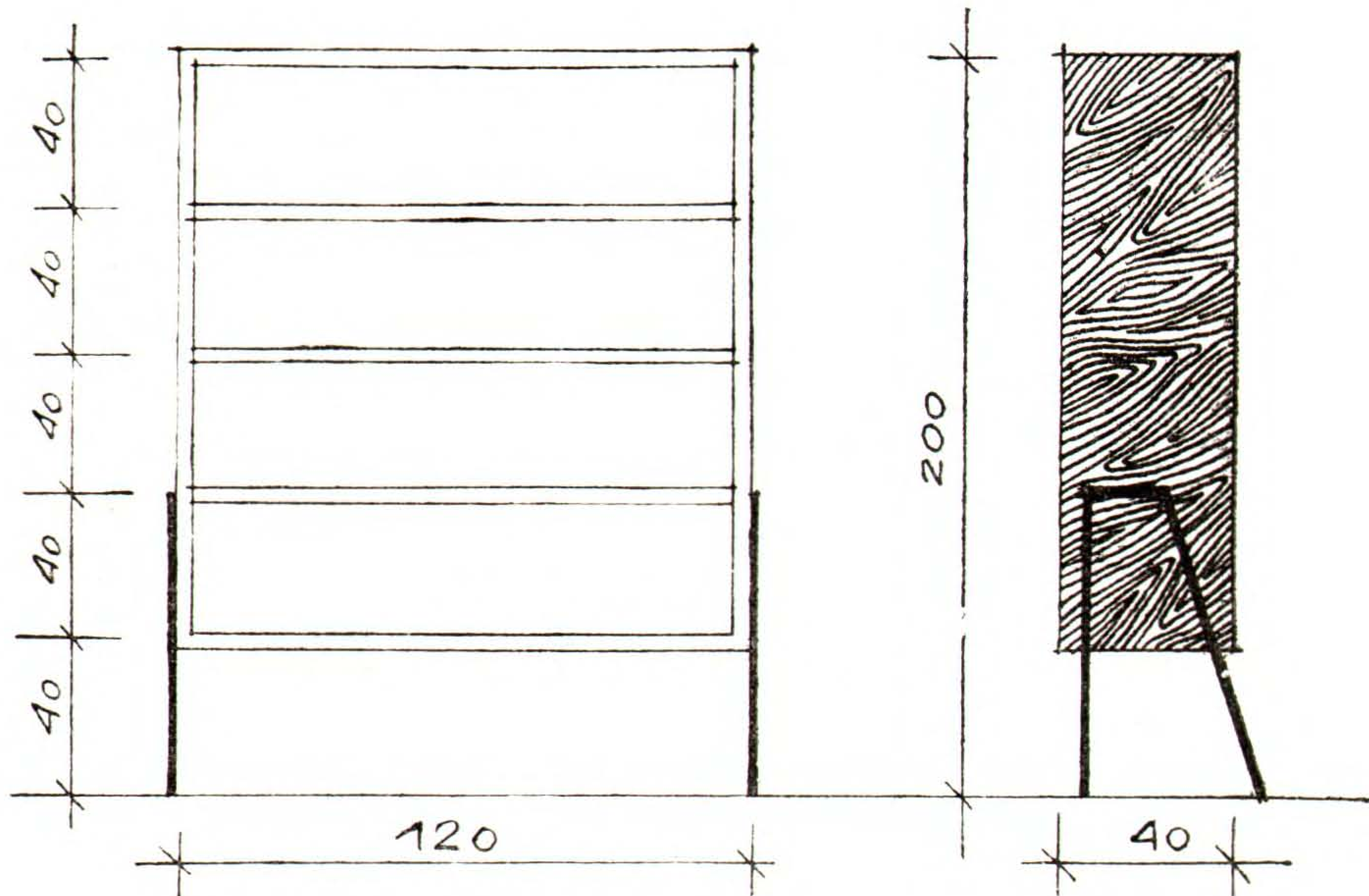
В сельскую библиотеку приходят не только выбрать книгу или полистать журнал, но и скоротать время за беседой, обменяться новостями, обсудить последние газетные сообщения. Таким образом, функции сельской библиотеки несколько расширяются. Отсюда и определенные требования к интерьеру, к организации внутреннего пространства. Цветовое решение, которое важно вообще, в данном случае приобретает, пожалуй, особое значение. На приведенных рисунках цветовая гамма подобрана с таким расчетом, чтобы, не вызывая зрительных раздражений, создать ощущение светлого и праздничного интерьера. Свет и световые приборы, или, иначе говоря, осветительная арматура, очень важны во внутреннем оформлении. На этих рисунках изображены светильники, изготовлением которых можно заняться в любых условиях. Светильник, который подвешивается к потолку на блоке (блок дает возможность опускать и поднимать лампу), выполняется из металлического проволочного каркаса (форма может быть любая), на который наматывается обычный или капроновый шнур или простая веревка.

Керамика в сочетании с деревянными полками простого рисунка очень украсит помещение. Интересны в интерьере укрепленные на стенах фигуры, выполненные из металлической ленты (железной, стальной) толщиной 2—3 миллиметра, шириной до 50 миллиметров. Ребро ленты перпендикулярно плоскости стены. Весь рисунок из этой гнутой ленты приваривается к металлическим же штырям, которые заделываются в стену (длина штыря до 100 миллиметров). Сама фигура отстоит от стены на 40—50 миллиметров. Это неплотное примыкание и создает основной эффект теневого повторения рисунка на стене. В читальном зале есть смысл заменить столы и стулья с традиционной дерматиновой обтяжкой на струганые деревянные столы и скамьи.

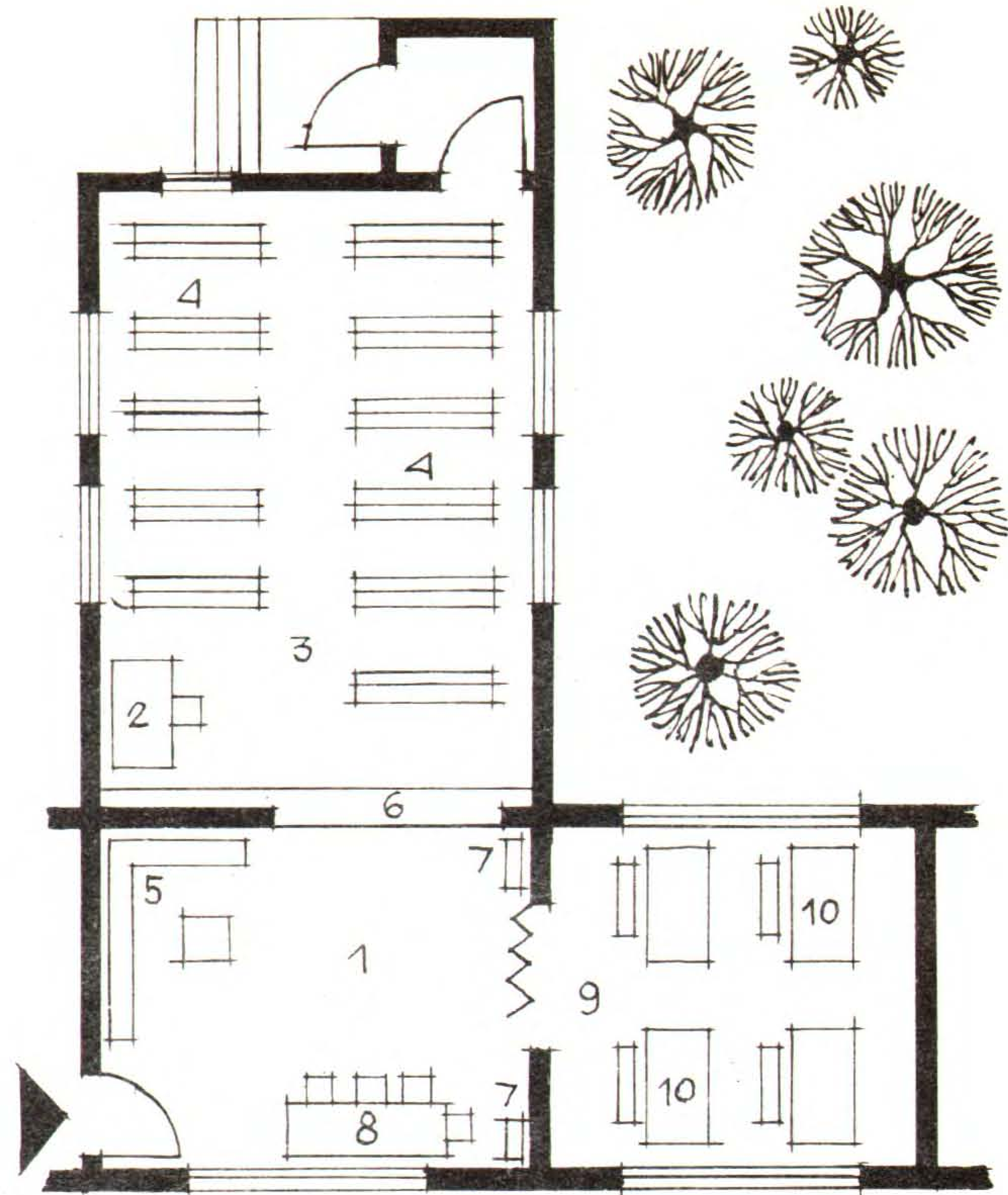
Очень украсят библиотеку, создадут уют и микроклимат комнатные растения, в особенности вьющиеся. Очевидно, не следует перенасыщать поверхность стен наглядными пособиями, плакатами и списками литературы. Для тематических выставок, выставок новинок художественной литературы и т. п. следует пользоваться стендами, основные параметры которых даны на прилагаемом рисунке.

В. БЛАНКМАН

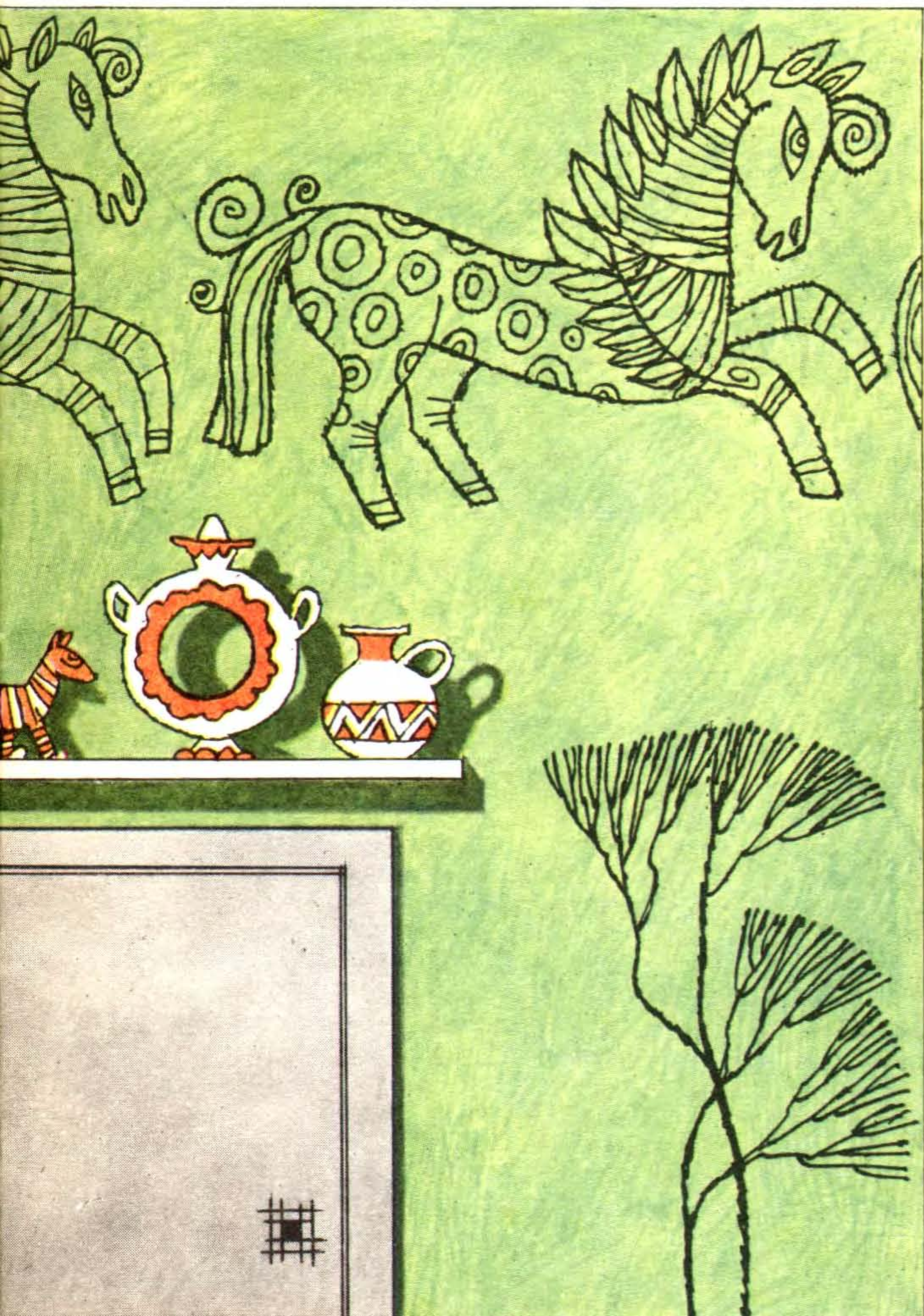

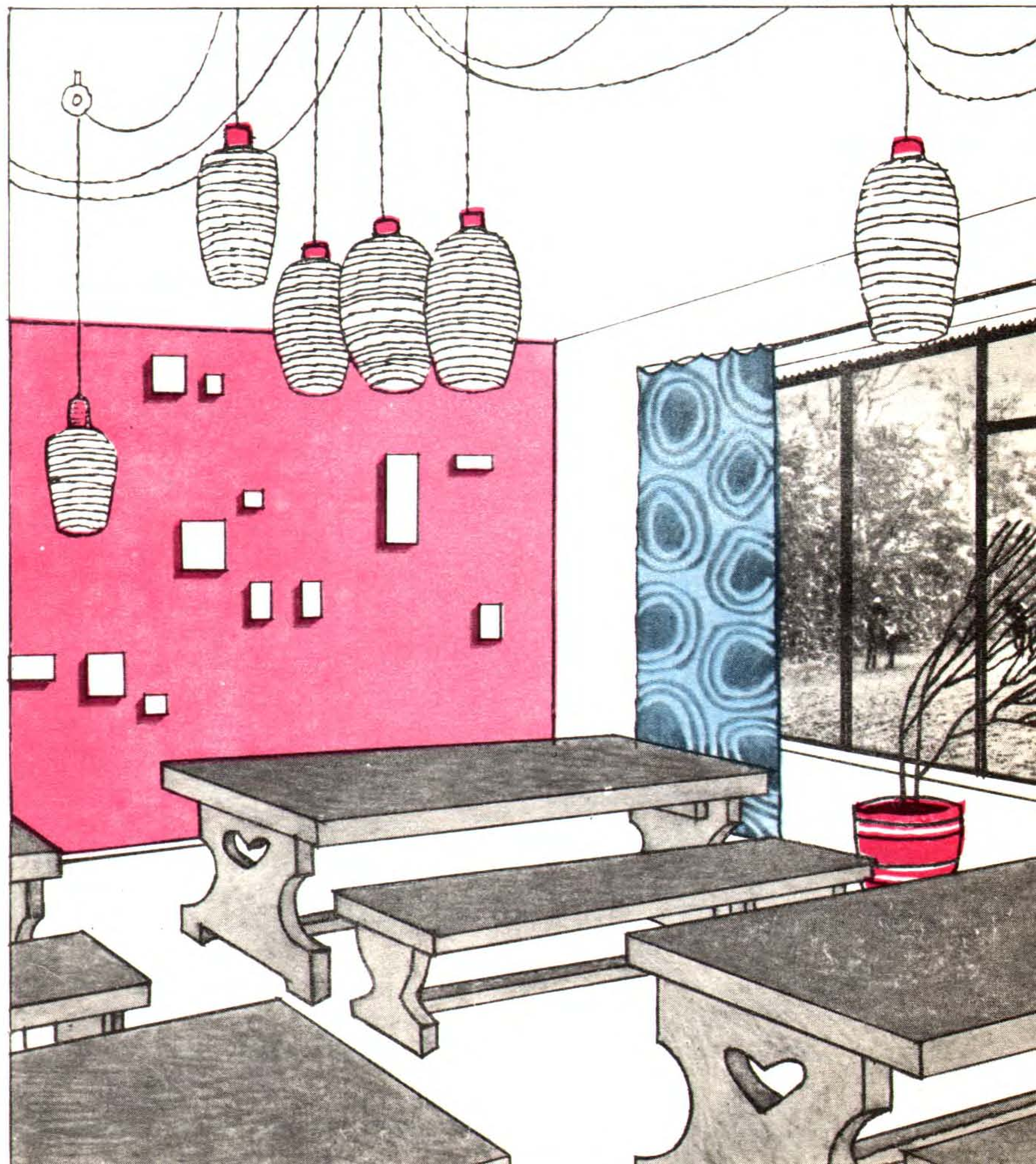

1. Абонемент
2. Стол библиотекаря
3. Книгохранилище
4. Стеллажи
5. Каталог
6. Прилавок
7. Стенды
8. Журнальный стол
9. Читальный зал
10. Столы для занятий

Л. САМОЙЛОВ, Б. СКОРБИН

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

СТАРЕЙШИНА

Из вестибюля станции метро «Дзержинская» вместе с толпой пассажиров вышел невысокий человек лет под семьдесят, в темном зимнем пальто, в черной каракулевой шапке.

Отдышавшись, старик оглядел широкую площадь, некогда именовавшуюся Лубянкой.

Он взглянул на часы и заторопился. Он пересек Красную площадь, вошел на территорию Кремля и направился к зданию Дворца съездов. Через полчаса должно было начаться торжественное заседание, посвященное пятидесятилетию органов государственной безопасности.

ВСЕ ФАМИЛИИ ПОДЛИННЫЕ

Старик разделся: над несколькими рядами орденских планок поблескивала Золотая Звезда Героя Советского Союза. Военная форма молодила полковника.

— Станислав Алексеевич! С праздником.

Высокий генерал обнял полковника.

— Товарищ Ваупшасов! Жив-здоров? — воскликнул другой генерал с депутатским значком на лацкане тужурки. — С праздником, дружище!..

— И вас, друзья генералы! — ответил Ваупшасов чуть хрипловатым голосом. — Салюд, камарадо!

— Э-э, да ты не забыл испанский, — улыбнулся седой генерал. И лукаво подмигнул: — Камарадо Альфред?

— После Альфреда он вдоволь навоевался под звучной фамилией Градова, — проговорил генерал-депутат. — В нашей Белоруссии эсэсовцы и гестаповцы с ног сбились, стараясь выполнить приказ самого Гиммлера — схватить Градова и доставить в Берлин живым или мертвым... Да возьми номерок от шинели, — добавил он, заметив, что гардеробщица терпеливо дожидается окончания их разговора.

Станислав Алексеевич Ваупшасов (он же Воложинов, он же Альфред, Градов и обладатель многих других партийных, подпольных и партизанских фамилий и кличек) взял номерок, извинился и уточнил:

— Пришел не в шинели, а в пальто. Что-то зябнуть стал, и ревматизм тоже. Наследство белорусских болот.

— Что же ты щеголяешь в легких сапожках, — упрекнул высокий генерал, подхватил полковника под руку и предложил: — Давай сядем вместе.

Станислав Алексеевич вынул из кармана пригласительный билет:

— Спасибо... Да, вишь, мне надо в президиум.

Зал Кремлевского Дворца съездов взорвался аплодисментами: из боковых кулис к длинному столу президиума выходили руководители партии, Советского правительства, командование Комитета государственной безопасности.

Станислав Алексеевич устроился в третьем ряду, но тут же встал: к нему подошел секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии и, приветливо улыбаясь, протянул руку:

— Привет старейшине чекистской гвардии!

— Служу Советскому Союзу! — по-военному ответил Ваупшасов, крепко пожимая руку секретаря ЦК.

Заседание началось. К трибуне вышел докладчик, а Ваупшасов, взволнованный неожиданным приветствием, мысленно спрашивал себя: правильно ли ответил секретарю ЦК?

Да, правильно. Всю жизнь он служил Родине. Ей он отдал молодость, когда сражался в тылу белополяков и до 1925 года руководил партизанскими и повстанческими отрядами в лесах Западной Белоруссии и на хуторах Литвы; когда воевал в горах Испании против зеленорубашечников Франко, итальянских и германских интервентов. Ей, Родине, майор Ваупшасов служил во время войны с белофиннами на Карельском перешейке. А когда фашистские орды прорвались к Москве, он в составе бригады Особого назначения дрался в Подмосковье, а потом, выполняя ответственное задание Центра, перешел с группой бойцов-чекистов линию фронта и довел ее до пригородов Минска, в Логойский район. Здесь подполковник Градов вскоре стал командиром крупного партизанского отряда и членом Минского подпольного горкома партии...

Старейшина... Конечно же, он уже стар. Он видел то, что дай-то бог никогда не увидеть молодым, и о чем они должны знать, пока живы свидетели, такие вот старейшины...

«Надо рассказать не о себе, — думал Станислав Алексеевич, — а о молодых ребятах, которые боролись и победили. И выжили, и растят детей. Не надо приукрашивать подполье — там было трудно. Но и не надо пугать им. И там работа, и там жить можно...»

ПОСЛЕЗАВТРА, В 12.00, НА УГЛУ МОГИЛЕВСКОЙ

Минск лежал в развалинах. Пустые коробки домов, скрюченное железо, груды обгорелого камня, от которого и сейчас тянуло горьким дымом. Фашистские самолеты обрушили на город сотни тяжелых бомб. А потом город горел, а снаряды и мины все еще терзали улицу за улицей.

Подросток в обтрепанных штанах и стоптанных ботинках шел мимо завалов и помахивал кепкой, зажатой в левой руке.

Когда навстречу попадались патрули со знаком отличия «СС» — железным кренделем на груди, или фашистские офицеры в смешных фуражках с такой высокой тульей, что хотелось щелкнуть по ним из рогатки, парнишка с удовольствием выбрасывал правую руку и кричал:

— Хайль!..

Кто-то из офицеров похлопал его по плечу.

— Карош мальшик... Молодьец...

Еще бы, такого встретишь не часто. Жители, опустив головы, уступали дорогу, угрюмые, враждебные, покорно молчаливые. А этот геринг[1] или юнглинг[2] с такой восторженностью глядит

[1] Малый.
[2] Подросток.

От Советского информбюро

на завоевателей, так искренне выкрикивает «хайль!», что, пожалуй, стоит отблагодарить его милостивым кивком, а в придачу кинуть пфенниг или завалявшуюся в кармане кнопф[1] с оттштампованной на ней свастикой.

Сегодня в городе что-то случилось. Чаще обычного проносились мотоциклы и броневики с пугающе торчащими рыльцами пулеметов. Бегом пересекли улицу полицаи с винтовками за плечами. Где-то стреляли. Где-то лаяли овчарки.

Может, и впрямь следовало послушаться матери:

— Олежка!.. Неспокойно у меня на сердце.

— Мама, привыкай... Ладно?

— В городе облавы. Ну что за непоседа!

Олег не был непоседой. Если бы мать или друзья смогли увидеть его, когда он шествовал (именно шествовал!) мимо гитлеровцев, они удивились бы спокойствию и важной осанке, особенно в минуты театрального приветствия «хайль!..». И еще больше удивились, если бы знали, на что он тратит время, что делает в различных концах Минска. Если бы!

Они догадывались. Боялись. И... гордились! Отец, Мартын Кондратьевич, знаменитый повар, много лет колдовавший у плиты, не захотел готовить для офицеров и чиновников оккупационных властей и притворился больным.

Мать, Анна Александровна, многие годы работала продавщицей. Посоветовавшись с мужем, тоже решила всеми способами уклоняться от работы. Прикидывалась больной, старалась задобрить полицаев, а сама ходила в ближайшие деревни или на рынок, меняла поношенные и еще не надеванные платья и по крохам добывала пропитание для семьи.

— Олежка. Не ходи. Неспокойно у меня на сердце.

...Так что же все-таки случилось в городе?

Возле больших листов с объявлениями толпился народ. Власти извещали, что вчера, 10 июня 1943 года, от рук «красных бандитов» за великую Германию и фюрера погибли областной комиссар Людвиг Эренлейтер, правительственный инспектор Генрих Клозе, начальник областной жандармерии обер-лейтенант Карл Калла, обер-вахтмейстер Вальтер Погарель, обер-вахтмейстер Карл Зандхвос, старший жандарм Карл Вундерлих, обер-вахтмейстер Август Шрассер, а также «хозяйственные руководители» Франц Так, Фриц Шульге и Гюнтер Бенневиц.

Власти грозили расстрелом и виселицей и сулили всем, кто укажет местонахождение «бандитов», денежные награды и особые льготы.

Люди молча и быстро прочитывали текст с угрозами и посулами и уходили прочь — подальше от этой страшной и... радостной вести. Лишь один старик со слезящимися глазами, с суковатой палкой в морщинистых руках вздохнул и, ни к кому не обращаясь, негромко пробормотал:

— Ого!.. Как это в песне-то: «за один раз много раз...»

— Есть шанс погулять на поминках, — негромко отозвался кто-то в толпе. Кто? Олег за спинами и не заметил.

Какие смельчаки сумели за одну ночь уничтожить и комиссара, и инспектора, и всех прочих?..

Если бы Олег не знал, что гестапо еще в феврале схватило неуловимого храбреца, которого жители Минска из немецких объявлений запомнили как «Сашку», «Жана», «Назарова», «Бабушкина», парнишка мог бы подумать, что всех перечисленных гитлеровцев застрелил именно этот подпольщик. Гестаповцы охотились за ним давно и не раз извещали население, что не поскупятся на награды тем, кто укажет или наведет на след «большевистского террориста и врага великой Германии».

Олег Мартынович Фолитар (Снимок 1968 г.)

Когда на улицах оккупированного города в разное время дня и ночи стали падать подстреленные агенты гестапо, провокаторы и чиновники оккупационных властей, — все это народная молва приписывала «Сашке», хотя его, по сути, никто не видел. Лишь позднее стало известно, что «Сашка», имевший много псевдонимов, — уроженец деревни Малаховцы Барановичского района, молодой белорус комсомолец Иван Кабушкин.

Кабушкина казнили, однако подпольщики продолжали действовать. Значит, не только «Сашка»!

Олег искренне завидовал тем, кто «поработал» этой ночью. Ему бы тоже пистолет или гранату. Бывает так, что мучительная сложность жизни предстает жестко-простой, как сейчас: чем больше будет уничтожено фашистов, тем будет лучше, с улиц исчезнут надписи с шипящими «штрассе», виселицы, эсэсовские патрули, полицаи с повязками... Никому не надо будет скрываться, прятаться. А пока он, Олежка, выполняет «скучное» задание подполья... Конечно же, нужное... Но разве его можно сравнить с тем, что было сегодня ночью?

...С дядей Костей Олега познакомила его двоюродная сестра Раиса Врублевская. Олег чувствовал, что она присматривается к нему и рано или поздно должно же что-то случиться.

— Хочешь помогать нашим?.. Подумай.

— Я уже подумал. Хочу.

— Тогда пойдем со мной.

— Куда?

— Научись для начала не задавать лишних вопросов.

Они вошли в деревянный особняк на Чкаловской, поднялись по ступеням покосившейся лестницы. Рая постучала: раз, пауза, раз...

Дверь открыл плотный мужчина с небритым лицом. Он молча пропустил пришедших в небольшую боковую комнату, плотно зашторенную маскировочной бумагой, и вполголоса проговорил:

— Здравствуй!.. С твоей сестрой мы уже знакомы, а с тобой не довелось. Дядя Костя!..

И протянул ладонь.

Олег привык называть взрослых по имени-отчеству, но, помня совет сестры не задавать лишних вопросов, промолчал.

— Ты комсомолец?

— Не совсем...

— Как это не совсем?

— Билет не успел получить: война.

— Получишь. Был бы настоящим парнем. Мышей не боишься?

— Мышей? — Олег опешил, но потом, сообразив, что дядя Костя шутит, улыбнулся. — Не боюсь мышей.

— Ну, если не боишься, значит годен. Только соображай что к чему, держи язык за зубами, ко мне не приходи, пока не позову. Сестру свою на улице не узнавай.

— Вот так-то, Олежка, — подтвердила Раиса. — Когда надо будет, я сама найду тебя.

— А теперь, Олег, поговорим о деле, — серьезно добавил дядя Костя.

Беседа длилась больше часа. Олег получил первое задание от минских подпольщиков. С тех пор и стал носить он под курточкой пачки листовок, а для маскировки угодливо улыбаться немцам и выкрикивать противное слово «хайль!».

Сегодня Олег нес две пачки листовок, которые надлежало разбросать в подъездах сохранившихся домов на пути к вокзалу, а если удастся — возле здания бывшей средней школы, где теперь помещался Союз белорусской молодежи — фашистская организация, созданная гестапо с помощью буржуазных националистов и предателей Родины.

Вот текст листовок Минского подпольного обкома Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Белоруссии:

«Юноши и девушки, братья и сестры!.. Не вступайте в фашистскую организацию Союз белорусской молодежи. Везде и всюду вскрывайте гнусную фашистско-людоедскую сущность этой организации!.. На фашистскую провокацию ответим новой волной партизанского движения, ростом рядов народных мстителей. Все, как один, идите в

[1] Пуговица (нем.).

партизанские отряды и активной борьбой приближайте час своего освобождения».

В другой листовке, выпущенной Минским горкомом ЛКСМБ, подробно рассказывалось о зверствах оккупантов, о подвигах советских воинов на фронтах. Листовка кончалась так:

«Юноши и девушки!

Саботируйте и срывайте всякие мероприятия немецких властей... Красная Армия железной поступью приближается к столице Белоруссии, сметая гитлеровскую нечисть и продажных немецких псов с родной земли.

Всеми силами помогайте своим братьям и отцам быстрее разгромить ненавистных оккупантов...» [1]

«Всеми силами помогайте...» Вот и он, Олег Фолитар, помогает как может, всеми силами. Нет, надо делать еще больше. Но самовольничать нельзя — об этом сразу же предупредил дядя Костя и сослался на строжайший приказ Минского подпольного горкома партии и командира отряда особого назначения товарища Градова. О Градове Олег читал немецкие листовки с призывами помочь поймать «московского чекиста». Неуловимый отряд Градова доставлял фашистам много хлопот, заставлял направлять в леса под Минском и в пригородные районы карательные экспедиции с танками и артиллерией, снимать с фронта войсковые соединения... Обратно в Минск тянулись подводы и грузовики с убитыми и ранеными гитлеровцами.

Где-то взрывались поезда, грохотали гранаты. А тут ходи и возись с листовками. Но почему днем, а не темными ночами? На эти недоуменные вопросы так ответил дядя Костя:

— Днем в толчее тебе легче шмыгнуть в любую щель. А ночью, когда никому не разрешается выходить из домов, как ни хоронись, тебя могут заметить, и тогда пиши пропало. Да, и родителям что скажешь — куда ночью отлучаешься? Нет уж, давай как договорились.

— Больше играй под мальчишку, а то в два счета забреют, увезут в Германию.

Олег вошел в здание Союза белорусской молодежи. Впереди простучал подковками долговязый парень и скрылся за дальней дверью. Больше никого. Олег оглянулся, разбросал по полу листовки, быстро вышел на улицу и, увидев очередной немецкий патруль, привычно вытянул руку и прокричал «хайль!». Солдаты в касках поверх пилоток даже не обратили на него внимания.

Хорошо бы пройти в район Комаровки и Долгобродской. Но рисковать нельзя: эти улицы гитлеровцы объявили на особом положении, здесь, кроме пеших эсэсовцев, патрулировали бронемашины и танкетки. Куда же пойти? Лучше всего на толкучку, заменившую старый базар.

Потолкавшись на базаре, Олег благополучно освободился от нескольких листовок, причем одну незаметно всунул в карман пиджака, видимо отцовского, висевшего мешком на деревенском парне. Тот даже не оглянулся и прошел дальше, кого-то разыскивая.

Оставшуюся стопку листовок Олег пронес до улиц Антоновской и Островского и там разбросал в подъездах уцелевших домов. Задание выполнено, дядя Костя будет доволен и, конечно, похвалит. Слово подпольного горкома комсомола дойдет до минчан.

Вечером Олег встретился у газетной витрины с дядей Костей и с сияющим лицом доложил, что «все в порядке». Дядя Костя чуть наклонил голову — в знак одобрения — и произнес одну фразу:

— Не сияй!.. Послезавтра, в двенадцать дня, на углу Могилевской.

Повернулся и пошел своей дорогой.

Станислав Алексеевич Ваупшасов (Градов) (Снимок 1967 г.)

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ДЕВУШКА

Кроме Олега, юной помощницей дяди Кости была Раиса Волчек. (На 17-й странице помещен ее снимок военных лет.) Рая-Раечка, так ласково называли ее подружки. Эта семнадцатилетняя девушка только накануне войны кончила среднюю школу. Не один минский парень заглядывался на нее — стройная, красивая, глаз не отвести.

Константин Илларионович Мурашко (Снимок 1948 г.)

Поглядывали на Раису и гитлеровские солдаты и офицеры. Завидев ее, оборачивались, причмокивали языками и, перемигиваясь, произносили вслух:

— Оо-о!.. Безаубернде медхен!.. Шене, шене!.. [1]

Обычно минские девчонки старались придать себе вид безобразных старух, пачкали лицо угольной пылью, напяливали на себя всякое тряпье, горбились. Лишь бы немцы не обращали на них внимания. А Рая-Раечка была, как и раньше, до оккупации, одета аккуратно, даже элегантно, ходила с гордо поднятой головой, лихо постукивала каблучками и восхищенные взоры немцев, зачастую уступавших ей дорогу, принимала как должное.

Иные знакомые осуждающе шептались, но Рая будто и не замечала косых взглядов и продолжала оставаться сама собой: на комплименты отвечала открытой улыбкой, а бывало, что и обещающе помахивала тонкой холеной рукой.

Нет, такую красавицу чиновники биржи труда не могли послать на черную работу — мыть полы или стирать грязное белье в походных госпиталях. Нашлись люди, которые подсказали кому следует: для эстетического удовлетворения господ офицеров такую девицу необходимо устроить в открывшийся ресторан-казино. Это казино помещалось на Советской улице, неподалеку от родительского дома. Каждый вечер казино заполняли эсэсовцы и гестаповцы, отдыхавшие после нелегких трудов во имя фюрера и его наместника в Белоруссии, генерального комиссара Вильгельма фон Кубе. Бывал здесь и начальник следственного отдела СД Кроль, которого боялись сами гитлеровские офицеры. Любое «следствие» в руках Кроля превращалось в нечеловеческую расправу над всеми, кто хоть в какой-то степени казался подозритель-

---

[1] Текст взят из книги «О партийном подполье в Минске». Материалы Института истории партии при ЦК КП Белоруссии. Минск, Госиздат, БССР, 1961.

[1] Очаровательная девушка!.. Красавица! (Нем.)

„ПОДВИГ-69“

Если вы на 1969 год выписали наш журнал вместе с приложением «Подвиг», то ваша личная библиотека пополнится пятью интересными книгами общим объемом свыше ста печатных листов. При составлении мы, конечно же, учли советы, пожелания и рекомендации, высказанные вами в письмах, которыми вы буквально засыпали редакцию и за которые мы вам искренне благодарны.

Каково в общих чертах содержание «Подвига-69»?

По традиции нечетные тома мы предоставляем прозе советских авторов, четные — литературе зарубежной. Ядро пятитомника составят такие произведения, как роман А. Злобина «Самый далекий берег», роман Ф. Шахмагонова «Адъютант Пилсудского», повесть Д. Морозова и А. Полякова «Агент Москвы», повесть А. Меркулова «В путь за косым дождем» и др. Среди переводных книг можно назвать повести писателей социалистических стран. Например, А. Збых выступит с повестью «Ставка больше жизни», а Л. Станев — «Царь и генерал».

Думаем, что с интересом будут встречены романы других иностранных авторов: такие, как «Мститель» Г. Вайзенборна и «Пушки острова Навароне» О. Маклина.

Тексты первых трех томов уже сданы в производство, четвертый — в боевой готовности. Думаем, что вы получите ожидаемые книги в более сжатые сроки: они начнут поступать со второй половины года. Правда, прошлогоднее отставание, за которое мы приносим вам глубокие извинения, наверстать нелегко, но... будем терпеливы, как любимые герои наших с вами книг.

Некоторое повышение цены пятитомника вызвано увеличением объема (с 77 до 105 печатных листов), что позволит редакции расширить круг авторов.

В связи с резко возросшим тиражом приложения (до 575 тысяч) тома, очевидно, будут выходить в мягкой многоцветной обложке. Редакция также намерена обогатить внутреннее оформление использованием двухцветных иллюстраций.

ным или нелояльным по отношению к местным властям и к великой Германии.

— Тебе предложат работу в казино, — предупредил однажды дядя Костя Раису Волчек. — Соглашайся.

— Понимаю.

— А когда освоишься, поговорим о деле.

Рая-Раечка освоилась быстро. В накрахмаленном переднике и белом кокошнике она ловко скользила по залу казино, лавировала с подносом между столиками и, поставив перед посетителями заказанные закуски и вина, прежде чем удалиться, скромно, но с достоинством приседала в книксене. Подвыпившие офицеры не скрывали своего восхищения миловидной девушкой с внешностью истой арийки.

— Фрейлен Райя!.. О, Райя!

Конечно, находились и такие, что позволяли излишнюю фамильярность, пытались назначить свидание в отдельном кабинете или на частной квартире. Рая осторожно увертывалась от объятий, на свидания приходить отказывалась, ссылаясь на строгое распоряжение заведующей казино, чопорной немки-эсэсовки, старавшейся придать этому кабачку вид благообразного заведения. Заведующую даже злило то, что посетители так много внимания уделяют этой белорусской «магд»[1], но и она не могла не считаться с тем, что красота и женственность Раи привлекают посетителей. Немка даже гордилась, что якобы именно она отыскала такое сокровище в разрушенном Минске, среди грязных и оборванных горожан. В знак особого расположения заведующая милостиво разрешила Рае обслуживать отдельные кабинеты, куда набивались офицеры, желавшие побольше выпить вдали от взоров начальства и меньше всего интересовавшиеся «художественной программой» кабачка.

На очередной встрече с дядей Костей Рая не без тревоги сообщила о том, что ей предстоит обслуживать отдельные кабинеты. Тревога девушки была понятна дяде Косте, и он не спешил с ответом...

— Вот что, Раюша, — наконец заговорил он, — держись строго, вольностей не позволяй. Запомни: твое нынешнее поведение нравится заведующей. Но в кабинетах тебе придется поработать...

— Не понимаю.

— По-немецки-то понимаешь... Что ты узнала вчера?

— Вчера за одним столиком сидели четыре эсэса, крепко выпили и стали хвастаться, что в Минск скоро прибудет несколько эшелонов с солдатами. Все эти солдаты должны поступить в распоряжение штаба тыла группы «Центр», а затем их на танках и бронетранспортерах направят в разные районы для уничтожения партизан.

— Ты не ошиблась?

— Точно! Тыл по-немецки значит рюккен, а эшелон — штаффель, несколько — айнвениг или айниге.

— Тебе бы в переводчики податься.

— Ну нет, разбираюсь помаленьку. Раз надо...

[1] Девка (нем.).

— Очень надо, Раюша. Постарайся узнать, когда ожидается прибытие эшелонов.

— Постараюсь. А как же насчет отдельных кабинетов?

— Тут дело посерьезнее. — Дядя Костя поскреб затылок. — Было бы хорошо заполучить из карманов господ офицеров кое-какие бумаги.

— Этого я не смогу...

— Знаю, риск немалый. Но ведь все мы рискуем... И солдаты на фронте и партизаны в лесах... Конечно, если ты боишься...

Лицо Раи побледнело, губы задрожали.

— Я тебя, дорогая моя, очень хорошо понимаю. И если уж кто и боится по-настоящему, то это я сам.

— Вы?!

— Боюсь за тебя. И за других тоже. Вот кончится война — к тебе столько женихов налетит. Вся жизнь впереди. И я за тебя в ответе.

— Перед кем?

— Хотя бы перед твоими родными.

Оба помолчали. Впервые дядя Костя говорил с ней так ласково, почти сентиментально. Кто он? Рая считала дядю Костю старым коммунистом, конспиратором, не раз глядевшим в глаза смерти. И не знала Рая, что Константин Илларионович — беспартийный инженер, перешедший по заданию командира партизанского отряда Градова (Ваупшасова) на нелегальное положение в городе Минске.

Разговор продолжался. Задание было такое — выкрадывать у пьяных офицеров документы, приказы, карты...

— Будь хитрой, внимательной, сверхосторожной. Учти, что заглянуть в карманы легче всего тогда, когда тот или иной обер напьется до положения риз, мундир снимет и повесит на спинку стула или на вешалку. Но это не все. Опасность наступит в те часы, когда твой пациент протрезвеет и спохватится. Перво-наперво могут заподозрить тебя.

— Так что же делать?

— Поразмыслить надо.

Действительно, тут было над чем поразмыслить. Градову нужна не только информация. Нужны вражеские документы. Долго сидели дядя Костя и Рая-Раечка, перебирая всевозможные варианты, отбрасывая те, в которых Рая могла стать легко заподозренной, и, наконец, решили так:

— Думаю, надо делать вот что на первых порах, — сказал дядя Костя. — Если уж твои пациенты, или клиенты, перепьются, иди к заведующей, доложи ей и попроси вызвать патруль, чтобы доставили господ офицеров домой или еще куда. Сделай так раз, другой, но пока ничего из карманов и портфелей не трогай. Пусть к тебе привыкнут: мол, не впервой. Для отвода глаз можешь подобрать вывалившийся из брюк или тужурки бумажник, бумажку какую и тут же, не заглядывая, передать ей в руки. Улавливаешь?

Спустя несколько дней Рая Волчек стала обслуживать отдельные кабинеты. Постоянные посетители ее уже хорошо знали.

(Окончание в следующем номере)

Светлая и **необычная** грусть

Жизнь Марии Кюри — эпоха в развитии науки. Открытие и исследование радия было настоящим научным подвигом супругов Кюри. Имя Марии Кюри олицетворяет поиск и дерзание, чистое, благородное, щедрое стремление человека отдать себя людям. Мария Кюри — единственная в мире женщина, которая дважды удостаивалась Нобелевской премии. Первая женщина, допущенная во Франции к должности профессора. Человек богатейшей эрудиции и самоотреченности. Человек высочайших нравственных правил и разносторонних интересов. Вы поймете это, прочитав письма и воспоминания Марии и Пьера Кюри, их дочери Евы, Эжени Коттон.

Анатолий Юсин

«Самое тяжелое — это те уступки, какие приходится делать предрассудкам окружающего нас общества, больше или меньше, в зависимости от большей или меньшей силы своего характера. Если делаешь их слишком мало, тебя раздавят. Если делаешь чересчур много, то унижаешь себя и делаешься противен самому себе. Вот и я уже отошел от тех принципов, каких придерживался десять лет тому назад: в то же время я думаю, что надо держаться крайности во всем и не делать ни одной уступки окружающей среде. Я думал, что надо преувеличивать и свои достоинства и свои недостатки, носил только синие блузы, как у рабочих, и т. п.

Словом, Вы видите, я очень постарел и чувствую себя ослабшим».

(Пьер КЮРИ — Марии, 14 августа 1894 года)

«У сочетающихся браком не было ровно ничего, ничего, кроме двух сверкающих велосипедов, купленных вчера благодаря денежному свадебному подарку одного родственника: летом они на них станут ездить за город».

(Ева КЮРИ о дне свадьбы своих родителей — 26 июля 1895 года)

«Только один раз вырывается у них жалоба:

— А все-таки тяжелую жизнь избрали мы с тобой.

— ...Пьер... если кого-нибудь не станет... другой не должен пережить его. Жить один без другого мы не можем. Правда?

С минуту он вглядывается в изменившееся, горестное лицо Мари. Потом:

— Ты ошибаешься, что бы ни случилось, хотя бы душа рассталась с телом, все равно надо работать».

(Эжени КОТТОН — о своих учителях Пьере и Марии КЮРИ)

«По соглашению со мной Пьер отказался извлечь материальную выгоду из нашего открытия; мы не взяли никакого патента и, ничего не скрывая, обнародовали результаты наших исследований, а также способы извлечения чистого радия. Больше того, всем заинтересованным лицам мы давали требуемые разъяснения».

(Мария Кюри — дочерям. Письмо относится к 1924 году)

«Нельзя удержаться от чувства горечи при мысли, что в конце концов один из величайших французских ученых так и не имел в своем распоряжении настоящей лаборатории.

Можно ли представить себе горечь творца больших открытий, бескорыстного энтузиаста, чьи мечты всегда не осуществляются из-за постоянного отсутствия средств? И можем ли мы без чувства глубокой скорби думать о самом невозместимом расточительстве сокровища, самого драгоценного для науки: гения, сил и мужества лучших ее сынов?»

(Мария КЮРИ — дочерям)

«Я не хочу пенсии. Я еще достаточно молода, чтобы зарабатывать на жизнь себе и моим детям».

(Мария Кюри о своем отказе от пенсии за мужа)

«Я столько страдала в своей жизни, что дошла до предела: только настоящая катастрофа еще могла на меня подействовать. Я научилась смирению и стараюсь найти хоть какие-то маленькие радости в серых буднях.

Скажи себе, что ты можешь строить дома, сажать деревья, цветы, любоваться их ростом и ни о чем не думать. Жить осталось недолго, зачем же нам еще мучить себя?»

(Мария КЮРИ — сестре Брониславе, 1 августа 1921 года)

«Я не могу ничего выразить... Я отсутствую...»

(Последние слова Марии КЮРИ, по свидетельству ее дочери Евы)

Александр **ПРОХАНОВ**

РАССКАЗ

Будем здоровы

Еще с вечера одинокая Степанида Стрелкова пригласила к себе соседа Трифона Коркина резать свинью.

Рано утром, когда темная синь еще висела в саду, над крышами играла тонкая зорька, а выпавший за ночь снег был нетоптанно чист, явился Трифон к соседке, неся в тряпице отточенный нож. Поклонился молча Степаниде, направился к хлеву, где в душном тепле похрюкивал боров.

Степанида, всхлипывая, дрожащими руками откинула прясла; боров тяжело вынесся на свободу, замотался по хлеву, тыкаясь во все углы. Куры проснулись, беспокойно зашевелились. Трифон лениво переминался с ноги на ногу, а потом неожиданно со звериной силой и легкостью метнулся на свинью, сшиб ее, ухнул на мягкий дышащий живот и ударил ножом, пробивая трескучую грудь. Клинок остановился в сердце, свинья завизжала, а Трифон выхватил нож обратно, и звериная жизнь вынеслась следом в белизну холодного утра.

Степанида притащила санки, они вдвоем взвалили горячую тушу, вывезли наружу и потянули в сад; хряк колыхался на санях жирным окровавленным брюхом.

Трифон, шагая сзади, глядел на черную худую Степаниду, тянувшую лямку; сердце его ухало, голова кружилась, и он думал: неужели это он, Трифон, усталый и старый, идет сейчас по холодному снегу, убитый хряк роняет капельки крови, и это она, Степанида, шагает впереди, как обугленный ловкий сучок.

...Звон и топ хоровода, огромная, вполнеба заря. Лица медные на заре. Шумят рожки и кугиклы. И он, Трифон, весь тонкий, легкий, как бьющая по цветам коса, выплясывает перед ней, хлопая новыми начищенными сапогами, играя малиновой кистью пояса. И она, Степанида, налилась горячим румянцем; смущаясь, ликуя, целует его одними глазами. И нет для нее огромного столикого хоровода, друзей, стариков и баб, а только синева его глаз, и он пляшет в этой разгоравшейся синеве...

Они вывезли свинью под яблони, опрокинули в снег. Степанида притащила из хлева охапку сухой соломы; Трифон заботливо обложил хряка со всех сторон, укутал плотно хрустящим ворохом, достал спички, поджег. Вспыхнули ярко пустые усатые колоски, огонь шаром взбежал на столб пламени, быстро опал, и запахло из огня печеным хлебом. Красный столб пламени быстро опал, и в черно-алом пепле обозначился толстый хряк; румяное ухо торчало наружу.

Трифон ножом разметал рыхлый пепел, хряк с задумчивой мордой всплыл перед ним на снегу.

— Все с тобой аккуратно, культурно поделаем, — сказал Трифон. — Другие люди лампой палят, а я соломой, считаю, лучше. Ржаной дух с огнем в самое сало уйдет. Оно вкуснее.

— Ты в этом деле дохтур, — поддакнула Степанида, горестно глядя на хряка.

— Раз человек кушает, он и работает, — сказал Трифон, перехватив ее взгляд, соскабливая со спины щетину, обнажая желтую, как кость, политую жиром кожу.

Он свил из соломы жгут, поджег и горящим факелом стал обмахивать свиные бока. Сквозь тонкую шкуру протекало сало, горело белым трескучим пламенем.

— Давай, Степанида, воды.

Она охнула, бегом кинулась к дому, разъезжаясь ногами в снегу, а Трифон, отбросив факел, смотрел ей задумчиво вслед.

...Луг был весь в серебре, дрожал, искрился в тумане. Луна голубая вся укутана пылью цветущих трав и хлебов. Конские головы волновались, качали горбоносыми мордами, снова тонули в тумане. Он лежал на рогоже, подставляя лицо свежим холодным потокам, ему хотелось плакать от тех

Рисунок Р. КАРАБУТА

Степанида Петровна

тайных и сладких сил, льющихся в его тело. Жизнь казалась ему бесконечной, улетавшей в лунные седые пространства. И она прибежала к нему, обжигаясь босыми ногами, и юркнула под рогожу. Платье ее было мокро, ноги белы и прохладны, губы темны; и холодным ручьем под губами блестели зубы. Они клялись, целовались, пока не накрыла их сверху пылающая шапка зари, и кони, как угли, засветились на черном лугу...

Степанида, сгибаясь в поясе, принесла дышащее паром ведро и тряпку. Трифон, засучив рукава, окунул тряпку в воду, отжал над свиньей, и она окуталась паром, звонкие ручьи побежали с нее на снег. Степанида плескала из ведра, а Трифон заботливо обмывал свинье ноги, мягкую грудь, живот, пошлепывал ладонью, соскабливал горелые кусочки, насухо протирал тряпкой. Свинья под его руками янтарно светилась.

— О, шкура как кленовый лист! — залюбовался Трифон. — Обложи ее соломкой сухой, пусть отопреет. В тепле чистый дух сохранится.

Степанида обложила свинью белой соломой. Горе ее уже прошло, она суетилась, обхаживала свое богатство, вдыхая мясной аромат тонкими сухими ноздрями.

Коты из соседних домов, два черных и рыжий, примчались на запах, уселись поодаль, облизываясь, посматривая друг на друга злыми глазами.

Трифон вынул из-за пазухи камень и звонко ударил ножом.

...Те проводы в военную школу, когда на поле, среди снопов, порхающих голубей стоял красный, под скатертью, стол. Молодой военком оглядывал строго белобрысых застывших парней. На Трифоне была линялая с продранным локтем рубаха; он совал целый день снопы в раскаленный хрустящий зев молотилки; башмаки были полны зерен; и ему страшно и сладко было смотреть в серые глаза военкома, где мчались стальные машины, и он, Трифон, сидел на броне ревущего танка.

Всю ночь не смолкали гармони, было душно от вина и от песен. Мокрое от слез лицо Степаниды, цепкие руки хватают его за локоть. «Ох, беда ты моя, беда! Не увидимся больше, Триша!» Но ночное пьяное солнце кружилось в его голове, манило из хлебного захолустья, а Степанида была как с детства знакомый и пресный дух ржаного горячего хлеба...

Рассвело и белело кругом. Трифон певуче звенел о камень ножом, косо поглядывая на хряка. Спрятал камень, примерился, схватил кулаком торчащую ногу, с хрустом отсек по хрящам и жилам. Розовая кость задышала паром. Отсек остальные три ноги и сложил аккуратно горкой, копытами в одну сторону.

— О, добрый студень будет, — сказал он, разгибаясь.

— Добрый, добрый, — радостно вторила Степанида.

— На ее и смотреть приятно, не токмо кушать.

В сад прибежал шестилетний внук Трифона, уставился на свинью.

— Дедунь, дай вухо! А дедунь. Дай, дай вухо! — заныл он.

— Смотри, Петька, учись. Деду не сто лет на свете жить.

— Дай, дай вухо!

Трифон отрезал у свиньи ломкое ухо, и Петька вцепился в него, стал грызть, как зверек, хрустящий треугольник.

— А теперь аккуратней надо, чтоб не пропороть.

Острым концом ножа Трифон прикоснулся к свиной груди, надрезал на ней маленький крестик.

— Так уж положено. Продавать повезешь, люди увидят. Ага, значит, почестному резана, без обману, не дохлая.

Он приладился, провел лезвием по брюху, выкраивая широкий овальный пласт сала, подсунул под него ладонь и снял сплошным толстым листом, бережно положил в чистый таз. Под этим янтарно-желтым проглянуло белое нутряное сало в сплетении красных жил.

— Молодое, вкусное будет! Лучше нет молодого.

— Ага, ага, молодое.

— Э, какой почеревок! Здорова скотиняка, прелесть.

— Ты, Триша, гляди кишку не прорежь. Горьковину не выпусти.

— Не бось, не выпущу. Это сало, слышь, самое полезное. Простынешь, и пей. А то разотрись. Нутряное сало само дорого.

Он вываливал в таз груды студенистого сала, отирал пальцы о край. Под салом вздувались синие комья кишок, темные языки печени, залитые жиром. Трифон подсовывал красные ладони под пузырящиеся кишки, бормоча:

— Хорошее. Красивое.

Они вдвоем тянули булькающую требуху, шлепали в таз, и свинья колыхалась, качая пустым алым брюхом, глядя на них сквозь опаленные веки.

...Не было пенных морей, сияющих синих небес. Были черные ледяные болота. Тяжелые мины с хлюпаньем врывались под лед, лопались там в глубине, и болото взлетало грязным столбом с остатками трав и корней. Трифон со взводом разведки ходил по гнилым болотам. Хрустящие удары ножа, гортанные вопли, огненный треск автоматов. И та белая пустая поляна, весна, рука его перебита, высокая береза с одинокой поющей синицей, и из веток — лицо Степаниды в чистых весенних слезах. Он плакал под той березой о себе и о ней, об ушедшей юности, и синица качалась на тоненькой ветке...

— Сейчас грудину высожу, — сказал Трифон, — а ты кастрюлю готовь для крови.

Он выкромсал кусок ребер, отвалил и кинул на снег, и там, в глубоком, черном мешке, в крови, уткой плавало сердце. Трифон взял у Степаниды половник, оттолкнул поплывшее сердце, черпанул и омыл алым эмалированное дно кастрюли. Он черпал кровь и выплескивал, она дымилась, чернела, струйки ее стекали с половника, буравили снег до земли.

— Хошь, выпей, — сказал он Степаниде.

— Ой, не хочу, — передернула она плечами.

— И я не любитель. Ты пожарь ее с луком. А то сала много не съешь.

Он отставил кастрюлю, взял в руки сердце, тяжелое, гладкое, как булыжник; нащупал в нем рану, поковырял в ней пальцем и задумчиво отложил в таз.

...Выносила его из болот рябая толстая санитарка, лечила пробитое тело. Рыжая, добрая наклонялась над ним, а ему казалось в бреду, что корова их Зорька качает над ним розовым выменем. Но это было ее лицо, и горел фитилек коптилки. А как раны его сошли, он целовал благодарно ее кудряшки и оспинки, и когда она засыпала, раскрыв пухлый маленький рот, и ребенок в ней шевелился, над дрожащей коптилкой реяло лицо Степаниды...

Коты кружили вокруг, жадно мерцая глазами. Трифон, поддев на нож длинный сгусток крови, швырнул котам; те сшиблись бешено в урчащий клубок; рыжий вынесся и, волоча добычу по снегу, умчался в сад, а черные, облизываясь, вновь закружили. Трифон и им кинул куски, и они жадно урчали, пачкаясь кровью.

Степанида стояла, сухая и тонкая; на темном ее лице цвели, как отблеск далекой весны, глаза, и она удивилась вдруг, что этот старый седой мужик, сосед ее, Трифон, чья рыжая рябая жена, отдуваясь, переваливаясь на вздутых ногах, приходит к ней в гости и они судачат о том, о сем, — что это тот самый Трифон, о котором она горевала, к которому бегала в ночные луга, а потом забыла совсем за другой, горючей любовью.

...Забрали ее Тришу, пропал он; стали играть по селу похоронные свадьбы. Только солнце одно было красное, а бабы черные. Забьется в избе одна, а под окошком другая, и валятся бездыханные на руки седых стариков, и дети следом несут их платки. А когда накатился немец и погнали пленных, Степанида лежала как неживая в опустелой избе и не знала, зачем родилась, зачем ей эти белые сильные ноги, толстая с отливом коса, когда все это пропадет без следа, без любви, а любовь ее светлую сбили в глухие колонны, гонят в бинтах и ранах...

Степанида встряхивала в тазу тяжелую требуху, закидывала ее снегом, залепила доверху таз. Но снег быстро таял, опять проступала синева требухи.

— Маленько ее остудить, — сказала она, разгибаясь, — а то спортится.

— Ты гляди-ка, — заметил Трифон, — сейчас к тебе сороки со всего леса прилетят.

На яблоне уже скакали две сороки, трещали, нацелив вниз крепкие хищные клювы, острые веселые глаза. Еще две, загибая хвосты, сели на колья, и весь сад наполнился жадным, горячечным стрекотом.

Свинья лежала пустая, тихо дымилась; в розовой тьме у нее светились хребтина и ребра.

...Гнали селом колонну. Степанида лежала полуживая, по потолку и по печке двигались тени; будто гнали по улице стадо, хлопает бич; бубенец звенит, но это ухало в ней ее сердце, и больная горячая сила подымала ее с постели, толкала вон, на улицу, где клубился хвост колонны, а голова уже скрылась в роще. Замелькали лица, и она, как была простоволосая и босая, кинулась, разглядев в колонне чье-то худое, в щетине лицо, забилась, завыла: «Ой, пан, пан, мой! Мой муж, пан! Ой, пусти, пан, пусти!» И была в ее вопле такая тоска и надежда, что конвоиру в очках стало стыдно на миг своего немытого грязного тела, засохшей немой души, стертого в боях оружия, и захотелось упасть, превратившись в ком холодной земли. Он закивал Степаниде, заблестел на нее очками, и она как во сне выволокла из колонны и втащила к себе на крыльцо худого светловолосого человека...

— Во время войны стоял у нас немец-денщик, — сказала задумчиво Степанида. — Видел, как наши свиней колют. «Разве так, — говорит, — мучат скотину!» И обухом в лоб.

— У каждого свой закон, — отозвался Трифон.

Степанида постелила на снег чистую холстину; они опрокинули на нее свинью нутром вниз. Степанида сходила за санками. Петька аппетитно хрустел жареным ухом.

Трифон ласково на него покосился.

— Внуки мои таки здоровы ребята. Грызут, хоть бы что! Я и сам грызть любил. Теперь зубов нету.

— А до войны, помню, шкуру сдавать приходилось. Запрещали опаливать. А кому драть охота. На лошади в лес возили, тайком палили. А теперь можно. Нужды, что ли, в шкурах нету?

— Они до войны на седла шли. А теперь не надо — техника.

Степанида взялась за холстину, собираясь втаскивать хряка в сани.

— Погоди, — сказал Трифон. — Погоди в избу везть. Голову нужно отнять. А то разделывать станем — шуму с ей.

Он взял топор и двумя сильными короткими ударами, звякнув костью, отсек свинье голову, слил из нее осторожно кровь, отнес и поставил под яблоней. Снег впитал быстро остатки крови, и голова торчала стоймя, смотрела туманными глазами сквозь ветки, где робко синело небо, и коты боялись к ней подходить.

...Она стояла тогда в избе, растерянная, онемелая. Высокий под потолок, худой человек ссутулил плечи. Гул затихал вдали. Бледное солнце высвечивало венцы на стене, чайник с цветком на полке. И вдруг Степанида почувствовала, что случилось у нее небывалое счастье и нет ничего ей дороже этого длинного худого бойца. Ноги ее легко зазвенели по половицам, она накрыла на стол и глядела в радости, как жадно жует человек. Потом затопила баню; когда он ушел, собрала чистое отцово белье, полотенце, просунула ему в дверь и успела заметить, как силен, строен телом мокрый человек на скамье. И пока он мылся, достала из сундука новый довоенный платок, снесла бабке Зарянке; та, ухмыляясь, комкала в пальцах нежные розы, нацедила Степаниде полную бутыль самогона. И когда Степанида вернулась, сидел человек в избе, бел и молод лицом; щетина огоньками горела на розовых скулах...

Они ввезли по ступенькам сани вверх на крыльцо, а оттуда в избу, сложили свинью на широкую, с резной спинкой скамью, и она легла, безголовая, розовая, словно барыня; огонь в печи озарял ее лоснящийся бок.

— Эх, старики все были столяры-мастера. Какие лавки делали, — сказал Трифон, ткнув ножом свинье в спину, отмерив ногтем на лезвии глубину сала, — молоденький, а ничего. У мово прошлый год сало со стакан толщиной. И это ничего, хоть молоденький.

— А когда своего резать станете? К пасхе небось?

— Может, и к заговенью.

Степанида поставила в печь на угли сковородку, кинула на нее печень, густо полила из кастрюли кровью. Трифон, покосившись на шипящую сковородку, принялся спешно разделывать.

...Недолго пришлось Степаниде пожить со своим Семеном, целовать его и молиться, когда он засыпал на ее лунном локте. Недолго шептала ему сладким горячим шепотом, как родит ему сына, и станет расти он белее снега, и вместе с отцом будет ходить в заливные луга, ловить играющих щук. Станут они в три косы выкашивать молодые опушки, и сын ее в свисте и звоне поспевает за высоким отцом. Ночами во сне Семен плакал, стонал, рвал на груди рубаху. Она занавешивала окна, думая, что свет луны душит его. Но он просыпался

наутро безрадостный и сидел целый день, сдвинув брови, высокий, сутулый, выбросив на стол тяжелую руку. А когда объявился в лесах партизанский отряд, Семен обнял ее так крепко, что хрустнули все ее косточки и не было сил разрыдаться, и ушел под ночь в гудящие ветром леса. Он приходил к ней еще два раза, горячи и недолги были их встречи. А потом он исчез. Говорили, отряд попал в окруженье и весь без остатка ушел в ледяное болото. С тех пор гуляла луна по ее навек опустевшей избе...

Трифон весело завершал работу, поблескивал мокрым ножом.

— Ах, хорошо сальце! А ну-ка, барыня, сымай свой кафтан!

Он раскрывал у свиньи на спине пласты розоватого сала; оно было толстое, как листовая броня.

— На пьяного говорят: «Иди ты, свинья!» А свинья, она чище пьяного, — рассуждал он, выкладывая сало на клеенку. — Это мясо с хребтины на колбасу пойдет.

Он вывалил окорок с синеватой круглой костью.

— А это в бане коптить дубовыми дровами. Пойдешь заливные луга косить, окорок тогда самая добрая еда. А вот тебе по хребтине чистое мясо — балык. Ты сальце продашь, пальто себе купишь.

Степанида ворочала на сковородке печенку, подгребая жар.

— Эх, сколько я за свою жизнь их порезал! Мне такого свалить, как конфетку съесть. Раньше выбирали кабанщика из первейших людей, — похвалялся Трифон, радуясь, что работа подходит к концу. Вся лавка была завалена мясом. Степанида сложила его в корыто, и они вдвоем перетащили его в холодные сени.

Они вернулись в избу. Степанида налила в рукомойник воду, и, пока Трифон устало гремел, она убрала и вытерла стол, поставила на него пылающую сковородку, достала лафитники, распечатала бутылку с водкой.

Трифон сел за стол. Было видно, что он устал, седые волосы прилипли ко лбу. Степанида кинула ему на колени чистый рушник, придвинула хлеб, вилку.

— Ну, давай, Степанида Петровна, будем здоровы, — сказал он, подымая лафитник.

— Будьте здоровы, Трифон Кузьмич, спасибо вам.

Они подняли стопки; глаза их вдруг встретились; на секунду колыхнулся в избе холодный серебряный луг, запылала шапка зари, кони горели, как угли. Обе их жизни на миг слетелись, обнялись и умчались к той гаснущей бледной луне. Стопки в их руках колыхались, и они выпили их до дна, захлебнувшись горечью. Трифон вытер дрожащие губы, ковырнул вилкой рыхлую пригорелую кровь. Степанида над ним стояла.

А вечером изба ее была полна народу. Пришли соседи, родня. Печень дымилась на сковородке. Стояли бутыли. Они пели хором песни про коней, соколов и орлов. Трифон, захмелев, качал головой. Степанида подкладывала гостям рушники на колени.

ТАЙНА ИСЧЕЗНУВШЕГО ВОЗДУХА

Наше традиционное заседание за круглым столом несколько необычное. Мы проводим его не в редакции, а в Грузинском научно-исследовательском институте плодоводства, виноградарства и виноделия.

Ученым этого института удалось разработать и решить важные проблемы, которые, возможно, определят будущее плодоводства и виноградарства. Предоставляем им слово.

ДВУХЭТАЖНАЯ ЛОЗА

— Начнем с винограда, — сказал директор института, член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР, профессор Николай Михайлович Хомизурашвили.

Казалось бы, что проще: высадил лозу в землю, и растет она сто лет, выносливая и неприхотливая. Но это не так. Наша лоза в почве давно уже не растет. Высадить ее туда — все равно что ткнуть в слой раскаленных углей: почвы Грузии заражены вездесущими и неистребимыми филлоксерами, укусы которых обжигают корни и губят растения. Вот почему грузинская лоза прививается на подвой — виноградный ствол пришельца с другого континента, способного дать отпор насекомым: место укуса у него моментально затягивается пробковым слоем, который филлоксере не по зубам.

Такое двухэтажное строительство лозы породило несколько направлений научного поиска. Одно из них имело задачу найти наиболее экономичный и эффективный способ подготовки подвойного материала. Обычно отростки стелются по земле, переплетаются во взаимоудушающих объятиях.

Мы предложили способ более организованного воспитания побегов: они подвязываются к шпалерам, развиваются в строго определенном направлении, не мешая друг другу.

Сейчас эта прогрессивная система ведения маточных плантаций внедрена во всех специализированных совхозах республики. Сэкономлены десятки миллионов рублей.

«Закабалив» растения в одном отношении, мы раскрепостили их в другом — разработали свободный метод формирования виноградного куста. Раньше господствовал трафарет: на любой лозе оставлялось шесть почек. Мы предложили практикам применять индивидуальный подход к растениям: если лоза крупная, сильная, можно оставить до 40—50 почек; если возможности ее средние — ограничиваться минимальным вариантом. Когда виноградари по-настоящему овладеют новым методом, урожайность на плантациях резко возрастет.

Возникла еще одна проблема: как лучше всего обеспечить «стыковку» подвоя и привоя — верхней части лозы. Ведь сейчас из каждых трех соединяющихся пар только одна приводит к жизнеспособному союзу — биологическая несовместимость тканей и здесь играет не последнюю роль. Сложная проблема, и все же ее удалось решить заведующему отделом агротехники и виноградарства, профессору Николаю Васильевичу Ахвледиани.

„ВИНОГРАДНАЯ СВАРКА"

— Как обычно поступают, когда хотят соединить между собой два металлических предмета? — начал Николай Васильевич. — Их соприкасающиеся поверхности нагревают, приводят атомы металлов в активное состояние. Мы решили использовать тот же принцип: стали искусственно возбуждать растительные клетки лозы в электрическом поле высокого напряжения. Делается это просто — уже привитые пары помещаются между двумя пластинами, соединенными с генератором электрического тока. Электрошок как бы встряхивает растения, все химические процессы в них ускоряют свой «бег»: усиливается деятельность ферментов, питательные вещества переходят в растворимое состояние, клетки быстрее делятся. Растения легче преодолевают взаимную отчужденность, обе стороны обмениваются «представителями», и смотришь, лоза стала живым цельным организмом. Да еще каким! У «электрических» саженцев лучше развиваются корни, это лозы высшего качества, суперэлита.

Новый способ «стыковки» растений позволил вдвое увеличить число здоровых растительных организмов.

Подобный эффект оказывают на растения и гамма-лучи. 300 квт/сек — и жизнеспособность соединяющихся пар гарантируется.

ПАРАДОКСЫ В САДУ

— Хорошо это или нет, когда крупные, могучие, узловатые ветви деревьев сплошь усыпаны яблоками? — спросил директор Скрийской опытной станции института, кандидат сельскохозяйственных наук Гиви Георгиевич Бадришвили. — Несведущий человек, разумеется, всплеснет руками от изумления, но опытный садовод задумается.

Вот так же задумались однажды сотрудники института, побывав в садах Западной и Восточной Грузии: яблони-то у нас старые, тридцатого года рождения. Сегодня они еще дают обильные урожаи, а завтра? К тому же 25 тысяч гектаров новых садов надо заложить в республике к 1970 году. Значит, 3 миллиона высококачественных саженцев должны получать в год из питомников грузинские садоводы. А где их взять? Молодая поросль не очень бойкая: четыре года приходится ждать, когда из семечка вырастет саженец! Мы предложили новую агротехнику выращивания саженцев.

Чтобы понять суть новой агротехники, расскажу кратко, как сейчас начинают свой жизненный путь наши яблони и груши. Зайдем в «школу» — так называется поле, где сеянцы живут первый год. Тесновато здесь растениям — 250 тысяч на гектаре! И хотя они еще маленькие, но уже теснят «плечами» друг друга, уже вспыхивают конфликты за дележ питательных веществ. При этом сеянец послабее отстает в своем развитии. «Неудачников», конечно, выбрасывают, а остальные растения следующей весной пересаживают на другое поле. Так как наши сеянцы выросли из семян диких яблонь и груш (это делается специально для воспитания выносливости у растений), то к концу второго сезона им прививают почки культурных сортов. И еще два года они должны жить на плантациях. Способ неэкономный — сколько уходит сил и средств: выкапывай растения, сортируй их, храни, дополнительно обрабатывай почву, высаживай на новое поле!

Да и растениям не на пользу кочевой образ жизни. Получается как в притче о мальчике, который каждый день выдергивал морковку, чтобы посмотреть, не подросла ли она.

А что, если избежать переселений и сразу создать маленьким сеянцам оптимальные условия для роста и развития? Так мы и решили поступить. Но сначала надо было спросить у растений, какая жилплощадь для них наиболее выгодная. Мы посеяли семена яблонь и груш с различной густотой, а осенью подвели итоги «опроса». Лучше всего саженцы развиваются в прямоугольнике 20 на 80 сантиметров.

Ранней весной рассчитанно редкий посев мы провели не в «школе» сеянцев, а прямо на поле питомника. Растения высоко отозвались о новой агротехнике в прямом и переносном смысле этого слова, поэтому мы уже осенью смогли привить им почки культурных сортов. К июню следующего года саженцы, соответствующие высоким нормам стандарта, были уже готовы для отправки в колхозные и совхозные сады. Парадоксально, но факт: наши скороспелки выглядели лучше, чем обычные «второгодники».

Подытожим. При старом способе одно гектарное поле питомника дает 16—20 тысяч растений, а у нас урожай в три раза выше — 62,5 тысячи. Причем за два года вместо четырех. Это сразу сбернулось рыночным эффектом: себестоимость саженца упала с 29 копеек до 7. Сейчас этот новый метод применяется во многих районах.

А как быть со старыми деревьями? Срубить громадный, в сотню тысяч гектаров, грузинский сад на дрова? Ученые решили и эту проблему. Вот что рассказывает о новом методе омолаживания садов заведующий отделом агротехники садоводства, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Петр Михайлович Качарава.

ЧТОБЫ ЯБЛОНИ МОЛОДЕЛИ

— Подмечена любопытная закономерность: дерево перестает плодоносить, как только у него прекращается прирост кроны. Нет молодых побегов — нет урожая. Наши старые сады как раз и близки к такому состоянию. Как же продлить их жизнь, сделать старость «плодотворной»? Начались кропотливые поиски биологических резервов. И они были найдены. Мы разработали метод омолаживающих подрезок: если укоротить плодоносящие ветви примерно на одну треть — до древесины шестилетнего возраста, — то дерево как бы перерождается: из него с невиданной силой начинают бить зеленые струи новых побегов. Растения молодеют, будто сбрасывают с ветвей добрый десяток лет. И урожай яблонь и груш повышается примерно на 25 процентов.

А можно ли вернуть молодость корневой системе растений? Можно. Но установили мы это не сразу. И здесь не обошлось без парадокса. Мы заметили, что обычная агротехника, которая рекомендует легкое рыхление почвы и внесение удобрений, эффекта не дает. Почему? Стали исследовать и обнаружили: во время рыхления разрывается паутина корней как раз в той зоне, куда мы вносим подкормку. Образно говоря, мы лишаем растение желудка, а потом подносим ему пищу ко рту. Новые корешки, конечно, отрастут, но фосфорные и калийные удобрения уже превратятся в соединения, про которые повар сказал бы так: «Там есть мясо, но оно проварено только наполовину». Что же делать?

Наши рекомендации могут удивить своей неожиданностью: мы предложили проводить каждые четыре года глубокую вспашку и закладывать по всей глубине четырехгодичный запас питательных веществ. «Как же так, — спросят нас садоводы, — ведь вы подрежете основные корни, которые, как известно, не восстанавливаются».

Не только восстанавливаются, но становятся длиннее, сильнее, производительнее. Вот что показали эксперименты: если до глубокой вспашки общая длина корней у яблони составляла 1089 метров, то спустя 2—3 года после нее она выросла до 1479 метров, разветвленность мелких корневых щупалец увеличилась в три раза, а глубина залегания плетей — на 30—40 сантиметров. Не случайно урожай яблок на таком дереве в полтора раза больше обычного.

Сейчас подобные эксперименты мы проводим в грушевых, черешневых и вишневых садах.

Но с самой волнующей загадкой пришлось столкнуться руководителю отдела хранения винограда и плодов, кандидату сельскохозяйственных наук Григорию Александровичу Мокашвили.

КУДА ЖЕ ИСЧЕЗ ВОЗДУХ?

— Собран урожай, и перед садоводом встает важнейшая задача — сохранить плоды так, чтобы зимой, весной и летом они оставались вкусными, свежими, сочными. К сожалению, некоторые хозяйственники рассуждают порой так: «Наши деды хранили урожай без всякой науки, и мы не будем мудрствовать лукаво». Не так давно под Тбилиси в селе Лило построили огромное хранилище, но не учли современных научных рекомендаций. Три тысячи тонн яблок и груш заложили — тысяча сгнила.

Никакие открытия ученых не помогут, пока у нас в стране не будет создано союзно-республиканское ведомство по заготовкам и сбыту фруктов и овощей, которое координировало бы научно-исследовательские работы, обобщало передовой опыт, определяло стандарты, решало проблему кадров, транспорта, тары, осуществляло гибкую торговую политику и так далее. В Грузии создали республиканскую заготовительную организацию «Грузглавконсервплодовощ». Но при комплектовании отделов забыли... отдел науки. Вряд ли без такого отдела можно будет успешно работать дальше.

Скорее наоборот. Из года в год снижаются требования к качеству урожая. По одной и той же цене, например, принимаются хорошие, червивые и побитые яблоки. Упрощенные стандарты портят людей, люди — фрукты. Раньше снимали яблоко с дерева и укладывали в корзину, как яичко. Теперь деревья нередко трясут, лопатами грузят урожай в кузов машины да вдобавок садятся на него сверху. Получается, как в той старой притче, где камень ли падает на кувшин, кувшин ли на камень — все равно разбивается кувшин. Не удивительно, что если на дереве созревает 80 процентов плодов первого сорта, по десять второго и третьего, то до склада яблоки доезжают в обратной пропорции: 80 процентов третьего сорта, остальные — второго.

Некоторые хозяйственники стараются уйти от потерь или частично компенсировать их с помощью консервных заводов. Но разве можно сравнить, скажем, свежее натуральное яблоко с компотом. Яблоко — это здоровье, компот — элементарный деликатес.

Хорошо сохранить урожай невозможно без знания скрытых, но очень важных биологических процессов, которые протекают в плодах. Возьмем, например, яблоко. С виду оно кажется застывшим, инертным и даже как бы мертвым телом. Но это только кажется. На самом деле оно живой организм, оно дышит. «Легкими» ему служат крохотные отверстия в кожуре, через которые кислород проникает внутрь. С его участием сложные высокомолекулярные соединения превращаются в простые, при этом образуются углекислый газ и вода, которые через те же «легкие» выделяются наружу. Так происходит «вдох» и «выдох» у яблока. Чем выше температура, при которой хранятся плоды, тем учащеннее их дыхание, тем больше они расходуют питательных веществ для поддержания своей жизни, тем скорее теряют свои полезные свойства.

Очень хорошая температура для хранения яблока — ноль градусов. Оно по-прежнему дышит, но как бы во сне, в замедленном ритме.

Наша задача поддержать его глубокий «сон» как можно дольше. Лучше всего это можно сделать в специальных газовых хранилищах, где особый состав атмосферы сочетается с оптимальным температурным режимом. Но беда в том, что достичь непроницаемости стенок очень трудно, еще не создан идеальный изоляционный материал, да и удаление излишнего углекислого газа доставляет немало хлопот.

Мы попробовали хранить яблоки и груши при нуле градусов в полиэтиленовых полостях, способных избирательно пропускать кислород и углекислый газ. И вдруг во время эксперимента произошло чрезвычайное событие: из герметично закупоренного мешочка таинственно исчез воздух, и пленка, как тонкая прозрачная кожица, обтянула плоды.

Может быть, это произошло за счет неравномерного обмена — углекислого газа ушло из полости больше, чем поступило в него кислорода? Опыт повторили. Чуткие приборы пристально следили за каждым ионом О и CO_2, которые циркулировали сквозь полиэтиленовые стенки. Нет, большой разницы между «вдохом» и «выдохом» плодов не было, но таинство свершилось и на этот раз: воздух снова каким-то непостижимым образом исчез из мешочка.

Думали-гадали, и, наконец, осенило: если пропадает воздух, значит прежде всего теряется азот — его в нем 80 процентов. Эту мысль проверили с помощью атомов азота. Так и есть — меченых атомов в мешочке не оказалось: но куда они исчезли? Ведь полиэтиленовая пленка азот не пропускала — приборы-сторожа следили за этим очень строго. Выходит, азот потребляли... груши и яблоки, вернее таинственные существа, которые в них обитали. Мы разрезали плоды на куски и поместили их в питательную среду. Хитрость удалась, незнакомцы стали стремительно размножаться. Это был новый, неизвестный науке вид азотофиксирующих бактерий.

Помимо чисто научного интереса, открытие имело и большое практическое значение. Оно служило как бы последним звеном в цепи многолетних исследований, завершало наши поиски эффективных способов хранения фруктов. Яблоки и груши прекрасно хранятся в этом вакууме в течение многих месяцев. Значит, отпадает необходимость в дорогостоящих газовых камерах.

Мы считаем, что сейчас целесообразнее всего строить в хозяйствах небольшие плодохранилища с регулируемой температурой воздуха. Допустим, собирает колхоз 100 тонн фруктов, 20 тонн реализует сразу, а остальные хранит в полиэтиленовых мешочках, используя фрукты в течение всего года по мере надобности. Проекты таких плодохранилищ разрабатываются сейчас для нескольких совхозов Грузии.

Так открывают новые тайны растительного мира грузинские виноградари и садоводы. Их работы свидетельствуют о том, что в наше время идет глубокое вторжение науки в сельскохозяйственное производство. Это время удивительного творчества сельских тружеников на полях страны.

Беседу за круглым столом вел
Ю. ПОЛКОВНИКОВ

НАМ ОТВЕЧАЮТ

Очерк Л. Озорнова «Пожар в стране лебедей», напечатанный в № 7 вашего журнала в 1968 году, обсуждался на общем профсоюзном собрании работников Кызыл-Агачского заповедника.

Создана комиссия, куда вошли представители Комитета по охране природы Совета Министров Азербайджанской ССР и республиканской прокуратуры.

Бывший директор заповедника Асадулаев и его заместитель по науке Нуриев от работы в заповеднике освобождены.

В настоящее время приняты следующие меры:

1. Опергруппа охраны заповедника восстановлена и укомплектована соответствующей техникой.

2. Незаконно уволенные егеря Фазиль Садыхов и Алигасан Гасанов восстановлены на работе.

3. Для улучшения охраны заповедника и возможности большего маневрирования имеющимися силами территория заповедника разделена на два отдела — Северный и Южный с приданием им соответствующего личного состава и техники. Начальниками отделов назначены лучшие егеря Кызыл-Агачского госзаповедника С. Гигашвили и Г. Алиев.

В случае необходимости охрана отделов увеличивается за счет опергруппы.

4. Работникам егерской охраны возвращено боевое оружие и техника.

5. Сухопутные и водные границы заповедника обозначены пограничными столбами. На Малом заливе организован плавучий пост.

6. Решением Совета Министров Азербайджанской ССР охота на Малом заливе запрещена круглый год.

7. С целью прекращения доступа отарам скота в заповедные угодья по границе заповедника проводится оградительная канава.

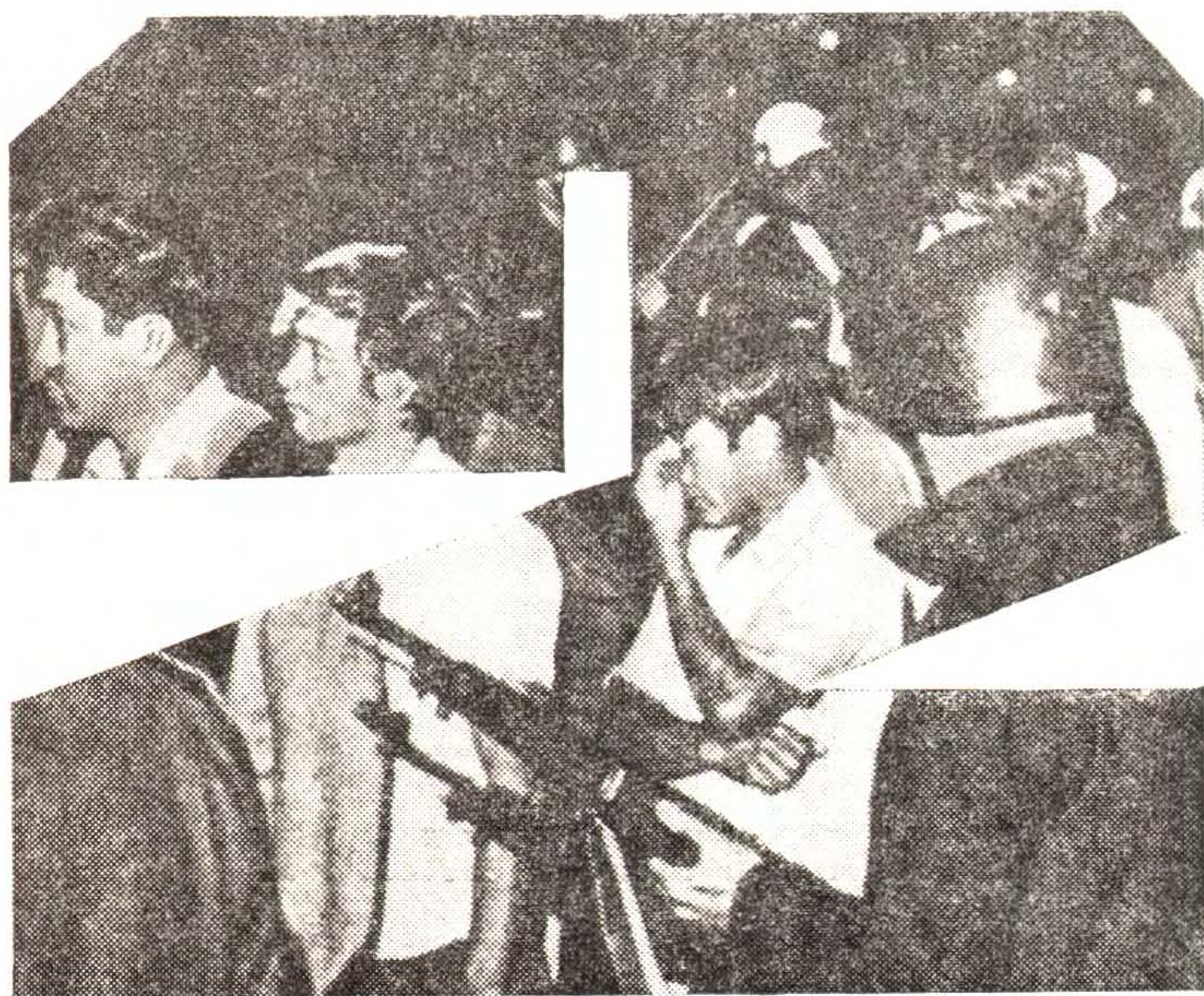
8. Все материалы по нарушениям в заповеднике своевременно оформляются и передаются в местные следственные органы.

Дирекция заповедника благодарит журнал «Сельская молодежь» за своевременный и принципиальный очерк Л. Озорнова «Пожар в стране лебедей».

Директор Кызыл-Агачского госзаповедника ЯГУБОВ

Зам. директора по научной части ЧИЛИКИНА

СРЕДА 2-е октября

Ориана **ФАЛЛАЧИ**

Площадь Трех культур

Чувствую себя еще плохо, и голова к тому же кружится. Но, понимаешь, больше всякой боли — ужасной боли в плече, в легких, в колене, в ноге — меня мучает и изводит не отпускающий душу и память кошмар. Ведь та ночь не должна была стать ночью крови...

История этой позавчерашней ночи такова (потом я еще вернусь к событиям, которые ей предшествовали, и расскажу тебе, почему все это произошло). Было объявлено, что в пять вечера, в среду, состоится митинг на площади Трех культур в Мехико. Эта площадь, я думаю, в Мехико самая большая и самая известная, называется она площадью Трех культур потому, что в каком-то смысле, символически, объединяет три культуры этой страны: ацтекскую, испанскую и современную. На площади стоит испанская церковь, построенная в 1500 году, основание ацтекской пирамиды и современные, недавно возведенные здания.

Мне уже пришлось до этого присутствовать на одной демонстрации на площади Трех культур, состоявшейся в день моего приезда в Мексику. В тот самый день я и познакомилась с руководителями студентов и тогда же начала интервьюировать их. Я прилетела в ночь с четверга на пятницу, и в пятницу же была устроена эта демонстрация. Я впервые присутствовала на такой демонстрации, и, нужно сказать, она произвела на меня глубочайшее впечатление. Представь себе тысячи ребят, а они действительно ребята — тринадцать, четырнадцать, шестнадцать, восемнадцать, максимум двадцать три — двадцать четыре года. И потом все эти ребята были по-настоящему бедные; среди студентов в Мексике детей буржуа вообще не много. В основном это дети крестьян, рабочих.

Эти ребята собрались на площади Трех культур для того, чтобы почтить память своих погибших друзей. К той пятнице у них уже были свои погибшие — человек сто, думаю, после того, как полиция начала двадцать шестого июля свою расправу. В ту пятницу на площади была и полиция, но только полиция, не войска, полицейские сконцентрировались на террасе школы номер семь, которую тогда они еще продолжали занимать. Эта школа выходит прямо на площадь Трех культур. Ребята собирались на площади со стороны ее новейшей части: они несли свои плакаты, и с ними пришли и матери трех ребят, что были убиты полицией. Тогда-то я и познакомилась с руководителями хуэлги — забастовочного комитета.

Речи произносились (а это важно потому, что потом именно там произошли все эти страшные события) с террасы здания, смотрящего на площадь. На каждом этаже этого небоскреба, который в Мехико зовут Чихуахуа Билдинг, есть просторная терраса, огражденная низкой балюстрадой, и вот на одной из них ребята установили громкоговорители и произносили речи. Хочу еще раз повторить, что это была поистине трогательная манифестация. Представьте себе, как стояли молча все эти ребята, чтя память своих друзей минутой молчания, а сверху на их склоненные головы и на головы матерей погибших падал дождь. Когда закончилась эта минута или даже во время ее, кто-то зажег зажигалку, за ним — другой, третий, и вот на площади появились вдруг эти крошечные дрожащие огоньки. Они были везде — огни зажигалок и спичек, обжигавших пальцы. Но потом кто-то сообразил свернуть газету и поджечь ее, и тогда все стали сворачивать газеты и поджигать их, и эта демонстрация так и закончилась мирным факельным шествием. Понимаешь, они так и ушли с площади, вытянувшись длинной цепочкой, и у каждого в руке была свернутая пылающая газета, и все они пели студенческие песни.

После этой демонстрации правительство решило отвести войска из здания университета, которые те занимали с первых дней сентября. И тогда, чтобы отметить эту эвакуацию военных подразделений из стен университета, которая, впрочем, была частичной эвакуацией, студенты решили провести в среду еще одну манифестацию все на той же площади Трех культур. Студенты сказали мне, что эта манифестация будет для них очень важной, и мне поэтому стоит на нее прийти. Я и пришла.

Манифестация была назначена на пять часов. Я приехала на площадь без четверти пять, и площадь была уже наполовину заполнена народом. На террасах разных этажей небоскреба, о котором я говорила, стояли руководители студентов, большинство разместилось на третьем этаже. Там же были установлены и громкоговорители и висели флаги — мексиканские и красно-черные флаги забастовки. Я тоже поднялась на третий этаж и увидела там Гевару, одного из руководителей; Мануэля, другого руководителя, студента факультета биологии и сына крестьянина. Я увидела второго Мануэля —

26 июля с разрешения властей студенты Политехнического института Мехико устроили демонстрацию у президентского дворца. На подступах к площади Сокало демонстранты были встречены полицейскими. На студентов обрушились град палочных ударов, гранаты со слезоточивым газом.

12 августа студенты начали в знак протеста общенациональную забастовку. Целый месяц не прекращались столкновения полиции и студентов. 18 сентября на площадь Сокало вышло 400 тысяч человек. Такой демонстрации столица Мексики не видела пятьдесят лет.

Дальнейшее развитие событий в Мексике приняло драматический оборот. 2 октября 20 тысяч студентов собрались на площади Трех культур. Под давлением крайне правых сил солдаты и полиция открыли огонь из пулеметов и автоматов. По данным даже буржуазной прессы в этот день было убито 500 человек.

В этом номере мы публикуем репортаж видной итальянской журналистки Орианы Фаллачи. 2 октября она тоже была на площади Трех культур и тоже, как и многие студенты, участники демонстрации, была ранена. Ориана Фаллачи продиктовала этот репортаж на магнитофонную ленту сразу же после операции, проведенной в одной из клиник Мехико.

бря

сына музыканта и студента консерватории, увидела Сократеса, еще одного руководителя, и Марибиллу, девушку, которая, как мне кажется, изучает медицину.

Митинг еще не начался, когда на террасу поднялся Анхель, еще один руководитель забастовочного комитета. Вид у него был очень обеспокоенный. «Знаешь, — сказал он мне, — я ведь опоздал потому, что вся эта площадь на расстоянии трех-четырех километров окружена машинами и транспортерами. На одной улице я насчитал тридцать грузовиков с солдатами. Мне пришлось сделать хороший крюк, чтобы добраться сюда».

Ты меня должен извинить, голова у меня сейчас не очень-то ясная, потому и рассказ получается таким путаным... Так вот, после манифестации ребята хотели пойти к одному из факультетов Политехнического института, который был еще занят войсками. Но когда появился со своими новостями Анхель, ребята тут же собрались на террасе, чтобы обсудить все заново. И они решили не идти к зданию этого факультета, потому что, говорили они, если мы все пойдем туда, где нас ждут с базукой наготове, то это будет выглядеть так, будто мы их хотим спровоцировать.

Я им тоже сказала: «Не ходите вы туда, ради бога, черт с ним, ведь это бесполезно, ведь это будет только игрой в смелость». И тогда Сократес подошел к микрофону и сказал всей площади, которая продолжала наполняться: «Компаньерос, мы изменили наш план действий. Мы хотели раньше идти к зданию факультета, но теперь не пойдем, потому что там нас поджидают войска с базуками и на транспортерах. Идти туда — значит бессмысленно провоцировать солдат, вот почему я советую вам, компаньерос, как только наше собрание закончится, расходитесь по домам».

Митинг начался. Первой выступала Марибилла. Она сказала: «Войска эвакуированы из университета, но многие другие учебные заведения они еще занимают, поэтому мы будем продолжать нашу борьбу...» Марибилла — девчушка восемнадцати лет, она грациозна, хотя ее и портит заячья губа. А вообще она производит впечатление очаровательной и застенчивой девушки. Голосок у нее как у птички, даже с громкоговорителем почти ничего не было слышно.

После нее снова говорил Сократес. Мне он казался ребенком, наклеившим усы; впрочем, у знаменитого Сапаты тоже было ребяческое лицо. Сократесу лет восемнадцать-девятнадцать, и эти огромные усы — единственное, что он смог оставить от своего прежнего вида. У него и его друзей до августа были длинные волосы — не потому, что они считали себя хиппи, и не потому, что хотели походить на битлов, просто в Мексике революционеры по традиции носят длинные волосы. Когда полиция начала фотографировать их, следить и арестовывать, все они разом укоротили себе волосы и посбривали усы. Лишь у Сократеса не хватило духу расстаться с усами. И вот этот усатый Сократес вышел к микрофону и сказал: «Товарищи, наша демонстрация мирная; мы хотим прежде всего отпраздновать эвакуацию войск из стен нашего университета, мы хотим заявить наше требование — освободить остальные студенческие помещения, и, наконец, мы хотим, компаньерос, объявить с понедельника голодовку, которая докажет всем, что в наши планы не входит насилие. Мы будем искать мирные средства борьбы. Итак, мы начинаем в понедельник; кто хочет участвовать в этой забастовке, пусть приходит в университетский городок, к олимпийскому плавательному бассейну... Голодовка продлится до конца Олимпийских игр...»

Едва Сократес закончил свою речь, как над площадью появился вертолет; вертолет был зеленый, значит армейский. Он летал кругами, опускаясь все ниже и ниже. Из вертолета были выпущены две зеленые ракеты. Я была во Вьетнаме и знаю, что, когда вертолет или самолет выпускает ракеты, это может означать лишь одно — он ищет точку атаки. И я снова кинулась к ребятам. «Смотрите,— закричала я им,— он выпустил ракеты, значит он собирается стрелять!» Они не приняли моих слов всерьез. Они знали, что я была во Вьетнаме, и сказали мне: «Э, ты на все смотришь так, будто ты еще во Вьетнаме». Они не закончили своей шутки, как вся площадь огласилась ревом грузовиков и танков, они в буквальном смысле окружили площадь — с нашего третьего этажа это было хорошо видно. Тут же задние борта грузовиков откидывались, на площадь, стреляя, выскакивали солдаты. Но они не стреляли в воздух, они стреляли вниз, они не держали ружья дулом вверх, они держали их дулом вниз! Две-три минуты мы стояли как громом пораженные, побледневшие; это был какой-то кошмар, наваждение, находящийся не то что по ту сторону разумного, но и по ту сторону абсурда, потому что здесь, на площади, не произошло ровным счетом ничего, что могло бы оправдать появление войск. Студенты говорили лишь о том, что они хотят начать с понедельника голодную забастовку. Теперь они пытались убежать. Сократес, еще не понявший того, что солдаты действительно стреляют по толпе, подбежал к микрофону и закричал: «Компаньерос, спокойствие, спокойствие, спокойствие. Это провокация, это провокация!» Но они все бежали и бежали. И вдруг я начала замечать, что они стали падать, знаешь, как валятся на охоте зайцы, они перекувыркиваются и замирают.

Издалека они казались маленькими, но все равно они были прекрасно различимы, эти зайцы, которые бежали, перекувыркивались и замирали. Меня будто парализовало, я продолжала стоять на балконе, не в силах оторваться от этой картины страшного хаоса, а в ушах все звучали слова Сократеса, продолжавшего успокаивать толпу, хотя какое там, к дьяволу, спокойствие, если на землю уже падали первые мертвые.

Огромная прямоугольная площадь лежала перед нами. С нашей стороны она кончалась лестницей. Теперь послушай, я хочу вот что объяснить: ты помнишь в «Броненосце «Потемкине» сцену, когда толпа бежит по одесской лестнице, оставляя на ступенях скрюченных женщин и детей? Так вот наша крутая лестница казалась лестницей из «Потемкина», и было страшно смотреть, как замирают на ней, склонив головы, люди. Мы попали в мышеловку, мы прекрасно понимали, что сейчас придет наша очередь, что они уже идут сюда, на третий этаж небоскреба, где находятся громкоговорители, но я понимала и то, что мы ничего сделать не можем. Я попробовала было вызвать на этаж лифт, но лифт был кем-то отключен. Когда я повернулась спиной к площади, где началось уже настоящее побоище, я увидела, как выскакивают на наш балкон, будто в каком-то детективном фильме, сорок, нет, пятьдесят, нет, уже шестьдесят мужчин. Каждый из этих мужчин среднего возраста был в штатском, в рубашке — все были в белых рубашках, левая рука — в белой перчатке или обвязана белым платком, в правой руке — направленный на тебя пистолет. Перчатка или обвязанный вокруг руки платок служили им паролем — ведь они были в штатском. Они врывались, стреляя, они палили направо и налево, правда, не в людей, а в пол. Сократес куда-то исчез, я его так больше и не видела. Я очутилась рядом с Мойсесом, студентом из Политехнического, сыном крестьянина, и моим другом Мануэлем. Я смотрела на этих выскакивавших полицейских в полнейшей прострации, хотя, скажу тебе откровенно, меня не так-то легко чем-нибудь поразить, а уж поразить после того, что я только что видела на площади, было еще труднее. И все же эти выпрыгивавшие откуда-то агенты, к тому же тут же развивавшие кипучую и малопонятную активность, просто сразили меня.

Один из агентов схватил меня за волосы, а у меня длинные волосы; ты, наверное, видел картинки, изображающие пещерную жизнь наших предков, — там мужчины хватали за волосы своих женщин точно таким же способом; так вот, схватив меня за волосы (я думаю, что добрая часть их так и осталась у него в кулаке) и крутанув, он швырнул меня об стену. На несколько секунд я была оглушена.

Не знаю, хорошо ли ты понял, как устроена эта терраса. С двух сторон от нее идут лестницы, потом там есть сплошная стена с двумя лифтами и, наконец, балюстрада. Так вот он меня бросил об стену, там, где лифты.

Когда я очнулась, то увидела рядом с собой Мойсеса и Мануэля, остальные куда-то исчезли, и лишь в глубине находилась группа журналистов — немцев, голландцев, один японец и французы. А этот тип стоял рядом и вопил: «Детенидос, детенидос, детенидос!», что означало, что мы арестованы. Я осталась стоять на ногах. Стрельба на площади продолжалась, но она еще не достигла настоящей силы.

Нас поставили к стене. Стрельба к тому времени стала интенсивнее. Очереди потянулись от бронетранспортеров, от ручных пулеметов и автоматов солдат и, наконец, от этого зеленого вертолета, который снижался все ниже, стреляя в толпу, рассеивающуюся по площади и по балкону, на котором мы находились. Я уже объясняла, что единственно безопасное место на этой террасе находилось под балюстрадой, то есть под маленькой стенкой, которая служит основанием для перил, и вот под этой стенкой и растянулись все полицейские в белых перчатках и с пистолетами, направленными на нас. Мы же, арестованные, должны были стоять у глухой стены, представляя собой прекрасную мишень для всех, кто стрелял сейчас на площади и над площадью.

(В этом месте голос Фаллачи прерывается. Потом она, наконец, снова заговорила: «Извини меня, выключи, пожалуйста, магнитофон. Я больше не могу, мне плохо, очень плохо. Я чувствую, что умираю...»)

...Ну, вот. Теперь мы можем продолжить. Понимаешь, самое страшное было в том, что мы не могли никуда спрятаться, а всякий раз, когда мы пытались хоть на миллиметр отодвинуться от этой проклятой стены, которая, по-моему, стала главной целью для всех стрелявших, и пробовали подойти к спасительной стене балюстрады, эти растянувшиеся на земле полицейские начинали стрелять. Они стреляли в стену. Они выстрелили два или три раза в стену и два или три раза в лифт.

Потом кто-то подсказал мне, что надо делать. Я притворилась, что теряю сознание, и упала, как тряпка, на землю. Остальные сделали то же. Полицейские не стали стрелять в нас, и теперь, лежа плашмя на полу, мы чувствовали себя лучше. Я лежала между Мойсесом и Мануэлем. Мойсеса тут же, правда, ранило в руку, и она у него была вся в крови. Мануэль старался прикрыть меня, но его движение не ускользнуло от полицейского, и тот сразу же крикнул нам, чтобы мы держались подальше друг от друга. Но Мануэль продолжал загораживать меня — он положил свои руки мне на голову, я и сама прикрывала ее руками. Тогда полицейский, помахав пистолетом, приказал всем нам троим поднять руки вверх. Теперь мы не могли даже защитить голову от осколков. Мы ничего не могли, понимаешь?!

Когда Мануэль и Мойсес отодвинулись от меня, я медленно, сантиметр за сантиметром, поползла вдоль стены и отползла на полметра, хотя полицейский продолжал кричать и размахивать пистолетом. Эти полметра спасли мне жизнь: если бы я осталась на прежнем месте, пуля угодила бы мне прямо в голову, а не в спину. Стрельба все это время продолжалась беспрерывно, и вот в какой-то момент вертолет опустился еще ниже, послышалась близкая очередь, я увидела, как начал крошиться камень стены, и я почувствовала, как входит мне в спину нож. Этот нож был пулей, засевшей в нескольких миллиметрах от позвоночника. Другой осколок вошел в левое колено и разворотил всю ногу, но мне все же здорово с ним повезло (как сказал профессор Вьяле, оперировавший меня, мне просто скандально повезло). Дело в том, что осколок прошел между главной артерией, нервными волокнами и веной, не задев ни того, ни другого. Еще один осколок вошел в бедро. Он вошел с одной стороны и со всей образованностью, на которую только способен осколок, тут же вышел с другой стороны, оставив на память лишь свой след.

Я дотянулась рукой до раны на спине и почувствовала, как сильно она вздулась — то было железо, которое засело у меня внутри, крови, правда, не было. Я потрогала раненую ногу и, увидев кровь, сразу же закричала: «Помогите, я ранена, ну помогите мне, пожалуйста!» Я плакала, кричала, умоляла и снова кричала: «Убийцы, убийцы!» — но все мои крики сливались с криками толпы на площади, где продолжалось это массовое убийство. Громче всех криков были пулеметные очереди.

Прошел уже час с лишним с той минуты, как я была ранена, а стрельба все продолжалась. Двое полицейских снова ухватили меня за волосы, все тем же способом, о котором я уже тебе говорила, — это чертовски неудобно, иметь длинные волосы, они схватили меня своим пещерным способом и поволокли, как мешок с картошкой, вниз по лестнице, ведущей на первый этаж. Я не буду тебе говорить, какой адской болью отдавалась в моем теле каждая ступенька, особенно там в спине, около позвоночника, где сидел осколок.

Так, за волосы меня и дотащили до первого этажа и бросили на пол в какой-то пустой комнате. Пол был покрыт слоем мутной жижи, верно, во время стрельбы были повреждены какие-то трубы. Я увидела, как ко мне кто-то наклонился, увидела руку с квадратными ногтями и зеленый обшлаг рубашки, увидела, как эта рука сорвала с моей часы. Тогда мне почему-то показалось, что это сделали специально, чтобы облегчить мне боль, часы меня раздражали. Я принялась звать на помощь, кричала, что я хроникер и журналистка.

Но эти типы продолжали отвечать мне, что я была бунтовщиком и агитатором, хотя к тому времени они прекрасно знали, кто я. Наконец, не знаю, сколь уж там прошло времени, они положили меня на носилки. Представь себе, что я была ранена около половины седьмого и лишь полдесятого, а может быть и позже, они стащили меня вниз. А стрельба все продолжалась.

Я не помню, как меня привезли, я не помню всего, что происходило в «Скорой помощи», помню лишь, что пролежала там часа полтора, и никто не подошел ко мне. А вокруг меня творилось что-то кошмарное. Рядом на полу сидела шестнадцати-семнадцатилетняя девушка, у которой не хвата-

ло половины лица. Пулеметная очередь снесла ей половину подбородка, часть носа, одно ухо. Она вся была в крови. И была там еще одна девочка, лет тринадцати, левая рука которой была буквально прошита пулеметной очередью. И была там еще женщина, державшая на руках ребенка, тяжело раненного в голову. Меня потрясло то, что все они, кто только мог смотреть, смотрели на меня, все они, кто только мог говорить, участливо обращались ко мне: «Тлателолко?» — спрашивали они, имея в виду район, где происходила бойня. И я говорила — да. «Студентка?» Нет, говорила я. «Журналистка?» Да, отвечала я. И тогда они мне подмаргивали и поднимали вверх средний и указательный пальцы: «У» — «Победа!»

Вторник, 8 октября. Прошло семь дней со дня бойни в Тлателолко. Я пишу эти строки в гостинице «Мария Исабел», едва вернувшись из больницы. Я пишу их в кровати: спина еще сильно побаливает, хотя, слава богу, пуля не задела позвоночника.

Из больницы я захватила с собой присланные мне из Италии орхидеи, захватила, чтобы возложить их в честь погибших на площади Трех культур. Увы, это оказалось невозможным — площадь до сих пор занята войсками. Но за эти дни, которые я провела в больнице, я встретила множество людей, которые заставили меня пожалеть о прежнем выводе — люди не всегда хуже деревьев и безобидных рыб.

Среда, 9 октября. Или я все же не так уж не права? Сократес Кампос, один из арестованных руководителей студентов, выдал на допросе всех своих товарищей. Когда я брала у него интервью, он мне показался парнем честным и откровенным. В нем было даже нечто благородное, нечто символизирующее всю боль этого несчастного и смелого народа. И даже лицо его, грустное, сухое и чуть смуглое, которое усы делали несколько старше, напоминало лицо Эмильяно Сапаты. Речи его были страстными, губы, когда он выступал, дрожали, а глаза горели странным огнем. Тогда он сказал мне, что ему восемнадцать лет, хотя на самом деле ему двадцать четыре, и я подумала — хорошо бы, если у меня был такой сын. Быть может, его пытали? Все говорят, что это было не так, что он начал говорить сам, едва попав в полицейский участок. И думать об этом мучительно, мучительнее любой раны в спине...

Хотела бы я знать, что случилось с ребятами, с которыми я успела познакомиться. Например, с Миртой. Ей восемнадцать лет, хрупкая блондинка, студентка Политехнического института. Над площадью кружил вертолет, но к той минуте еще ничего не произошло. Мирта написала свою речь на листке, вырванном из тетради в клеточку. Когда она принялась читать свою речь, я встала у нее за плечами. Когда вертолет выпустил две ракеты, я чуть отошла от нее, чтобы получше рассмотреть все, что творилось на площади, а когда вернулась на прежнее место, ее уже не было. Ей удалось убежать? Ее схватили и бросили в тюрьму?

И потом я хочу узнать, что случилось с... я буду называть его Габриэлем. Хотя зовут его по-другому. Что-то стало с ним? Он тоже был рядом со мной, когда вертолет выпустил две ракеты.

Четверг, 10 октября. Он мне позвонил. Я крикнула ему: «Ты жив?» А он в ответ: «Еще больше, чем ты. И вообще я рядом. Сейчас буду».

Через четверть часа он постучал в дверь и вошел, держа в руках бутылку вина. «Я принес эту бутылку, чтобы мы выпили за свое счастье: ты жива, и я жив». Я не выдержала и впервые за все эти дни расплакалась. Да и он растрогался. Лицо его стало бледным-бледным, и он весь задрожал. Он сел на кровать у меня в ногах, схватил руками голову и принялся торопливо говорить, как все ужасно, слишком ужасно. Его имя было к тому же среди тех, что назвал Сократес. «Ты знаешь, меня ведь сейчас ищут». — «Ищут?» Он мотнул головой, слабо и кротко усмехнулся и вытащил из кармана газету «Диарио де ла Тарде». На первой полосе в правом верхнем углу стояло крупными буквами: «Разыскиваются два главаря». Одно из двух имен — его.

Я страшно рассердилась. Рисковать жизнью только для того, чтобы увидеть меня, чтобы принести мне бутылку вина. Я вскочила с постели, даже не почувствовав боли, быстро оделась, и заявила ему, что мы немедленно выходим из гостиницы.

Выйдя на улицу, мы тут же сели в такси и отправились по верному, по словам Габриэля, адресу. Там мы пробыли три часа, и там я взяла у Габриэля интервью — единственное интервью у одного из руководителей студентов после событий в Тлателолко. Я его еще перескажу. Мы договорились встретиться завтра вечером в кафетерии, где всегда полно народу.

Пятница, 11 октября. Шли медленно, все из-за моей проклятой раны в ноге. Улица блестела огнями. Неожиданно я спросила его о Мирте: «Почему ты не сказал мне, что она умерла?» (Сама я об этом узнала утром.) «Чтобы не расстраивать тебя лишний раз». — «Габриэль, что я могу для тебя сделать?» — «Угостить меня ужином», — ответил он, улыбнувшись. У него прекрасная улыбка, чуть ироничная и мягкая. Я никогда не забуду этой улыбки и всего этого безумного вечера. Мы зашли в какой-то ресторан, ели там и говорили так, будто находились совсем в другом городе. «Послушай, я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь еще, а в глубине души я думаю, что нам это не суждено, но ты мне должна пообещать, должна поклясться, что никогда не будешь ненавидеть людей, что ты никогда не будешь говорить — «лучше бы мне родиться среди деревьев или рыб». Потому что и я человек, и если ты не будешь верить людям, тогда все потеряет смысл. Понимаешь? Ты мне обещаешь?»

Я обещала, я поклялась и сама почувствовала от этого необъяснимую огромную радость.

Суббота, 12 октября. Сегодня я переписывала интервью, которое взяла у Габриэля. Вот оно.

— Скажи, что же случилось с Сократесом? Он предал вас или нет?

— Думаю, что этого пока никто не может сказать, кроме самого Сократеса. Пока мы не располагаем нужной информацией, чтобы обвинить его в предательстве. Он назвал полиции очень многие, слишком многие имена. Даже тех, кто не имел к нашему движению никакого отношения.

— Все, что произошло, должно быть, сильно расстроило тебя, вышибло из колеи?

— Конечно, что ж ты хочешь? Мой лучший друг, Хильберто, в тюрьме. Я знаю его с двенадцати лет. Для меня Хильберто, как и Рауль, брат. И оба сейчас в тюрьме. Сократес... Я не только доверял ему, я научился и любить его. А теперь такой удар.

— Послушай, сейчас многие говорят, что студентов использовали иностранные организации, финансирующие студенческое движение по всей Латинской Америке...

— Да, я знаю, что так говорят. Говорят, что мы, как марионетки, которых дергают за ниточки иностранные агенты... Но я могу тебе сказать, что мы никогда и ни от кого не получали денег, а тем более оружия.

— Последний вопрос самый трудный. Мне больно задавать его тебе, но я должна это сделать. Если Сократес выйдет из тюрьмы и даже если он не выйдет, что вы собираетесь с ним сделать?

— Сократеса передали сейчас в руки судебных органов наряду с Хильберто Гевара, Раулем Альваресом и другими. Это дает возможность предположить, что он получит такой же приговор, что и остальные. Для нас это будет доказательством того, что он не предатель, что в нем говорил только страх. Правда, его содержат в отдельной, хорошо охраняемой камере, да и обращение с ним лучше. Это говорит против него, но в то же время не делает его автоматически предателем. Предположим, что Сократес выйдет из тюрьмы раньше остальных, по амнистии, по особому решению. В таком случае... даже если его вывезут в другую страну... мы его найдем. Пусть не сразу, через два года, через пять, десять лет. Мы найдем его и устроим наш собственный суд. И если приговор будет — виновен... это страшно... это ужасно... я не хочу об этом говорить... даже думать не хочу... если приговор будет — виновен... мы, ну да, мы... Да, мы должны будем казнить его. Мы казним его. И хватит с этим. Пошли.

Перевел с итальянского И. ГОРЕЛОВ

НОТР-ДАМ-де-ПАРИ

Вечерами набережную Сены, прилегающую к собору Парижской богоматери, заполняют толпы народа. Они приезжают на остров Ситэ послушать вечернюю мессу и при искусственном освещении посмотреть на знаменитый собор. Каждый турист считает своим долгом посетить площадь перед собором, где в асфальт вделана медная пластинка. Эта точка — центр города. От нее ведется отсчет километров парижских магистралей. Здесь легко обойтись без гида. Любой парижанин охотно заменит его. Он тут же покажет угрюмый фасад госпиталя Отель-Дье, возраст которого исчисляется веками. Вам непременно сообщат, что префектура полиции стоит приблизительно там, где две тысячи лет назад был форум, в котором размещались римские легионеры, поддерживающие здесь порядок. Дворец Юстиции, бывший когда-то дворцом королей, оказывается, стоит на развалинах еще более древнего дворца. В нем Юлий Цезарь устанавливал законы империи для города — острова Лютеции.

Если смотреть на Ситэ сверху, то своими очертаниями он напоминает корабль. Слева, ближе к корме, стоит на вахте Нотр-Дам-де-Пари. «Это огромная каменная симфония, — писал Виктор Гюго, — колоссальное творение и человека и народа; единое и сложное, подобное «Илиаде» и «Романсеро», которым оно родственно; чудесный результат соединения всех сил целой эпохи, где из каждого камня брызжет принимающая сотни форм фантазия рабочего, дисциплинированная гением художника; одним словом, это творение рук человеческих, могучее и изобильное, подобное творению бога, у которого оно как будто заимствовало двойственный его характер: разнообразие и вечность».

Прекрасен и великолепен остров Ситэ вечером. Его старые здания, каштаны на тротуарах, набережные, спокойная Сена, далекое зарево Больших Бульваров и Елисейских полей, неожиданная встреча с шарманкой на углу улицы и величественная месса, транслирующаяся по радио из Нотр-Дам-де-Пари, — все это незабываемо.

АЛЬБАТРОСЫ

«Огромные массы снега на показавшейся земле позволяли думать, что она велика. Я решил приступить к обследованию северного берега. Мы устремились к острову Уиллиса на всех парусах при попутном ветре. Продвигаясь на север, мы разглядели, что к востоку от этого острова, между ним и большой землей, имеется еще один остров... Остров Уиллиса — это высокая скала небольших размеров. Второй же остров, получивший название острова Птиц благодаря несметному их количеству, не так высок, но площадь его больше, и он расположен близко к северо-восточной оконечности Большой земли».

Такую запись оставил в своем судовом журнале, датировав ее 16 января 1775 года, капитан Джеймс Кук.

Среди множества пернатых на этих островах селятся четыре вида альбатросов. Наиболее многочисленны чернобровые дымчатые альбатросы. Но самым большим представителем этого семейства по праву считается обыкновенный альбатрос. Свое единственное яйцо весом в 400 граммов самка откладывает в декабре. Высиживают его оба родителя в течение 78—79 дней. Обыкновенный альбатрос предпочитает для своего гнезда открытые участки антарктических лугов. Они служат для них удобными «взлетными площадками». В безветренную погоду этим большим птицам нужен хороший разбег, чтобы взлететь.

В то время когда оперившиеся дымчатые и чернобровые альбатросы покидают остров, птенец обыкновенного альбатроса все еще покрыт младенческим пушком. Он остается в гнезде около 300 дней. Правда, младенец довольно быстро становится настолько самостоятельным, что может прекрасно постоять за себя. Молодые альбатросы, как и многие близкие родственники в семействе буревестников, защищаются, изрыгая на противника содержание своих желудков. Птенец альбатроса может выплюнуть до килограмма маслянистой, сильно пахнущей рыбой пасты.

Проходит год, и повзрослевший альбатрос оставляет дом родителей. Эту птицу всегда считали великим путешественником южных морей. Насколько велика ее способность находить путь к местам на противоположной стороне земли, можно судить хотя бы по тому, что обыкновенного альбатроса встречают у Сиднея. Чтобы покрыть расстояние от Южной Георгии до Австралии, этой птице нужно совершить перелет длиною от 6 до 9 тысяч миль.

КУКУКУКУ

— Я бы посоветовал вам не очень доверять им, — косясь на папуаса, чистившего карабин, проворчал Кох.

Человек, к которому относились эти слова, засмеялся.

— Вы очень доверчивы, Сансторф, — продолжал Кох. — Если хотите, я прочту вам небольшую лекцию. Хелмут Баун упал с перебитыми позвонками у основания черепа через несколько секунд после того, как он показал полдюжины стальных топоров. Братья Лихи в тридцать первом году были окружены в своем лагере племенем кукукуку...

— Чепуха, — перебил его Сансторф. — Когда такой человек, как вы, охраняет мою жизнь — я спокоен.

Джон Сансторф четвертый месяц жил в джунглях Новой Гвинеи. Еще на побережье американец нанял Коха для путешествия в глубь острова. В округе Восточного нагорья он собирался снимать документальный фильм под названием «Туземцы каменного века».

Уже была отснята тысяча метров пленки. Казалось, ни одна мелочь не ускользнула от объектива камеры.

— Хотел бы я знать, скоро ли начнется этот синг-синг? — спросил Кох, пряча автоматический пистолет, как только папуас, чистивший карабин, поставил его на место.

— Спросите у Таи, — ответил Сансторф. — На этом празднике он собирается купить в жены дочь вождя соседней деревни.

Он подозвал папуаса и торжественно вручил ему перламутровую раковину. Коху не раз доводилось обманывать туземцев. Но янки явно перещеголял его. Таи был слугой, переводчиком, консультантом, гидом и даже актером. Поступок Сансторфа вызвал у Коха острейший приступ зависти. Когда счастливый Таи ушел, он сказал:

— Эта раковина эквивалентна семи неделям работы. Туземец проработал у вас в три раза больше.

— С вами я такой шутки не выкину, — огрызнулся американец.

Гости начали прибывать с первыми лучами солнца. Сотни людей приходили из отдаленных деревень, часто находящихся на расстоянии шестидневного перехода. Наконец появился и вождь Майма. Его окружала свита из ста человек, разукрашенных необычайно яркими перьями. Внимание Сансторфа привлекли барабаны, обтянутые кожей питона. Он долго щупал их, и его лицо все больше и больше мрачнело.

В первый день праздника Сансторф снимал сватовство Таи. Молодой папуас положил перед Маймой семь перламутровых раковин. Он заработал их за два года у белых. Вождь даже не взглянул на них. Таи повысил цену. Он прибавил большую свинью, топор, нож для джунглей и длинную связку раковин каури. Майма посмотрел на жениха более благосклонно. Тогда Таи снял с шеи ожерелье из свиных хвостиков. Майма потребовал восьмую раковину. Таи предложил копье. Майма взял его, но продолжал настаивать на восьмой раковине. Сделка не состоялась.

— Эй, парень! — крикнул Сансторф. — Тебе нужна раковина?

Таи доверчиво улыбнулся.

— Я дам ее тебе, но ты должен пойти в лес убить большую змею.

— В праздник никто не пойдет со мной, — неуверенно проговорил Таи.

— С тобой пойду я.

Они ушли рано утром. Сансторф не разбудил Коха. Прошло два дня, но их все еще не было. Синг-синг был в самом разгаре. Никто не заметил отсутствия американца и Таи. Под вечер, когда танцы сменились всеобщим пиром, Сансторф появился около палаток. Он был несколько возбужден, хотя старался скрыть это.

— Где же Таи? — спросил Кох, чувствуя что-то неладное.

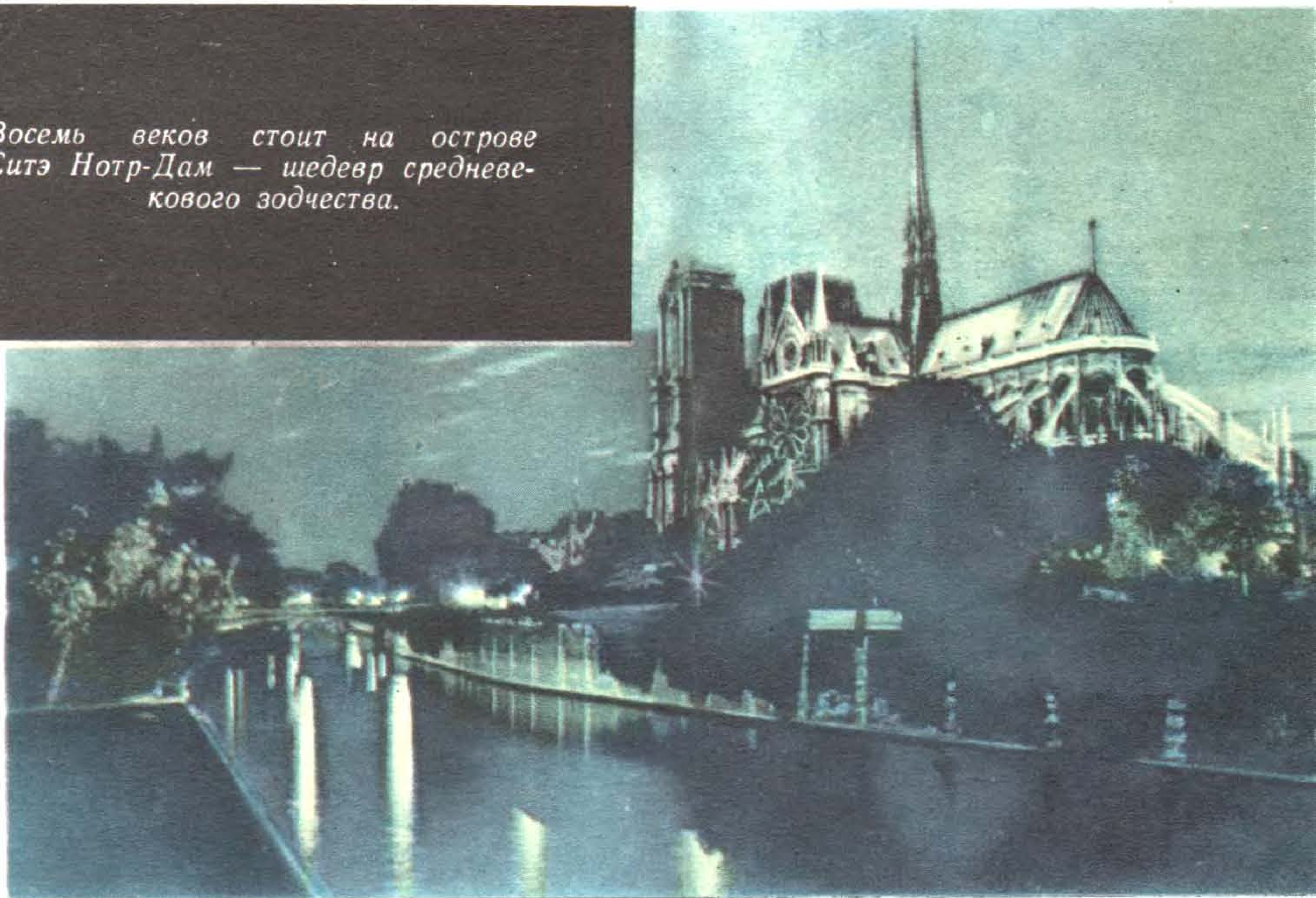
— Ему не повезло, — ответил Сансторф, пристально глядя на Коха.

— Собирайте вещи. Мы уходим сейчас же.

Когда они выходили из палатки, Сансторф что-то выбросил из кармана. Шедший следом Кох услышал хруст под своей подошвой. По звуку он догадался, что это была перламутровая раковина.

Альбатроса моряки называют капской овцой. Это самая крупная морская птица. Размах ее крыльев достигает более четырех метров.

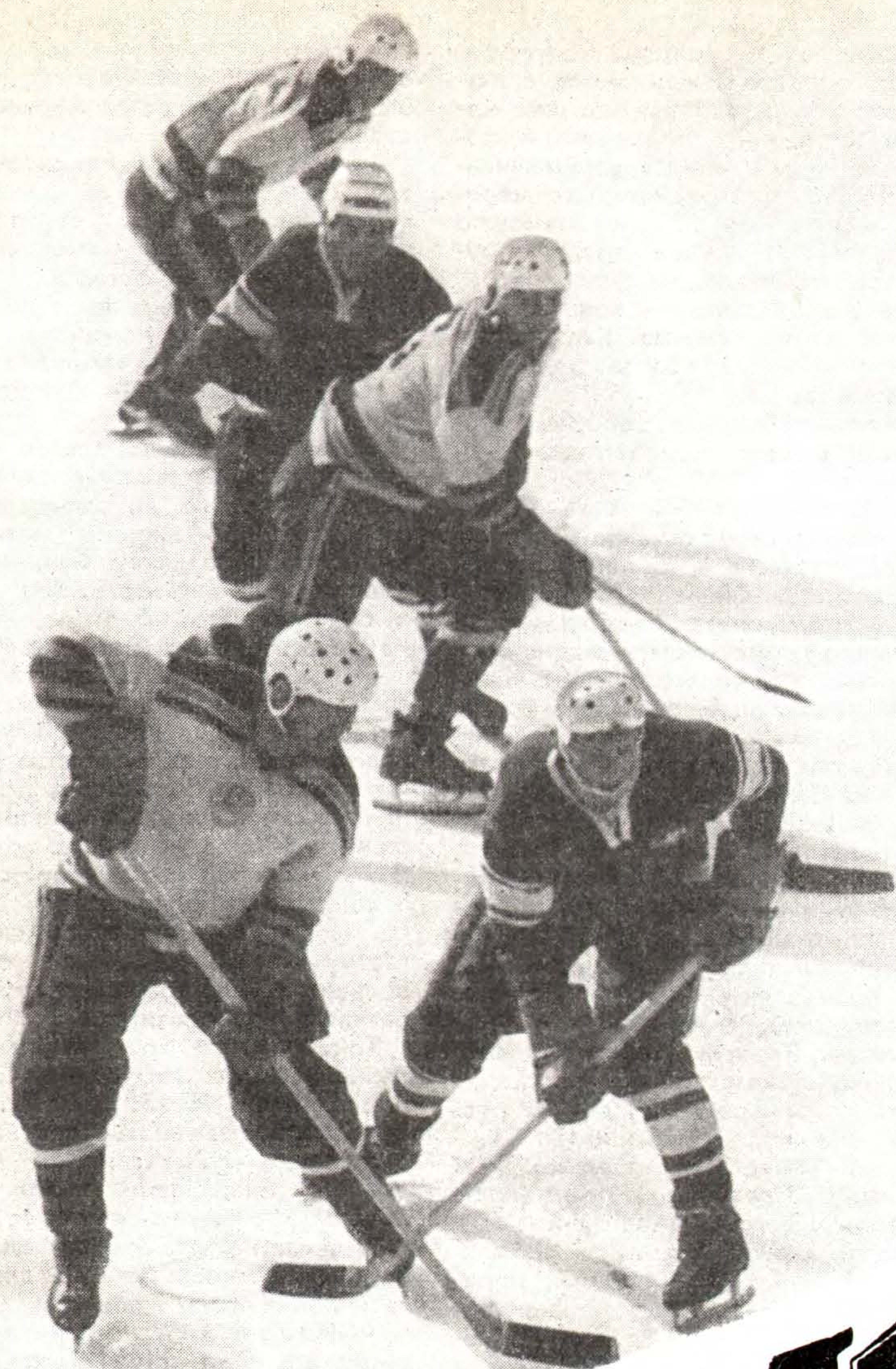
Восемь веков стоит на острове Ситэ Нотр-Дам — шедевр средневекового зодчества.

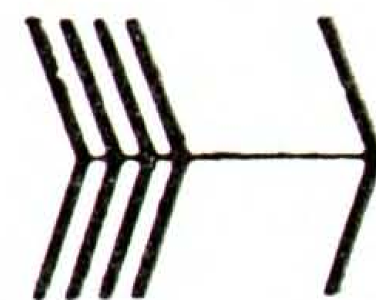
Помощник вождя с гордостью носит головной убор из перьев райских птиц. Зеленые жуки, вставленные между сплетенных веток, и раковины каури, пришитые к повязке на голове, украшают его корону, как драгоценности. Ожерелье из свиных хвостиков, раковина на лбу и куски перламутра на шее, подбородке и носу заканчивают ансамбль.

И СНОВА СКРЕСТИЛИСЬ ШПАГИ... КРЕПНУТЬ МУЖЕСТВУ И МАСТЕРСТВУ ХОККЕИСТОВ В ЖЕСТОКИХ СХВАТКАХ ЧЕМПИОНАТА МИРА И ЕВРОПЫ. ХОККЕЙ РАЗВИВАЕТСЯ ТАК СТРЕМИТЕЛЬНО И НЕУДЕРЖИМО, ТАК БЫСТРО МЕНЯЮТСЯ ДЛЯ КАЖДОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СБОРНОЙ ТЕ КОМПОНЕНТЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СУММА КОТОРЫХ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К УСПЕХУ, ЧТО СЕЙЧАС ДАЖЕ СПЕЦИАЛИСТЫ РЕДКО РЕШАЮТСЯ ВО ВСЕУСЛЫШАНЬЕ ДЕЛАТЬ ПРОГНОЗЫ. ПРОГНОЗОВ НЕ БУДЕТ... БУДЕТ РАЗГОВОР О ХОККЕЕ, О СВОИХ ТОВАРИЩАХ И О СЕБЕ, КОТОРЫЙ ПОВЕДУТ ИЗВЕСТНЫЕ СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ — МАСТЕРА РАЗЯЩЕЙ КЛЮШКИ: АНАТОЛИЙ ФИРСОВ, ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВ, А ТАКЖЕ МОЛОДОЙ ИХ КОЛЛЕГА ЕВГЕНИЙ ЗИМИН.

КООРДИНАТЫ

АНАТОЛИЙ ФИРСОВ: «Я все воспринимаю через спорт...»

Март. Открытый каток. Фирсов сидит на борту, нахохлившись, как озябший воробей на припеке.

— Люблю погреться на солнышке...

За последние годы он вроде бы и не изменился. Только черты лица стали жестче. Когда-то называли его «способным», потом — «талантливым», и вот он стал «звездой экстра-класса», как пишут за границей, или «обыкновенным чудом», как говорят у нас. А сам-то он все тот же, прежний, большеносый смуглый паренек, скромный, немногословный. И не подумаешь, что это тот самый, знаменитый...

После олимпиады в Инсбруке тренер сборной Анатолий Тарасов рассказывал мне о том, что отличает Фирсова от других: «Виртуоз, универсал, не умеет капризничать, не может сказать, что ему больно...» А сейчас, пожалуй, никто не может дать исчерпывающего ответа на вопрос: что же за явление такое в хоккее — Фирсов? А сам он

никогда не задумывался над этим. Потому что для Фирсова совершенство в игре — норма. Вот ошибки он запоминает надолго, потому что ошибки — это неестественно... Когда-то тренеры упрекали Фирсова в том, что он, не желая «выделяться», часто играет в пас, вместо того чтобы бросать по воротам самому. На олимпиаде в Гренобле Фирсов исправился: стал лучшим бомбардиром турнира.

Года четыре назад товарищи по команде подарили дочке Фирсова Иринке игрушку: тукан и туканчик. Большая черная птица с огромным красным носом и красными лапками. И маленький туканчик, у которого нос очень похож на родительский...

— Почему? — спросил я тогда.

— Толин нос при всем желании носиком не назовешь. А мы, хоккеисты, — редкие гости дома. Пусть тукан напоминает Иринке об отце...

А сейчас он сидит на борту хоккейного поля и рассказывает о своей дочке, о том, что летом она будет помогать ему выращивать цветы. Из всех мест, где он бывает, Фирсов привозит семена цветов.

Но даже когда он говорит о цветах — а ему, чувствуется, приятно говорить о цветах, — меня не покидает ощущение, что параллельно с этим разговором в нем происходит что-то, что связано все с тем же, с хоккеем:

— Я все воспринимаю через спорт...

...Выходят из раздевалки хоккеисты, неуклюжие, медленные в громоздких своих доспехах. Фирсов и в этом снаряжении не выглядит богатырем (рост — 178 сантиметров, вес — 75 килограммов). Но вот коньки уже на льду, и все меняется. Лед дарит Фирсову скорость, легкость, вдохновение, и вот уже черным выстрелом шайбы Фирсов зажигает красный огонь за воротами противника.

Птицы безошибочно определяют время и направление полета. У Фирсова тоже есть, очевидно, какое-то внутреннее чутье. Он, мгновенно ориентируясь, решает, что нужно делать там, в вихре атаки на ледяной площадке.

Я слушаю, что говорит Фирсов об атаке...

У атаки есть свои координаты. Своя широта и долгота. Подлинная атака неудержима, но в ней есть свой подтекст, который не терпит лобового решения. Атака не приемлет нерешительности, кокетливой усложненности, но в то же время в ней прямая — далеко не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками. Хоккей становится интеллектуальным — об этом писали тысячи раз. Но как бы ни были капризны хоккейные комбинации, стержневым лозунгом атаки никогда не будет: «Назад!»

— Вы хорошо представляете себе ткацкий челнок? Непрестанное движение вперед-назад. Эту операцию «челнок» в нашей сборной мы разработали, чтобы изматывать противника скоростными, постоянными «приливами» и «отливами». Наш «челнок» — бурные натиски на ворота соперника, быстрые отходы назад для розыгрыша шайбы. Назад — только на секунду, чтобы рвануться вперед!..

Фирсов может играть в любой тройке. Он один из тех редких спортсменов, которые легко сыгрываются с любыми партнерами, умеют мгновенно настроиться на «волну партнера». А почему у него мгновенно устанавливаются контакты игровые и просто человеческие — это, наверное, невозможно объяснить, как и всякое другое проявление талантливости...

Как все это началось — коньки, хоккей, — он помнит смутно. Ему кажется, что хоккей был всегда рядом с ним и в нем самом.

— Планку любую из забора выдерешь кусок фанеры приколотишь — и пошел...

Отец его погиб в 41-м, мать, истопница в детском саду, осталась с тремя детьми на руках... И в 15 лет Анатолий пошел работать. Сначала подсобным рабочим, потом слесарем-сборщиком... Рядом с его домом был стадион, и все местные спортивные звезды были рядом, со всеми он был знаком. В пятнадцать лет он играл за «Спартак» в русский хоккей, а в шестнадцать увлекся «шайбой». Через год стал выступать за ЦСКА. И вот дорога до вершин спортивной славы.

— Самое тяжелое переживание последней олимпиады в Гренобле — конечно, наш проигрыш чехам. У них была тогда отличная, ровная команда... Почему проиграли? Не пошла игра... Нервничали... Нет, я никогда не кричу на партнеров. Криком не поможешь — только спокойствием...

Врач команды Алексей Васильев рассказывал мне после олимпиады:

— Анатолий недавно зашел ко мне: что-то болит. Сделали рентген: костный мозоль! Значит, Анатолий весь олимпийский турнир играл со сломанным ребром... Как врач, я был поражен: как с такой травмой можно играть? Но как человек, хорошо знающий Фирсова, не удивился.

И снова я слушаю Фирсова:

— Я на все смотрю через спорт. Например, симпатизирую артистам, испытываю по отношению к ним какое-то родственное чувство. Ведь мы все стараемся доставить эстетическое удовольствие зрителю. И если это удалось, тогда и сам ощущаешь настоящую радость. Любимая пьеса — «Мой бедный Марат» Арбузова. В ней говорится о самых больших человеческих ценностях, о том, что остается главным на все времена: о любви, дружбе, честности, об умении быть всегда самим собой... Наверное, это важно и в хоккее — дружба, честность. А также темперамент, и смелость, и выдержка...

ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВ: «Интуиция! Пожалуй...»

Когда ему было четырнадцать, его включили в сборную Москвы. Отец сказал: «Я запрещаю тебе играть в хоккей!» Он ответил: «Скорей я поменяю фамилию, чем брошу спорт...»

Фамилию менять не пришлось. Через год Вениамин Александров впервые сыграл за вторую сборную СССР, а когда ему исполнилось 20 лет, он был включен в состав первой команды страны.

В 1958 году руководители канадского клуба «Торонто» (высшая профессиональная лига) тщетно предлагали Александрову заключить контракт. В оценке мастерства молодого форварда канадцы не ошиблись. Две золотые медали чемпиона Олимпийских игр, шесть — чемпиона мира, девять — Европы — подтверждение тому.

Одна из наших встреч состоялась при обстоятельствах не совсем обычных и довольно грустных: в больничной палате. В жарком матче Вениамин сломал лодыжку. Однако был спокоен и чуть насмешлив по отношению к себе: «Никто не знает, что такое не везет и как с ним бороться...»

— Да, ветеран... Да, уже собирался заканчивать, но очень уж хорошие ребята со мной заиграли. Значит, и мне надо еще поиграть. Чтобы передать им опыт. Чтобы в них, молодых, снова появились на ледяной площадке Константин Локтев и Александр Альметов. Я не о буквальном повторении говорю. В хоккее это безнадежно и даже вредно. Новое и обязательно свое — вот что движет хоккей. Но то, что сделано большими мастерами, должно, преобразившись, воплотиться в молодых...

Конечно, это трудно. Была великолепная тройка: Локтев — Альметов — Александров. И вот двое ушли. Каким будет возрожденное трио? Ведь и игра ветерана — Александрова — теперь должна приобрести новое качество, потому что звено не арифметическая сумма слагаемых. Это три индивидуальности, взаимно влияющие друг на друга и создающие единый ансамбль.

— Именно в разнохарактерности, индивидуальности почерка хоккеистов — главное условие успеха. Все должны быть разными. Молодые порой стараются копировать. Не надо. Перенимай лучшее, но ищи свое, то, что можешь сделать только ты... И тогда получается единое целое. Нет, никогда не стоит торжествовать: «Это я забил!»

Душа хоккея, душа хоккеиста... Пересохшие губы, потемневшая от пота форма и после крутого виража радостно-напряженные лица сквозь радугу ледяных брызг... Клацанье клюшек, словно защелкиваются контакты сложной электрической цепи...

— На старом останавливаться нельзя. Раньше, например, обводили широко, подальше от защитника, сейчас как можно ближе к нему, в острой борьбе. Обыграешь защитника на квадратном метре — это все равно что лишний игрок вышел...

— Ты видел, как Вениамин идет с шайбой? — говорил мне Виктор Зингер, вратарь «Спартака». — Красавец!

Вполне с ним согласен. У меня в памяти множество эпизодов, когда Александров был на площадке подлинным виртуозом. Его сольные проходы, скрытые пасы, неуследимые броски воспринимались как вершины исполнительского мастерства.

...Сзади стремительно выкатывается по краю Борис Михайлов. Александров впереди. Он не оборачивается, он физически не может увидеть партнера, и, однако, шайба, отданная им, точно

попадает на клюшку рвущемуся на огромной скорости вперед хоккеисту. Как это произошло?

— Я знаю Михайлова, угадываю, что он будет делать. В последний момент вижу: Борис пошел. Наклоняю голову, чтобы и защитники и вратарь думали, что я ничего не вижу. Чувствую: пора! Не глядя отдаю пас и слышу: шайба попала на крюк!

Как-то у себя дома Александров показал мне чудо-зверя — фантастическую фигурку из корня дерева, подаренную ему одним из друзей.

— Сделать ее ничего не стоит, — говорит он. — Надо только увидеть...

Всего лишь увидеть... Увидеть в куске дерева скрытую форму. Увидеть в первом движении партнера на поле развитие атаки. Интуиция?

— Да, конечно, что-то получается интуитивно. Но основа импровизации — понимание и себя и партнеров. После матча словно скрытая кинокамера в тебе включается. Анализируешь детали, моменты, впечатления. Как-то композитор Френкель нам рассказывал: «Мучаешься несколько месяцев, а потом вдруг сразу осеняет: вот она, мелодия!» И в хоккее, чтобы «осенило», надо годы отдать. Такие тяжелые тренировки...

Я слушаю Александрова и вспоминаю рассказ его товарищей. В 1962 году на чемпионате мира в Швеции шайба попала ему в глаз. Надо было срочно зашить рассечение. Он сказал врачу: «Зашивай, не бойся». Врач зашил. Александров посмотрел в зеркало: «Неровно. Еще два стежка сделай».

Мужество, а не вспыльчивость, темперамент, а не истерика — вот характер этого мастера.

— Мне в прошлом году не повезло. Впервые очутился за бортом. Плечо подвело. За бортом и ты ничем не можешь помочь товарищам. Ужасное чувство... Ну конечно, живешь игрой, подсказываешь ребятам, кто-то здорово сыграл — расцелуешь его! Но все это не то... А каково тренеру — он-то всегда за бортом! Нет, тренерская работа очень тяжелая... Стану ли я когда-нибудь тренером? Может быть...

Может быть, уеду в маленький городок. Чтобы белый снег и леса сосновые. Буду заниматься с мальчишками, учить их любить хоккей. Основа большого хоккея — детский спорт. Нужно умно и талантливо рекламировать детские соревнования, помогать их организовывать потому, что это очень привлекает ребятишек. И растить юные таланты. Я против того, чтобы команды мастеров искали звезд в других коллективах. Чужого надо еще три-четыре года перевоспитывать. А когда ребята из своей школы приходят, они сразу вписываются в ансамбль. И 20-летний хоккеист должен быть мастером, а не «подающим надежды». И нечего спасаться, что, мол, рано начнет — рано бросит, надоест. Настоящий спорт не надоест. И не обязательно очень здоровых, ловких брать в детские школы. А вдруг ошибешься и обидишь мальчишку? Он маленький, щуплый, но с характером бойца!

ЕВГЕНИЙ ЗИМИН: «Играть в радостный хоккей!»

И вот тот самый, который уже мастер, а не «подающий надежды». Евгению Зимину — 21 год. Новое хоккейное поколение... Как понимает он хоккей? Чему научился, что любит?

— Импровизацию очень люблю... Когда, кажется, все получается само собой, и в то же время чувствуешь: это ты контролируешь игру!

Хоккей — это красота. Мы вышли на лед, и от нас зависит, увидят ли эту красоту зрители, или мы скомкаем игру и не покажем настоящего хоккея, в котором есть движение мысли и вспышки импровизаций, и яркие цвета, и скорость, и творчество, и радость, которую ты из-за всего этого испытываешь. Правда, надо ухитриться найти золотую середину в сочетании импровизированных, мгновенных комбинаций и отработанных на тренировке. Этим качеством в полной мере обладают только большие, мудрые мастера. Но если спортсмену вообще не дано импровизировать, значит он не станет даже средним хоккеистом.

Когда мы встречаемся с ЦСКА, мне часто поручают «держать» Фирсова. Я перед игрой говорю ему прямо: «Толя, я тебя сегодня держу». А это и мне и ему противно. И он отвечает: «Зачем держать? Надо играть в хоккей!» Я знаю, что именно Фирсов имеет в виду: надо играть в красивый импровизационный хоккей.

Конечно же, хоккей — это тренировки, тактические схемы, физическая подготовка. Но ведь хоккей еще и радость. Если спорт без удовольствия, значит это уже что-то другое, а не спорт. Если игрок не рад увидеть своего тренера, значит между ними неправильные, ненормальные взаимоотношения. Если утром я видел Боброва, у меня целый день было хорошее настроение...

Как начинается хоккей? Не знаю, на коньки встал в семь лет. Спорт вообще люблю — и пинг-понг, и теннис, и футболом увлекался. Сейчас во дворе ребята говорят: «Надо же, Женька-то знаменитым стал...» А мне неловко это слышать. В хоккее есть Майоров и Старшинов, Фирсов и Александров, и нам, молодым, надо еще работать и работать, чтобы приблизиться к уровню их мастерства. Наши старшие товарищи не любят «считаться славою». А уж нам меньше всего надо учитывать, кто больше отличился. Спорт — работа, а не упоение славой. Я не верю, что славолюб и пустышка может стать настоящим спортсменом. Спорт умнее, красивее, артистичнее не сам по себе, а благодаря человеку. И быть этому человеку многогранным!

Интервью вел Андрей БАТАШЕВ

„ХЕРТА" ПОД СУДОМ

Прокуратура Западного Берлина возбудила уголовное дело против известного футбольного клуба «Херта БСК» за «злостную и постоянную неуплату налогов...». В пиковое положение западноберлинский спортивный клуб попал из-за провокационной политики футбольной федерации ФРГ, которая, стремясь доказать, что Западный Берлин во всем является частью Федеративной республики, включила «Херту» в западногерманскую лигу футбола. Играя на территории ФРГ, «Херта» потерпела ряд сокрушительных поражений и не смогла ничего заработать. И вот печальный финал. Председатель правления клуба заявил: «Даже если мы продадим футболки и трусы футболистов, мы не сможем расплатиться с налоговым ведомством».

КРОВАВЫЙ СПОРТ СЕСТЕР ХРИСТОВЫХ

Западногерманский журнал «Штерн» опубликовал фотографию: на стрельбище четыре женщины в монашеских одеяниях тщательно прицеливаются по мишеням. Еще одна монахиня с помощью инструктора перезаряжает винтовку. Подпись: «В Соединенных Штатах Америки монахини стреляют метко». Далее рассказывается, что в американском штате Висконсин поголовно все монахини увлекаются стрелковым видом спорта и регулярно посещают тир. Оказывается, из христианской моральной установки «не убий» нетрудно сделать исключение: монахини учатся стрелять для того, чтобы... «с первого раза попасть в черного»,— так они объясняют сами. Уподобляясь обыкновенным фашистам, расистки в рясах берутся за винтовки отнюдь не в спортивных целях...

И. СТРЕЛКОВА

РАССКАЗ

В период разгула реакции и после поражения революции 1905—1907 годов прозвучал могучий и уверенный голос вождя партии и революционного рабочего класса В. И. Ленина: «Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе» (В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 424).

В. И. Ленин всегда подчеркивал руководящую роль пролетариата в революции и бичевал всякие разглагольствования о «революционности» буржуазии. «...Мы все, марксисты, знаем из теории и наблюдаем ежедневно и ежечасно на примере наших либералов, земцев и освобожденцев, что буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо. Буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону котрреволюции, на сторону самодержавия, против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы... Остается «народ», то есть пролетариат и крестьянство, пролетариат один способен идти надежно до конца, ибо он идет гораздо дальше демократического переворота...» (В. И. Ленин, Избранные произведения, т. 1, М., 1968, стр. 493—494).

История подтверждала и подтверждает, что в силу своей принадлежности к классу эксплуататоров, в силу своей воинствующей частнособственнической психологии буржуазия на всех этапах революционной борьбы предавала интересы пролетариата и беднейшего крестьянства.

Рассказ И. Стрелковой «Забытый разговор» — о ничтожестве либеральствующего мещанства, которое всегда презирала семья Ульяновых и против которого постоянно боролся Владимир Ильич. В то же время произведение Стрелковой — о правоте ленинского предвидения, основанной на уверенности в исторической миссии рабочего класса и его революционной партии.

Дамы остались в гостиной, а мужчины удалились в кабинет хозяина, оклеенный коричневыми, с золотом обоями и уставленный массивной мебелью, которая по моде тогдашнего времени была обильно украшена резьбой, — и дверцы письменного огромного стола, и высокие спинки обитых кожей кресел, и высокие тумбы по обеим сторонам просторного кожаного дивана. В простенке между окнами стоял монументальный книжный шкаф, сквозь зеркальное стекло видны были плотные ряды кожаных корешков. Окна по случаю пронзительно-ветреной погоды были плотно задернуты коричневыми плюшевыми гардинами, шитыми по краям золотым шнуром и задрапированными сверху ламбрекеном, собранным в затейливые складки.

Это был кабинет человека, если и не очень богатого, то вполне обеспеченного, живущего плодами умственного труда — не уединенного, а скорее публичного, нуждающегося в соответствующем декоруме: кабинет врача с хорошей практикой или достаточно известного адвоката. Хозяин, кажется, и в самом деле был врачом. Нет, простите... Он был адвокатом. Да, да! Это совершенно точно. Именно он недавно выиграл тот самый нашумевший и довольно запутанный процесс одного хлеботорговца против пароходной компании, которой на Волге принадлежало изрядное число пароходов и хлебных барж.

Что же касается врача с хорошей практикой, то таковым был один из гостей, давний друг хозяина, краснощекий здоровяк, любимец дам и ребятишек. Но о нем после. Сначала о хозяине. Ему за сорок. Он несколько грузноват, как и положено быть к этому возрасту преуспевающему российскому интеллигенту, чуточку полысел со лба, носит бороду клинышком и усы.

Доктор — ровесник хозяина дома и не уступает ему в комплекции. Лыс он, увы, уже полностью, зато пышет отменным здоровьем. Между прочим, доктор холост. Женатые доктора как-то не попадают в общие любимцы.

Остальные гости — люди примерно тех же лет. Чуть постарше, чуть помоложе. Один в мундире министерства путей сообщения, другой в мундире министерства просвещения. Остальные в сюртуках — просторных и солидных, в крахмальных острых воротничках, подпирающих щеки, уже заметно набрякшие.

Друзья хозяина, которые сидели, слегка расслабившись после вкусного обеда, в уютном и солидном коричнево-золотом кабинете, были когда-то товарищами по детским играм, примерно в одно время обучались в Симбирской гимназии, потом посещали лекции в Петербурге, Москве, Казани и один за другим вернулись в родной город. С тех пор каждый из них успел кое-чего достичь на избранном поприще. Конечно, не все. Но те, кто достиг меньшего, как-то реже попадались на глаза друзьям детства. Впрочем, этим же отличались и те, кто достиг большего.

Об одном из них и зашел разговор, когда каждый из вошедших в кабинет нашел себе место по вкусу и по давней привычке вытащил свой портсигар или свою табачницу и не спеша закурил.

Хозяин дома, ездивший недавно в Петербург по тому известному делу с пароходной компанией, рассказал, какую роль играет теперь в одном из министерств их общий друг юности, который принял гостя из провинциального Симбирска вполне дружески, хотя и несколько покровительственно.

Адвокат рассказывал об ужине с высоким сановником в Петербурге, у Донона, не без добродушной иронии. Ему, как либералу, не пристало хвастать этой встречей, но он признавал — было очень и очень интересно послушать, что же думают о положении России в новом, 1911 году там, в «сферах».

— Я его пытался убедить, — рассказывал хозяин, — что России нужны реформы. Я ему пытался внушить, что наше многострадальное отечество уже было на правильном пути. Помните, в пятом году... Мы получили те свободы, о которых мечтали. Россия становилась на путь демократии. Но потом все изменилось.

— И что же ответил наш общий друг на такие речи? — поинтересовался доктор.

Хозяин пожал плечами.

— Увы. Семейная традиция. Он такой же ретроград, какими были и отец его и дед. Я ему говорю, что Россия голодает. Гибнет от темноты и невежества! А он мне в ответ, что все мужики лодыри и их надо нещадно, понимаете, нещадно сечь!

— Да-с, — протянул доктор. — Милые люди нынче правят Россией.

— Послушайте, а ведь господин, о котором идет речь, в сущности, зауряднейший человек. Серая посредственность, — задумчиво произнес гость в мундире ведомства просвещения.

— Скажите лучше, что он всегда был просто тупицей, — подхватил доктор.

— Узнаю голос зависти! — со смешком отозвался длинноногий господин, полулежавший в глубоком кресле. У него была великолепная надвое расчесанная борода, устилавшая крахмальную грудь и казавшаяся тоже чуть-чуть накрахмаленной — так ровно и так жестко покоилась она в вырезе сюртука.

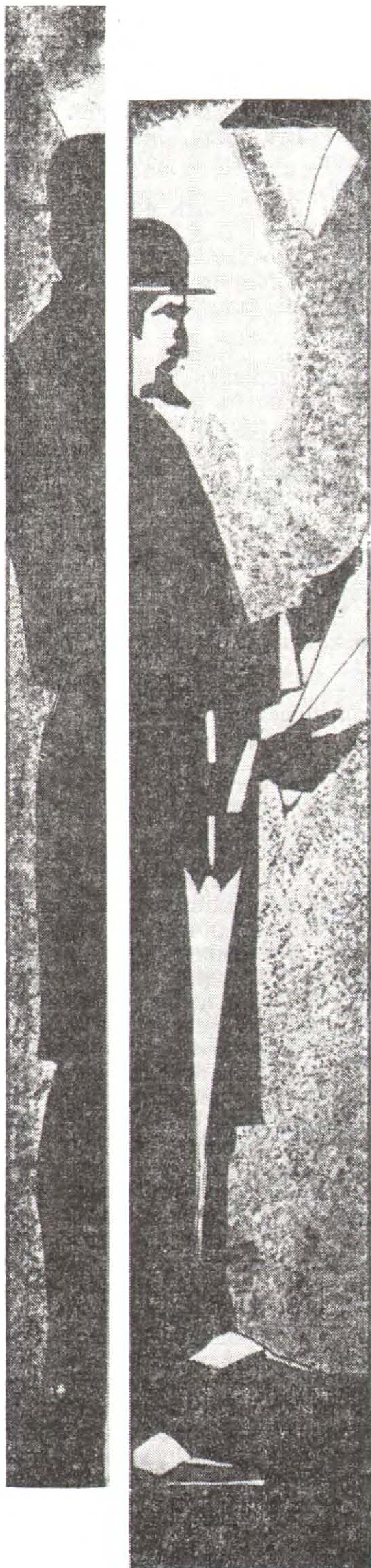
Адвокат не мог допустить несправедливости.

— Наш доктор судит о челове-

ЗАБЫТЫЙ РАЗГОВОР

Рисунки С. СОРОХТИНА

ке, которого знал в юности только по его успехам, а вернее, неуспехам в гимназических науках, — снисходительно пояснил он. — Между тем известно немало примеров, когда человек, слывший бесталанным в юные годы, даже подвергавшийся насмешкам сверстников, в зрелом возрасте становился выдающимся деятелем, гордостью современников. Я могу развить эту мысль, назвав имена...

— Не называй, — проворчал доктор. — Я и так знаю, что ты все на свете можешь развить, лишь бы потешить господ присяжных заседателей.

Хозяин дома с улыбкой пожал плечами. Жест обозначал, что доктор несносен, но с этим надо мириться.

— А я совершенно с вами согласен! — поддержал хозяина обладатель крахмальной двоящейся бороды.

При этом доктор молвил негромко для тех, кто был поближе:

— На воре шапка горит.

Соседи доктора обменялись улыбками взаимного понимания: все помнили, что этот господин в гимназические годы учился весьма прескверно.

Доктор откинулся назад и начал с детской увлеченностью пускать дым колечками.

Меж тем общий разговор от однокашника, сделавшего, что ни говори, блистательную карьеру в Петербурге, перешел на других друзей детства и юности. Вспомнили, что один из них недавно получил кафедру в университете — в провинциальном, увы. Но, как тут же отметил господин с двоящейся бородой, это означало чин статского советника и все прочие приятные «прилагательные». Ведь к статскому обращаются, как к генералу: «Ваше превосходительство».

Другой сверстник, который после окончания гимназии пошел по военной линии, недавно получил в командование полк, стоявший в одной из южных губерний. Третий превосходно управлял собственным имением, вложив в него деньги, принесенные женой в приданое, и возродив чуть ли не из пепла разоренное дедом и отцом старинное родовое гнездо.

— Если бы все помещики так разумно вели хозяйство, можно было бы быть спокойным за Россию, — высказался по этому поводу адвокат.

Четвертый... Он учительствует в гимназии и славится придирчивостью.

— Господа! — зашевелилась в кресле великолепная борода. — А где же наш первый ученик? Где гордость гимназии, Ульянов?

Хозяин дома, пытаясь припомнить, возвел глаза к потолку.

— Нет, что-то давненько не слышал я о нем.

— Помнится, рассказывали, что после окончания гимназии он был замешан в студенческих беспорядках в Казани, — подал голос молчавший до сих пор гость в мундире министерства путей сообщения. В Симбирске путеец был проездом по каким-то делам о наследстве, а жил теперь постоянно в Туркестане, где наблюдал за строительством железной дороги.

— Э-э, — сказал доктор. — Об этом я тоже слышал. Но знаю достоверно, что потом Ульянов сдал экстерном при Петербургском университете.

— По юридическому? — спросил господин с двоящейся бородой.

— Как будто по юридическому.

— В таком случае он стал адвокатом, — сказал господин в мундире министерства путей сообщения. — Из-за старшего брата Ульянов, разумеется, не мог пойти на государственную службу.

— Адвокатом? — удивился хозяин дома. — Странно. Я о нем не слышал, а ведь мы, адвокаты, все друг друга знаем...

— Как волки в лесу, — желчно заметил господин с двоящейся бородой.

— Как публичные женщины! — захохотал доктор.

Хозяин дома обоим погрозил пальцем.

— Во всяком случае, я об Ульянове-адвокате ничего не слышал, — сказал он. — Решительно ничего. В Петербурге я встречал Керенского Александра, сына добрейшего Федора Михайловича. Тот адвокат, но не из лучших.

— Сын директора гимназии?

— Да. Когда мы кончали, он еще бегал в коротких штанишках.

— Ужасный был плакса, — вставил доктор. — Володя Ульянов как-то позвал его покататься. Помните? У нас во дворе гимназии доски лежали. Но Володю вдруг позвали, он спрыгнул, а этот растяпа Сашка с другого конца доски полетел кубарем. Слез было... Ульянов потом свой носовой платок на солнышке сушил...

— Послушайте, — недоумевал туркестанский путеец. — Это все очень странно. Ульянов был весьма одарен. Почему же ему не удалась карьера адвоката?

Один из гостей, подремывавший в уголке дивана, встрепенулся и спросил:

— Почему вы говорите о карьере адвоката? Мне говорили, что Ульянов стал врачом.

— Агусиньки, — сюсюкнул доктор. — Крошка хочет «топтоп» или будет еще чуточку «байбай»?

— Я вовсе не спал! — запротестовал гость.

— Спал! — категорически заявил доктор. — Много ешь и много спишь. Оттого и располнел, как попадья.

Хозяин снова погрозил доктору пальцем. Адвокатский палец был очень выразителен.

— Доктором стал Дмитрий, младший Ульянов, — пояснил адвокат. — Он жил здесь, в Симбирске. Но очень недолго и в обществе не бывал...

— В какие годы? — полюбопытствовал гость.
— Лет шесть назад, — ответил хозяин.
— Меня тогда здесь не было, — успокоился тот, которого доктор сравнивал с попадьей. — Откуда же мне знать?
— Младший Ульянов был замешан в политическом деле, — сказал доктор.
— Старший Ульянов был тоже замешан, — добавил господин в мундире министерства просвещения.
— И казнен. Это, слава богу, все знают.
— Я говорю не о несчастном Александре, а о Владимире. Мне достоверно известно, что он был арестован и выслан из Петербурга.
— Куда?
— Разумеется, в места, не столь отдаленные.
— Это многих славный путь! — сочувственно продекламировал доктор.
— Это было не в пятом, а раньше, — уточнил господин в мундире министерства просвещения. — И с тех пор я лично о нем ничего не слышал.
— Вот именно! — с пафосом сказал адвокат. Он снова завладел общим вниманием. — Сколько людей с тех пор, вернувшись из ссылки, взялись за полезную обществу деятельность! А мы сами, господа! Разве наша молодость была безоблачной? Разве мы не отдали дань прокламациям, конспирации?

Все многозначительно вздохнули, вспомнив такое бурное начало двадцатого века, пятый год, собственные вольные речи, манифестации, опасные визиты жандармов, по счастью не имевшие слишком далеко идущих последствий.
— Эх, было дело! — крякнул доктор.
— А годы идут, — задушевно продолжал хозяин дома. — А годы проходят, все лучшие годы... Наше поколение уже подошло к той поре, когда жизнь суровой и бестрепетной рукой пишет свой итог. Да, господа. Уже пора подводить итоги! Сегодня нам перевалило за сорок, не заметим, как будет за пятьдесят. Так каков же итог жизни у нас с вами? Каков он у Ульянова?
— Мой друг Аркадий, не говори красиво, — охладил хозяина насмешливый голос доктора.
И доктор заговорил с редкой для него серьезностью:
— Мне всегда казалось, что Ульянов будет гордостью русской науки. Вспомните его блестящий ум, колоссальное упорство.
— Усидчивость первого ученика! — бросил господин с двоящейся бородой.
— Вы не правы! — вмешался хозяин дома, искренне считавший справедливость своей профессией. — Ульянов человек недюжинных способностей. Этого не отнимешь.

Доктор обрадовался поддержке, а хозяин дома продолжал:
— Вспомните его блестящие сочинения. Федор Михайлович, бывало, с таким, я бы сказал, трепетом возвращал Ульянову его тетрадь. А как Ульянов прекрасно говорил! Отточенные фразы, несокрушимая логика.

Адвокатскую речь перебило педагогически точное замечание господина в мундире ведомства просвещения:
— Ульянов получил образцовое домашнее воспитание. Илья Николаевич, которого мы все знали, был, разумеется, истинным ревнителем народного просвещения.
— Так в чем же причина? — спросил господин с двоящейся бородой.
— Причина чего? — с неудовольствием отозвался доктор.
— Причина того, — злорадно продолжал тот, — что из прекрасно воспитанного юноши, из человека недюжинных способностей, из сына ревнителя просвещения ровным счетом ничего не вышло. Ничего-с.
— Право, не следовало бы так уверенно об этом говорить! — возразил доктор.
— А я говорю! — с ударением на «я» ответил господин с двоящейся бородой. — И говорю с уверенностью, потому что мы с вами, друзья мои, уже давно ничего не слышали об Ульянове. Ничего! Ни строчки в газетах. Никаких других известий. Господин Ульянов превратился в невидимку. Вот и все!
Доктор вскочил, забегал по кабинету, спор вот-вот готов был превратиться в ссору, но тут вошла хозяйка дома.
— Господа, — сказала она протяжно, — господа-а-а... Дамы без вас скучают. Боже, какой здесь дым! Конечно, был ужасный спор? И наш доктор, как всегда, был со всеми не согласен? О чем же вы спорили, если не секрет?
— Об Ульянове, — сказал хозяин дома, поднимаясь. — Не забудьте сказать Дарье, чтобы открыла в кабинете форточку и проветрила.
— Об Ульянове?
— О Володе. Не делай удивленного лица. Ты его, конечно, знала. Он кончил с медалью, а теперь о нем ничего не слышно.
— Я не делаю удивленного лица! — обиделась хозяйка. — Я просто хотела знать, о ком из Ульяновых вы тут так бурно спорили. И теперь лишний раз убедилась, что мужчины никогда ничего не знают, а только делают вид, что они самые умные. Как это — о Володе ничего не слышно? Мне только недавно кто-то рассказывал, что он болен и лечится в Швейцарии. Ах нет! Мне этого не рассказывали. Мне писала из Саратова кузина Варенька. Доктор, вы ее знаете! Та самая Варенька, в которую вы были так безумно влюблены! И из-за которой остались на всю жизнь холостяком. Господа, господа! Смотрите, наш доктор покраснел.
— Ваша кузина Варенька всем известная лгунья, — проворчал доктор. — Осталась старой девой и ни с того ни с сего вдруг выдумала, что я был когда-то в нее влюблен, да еще оповестила об этом в письмах всех своих подруг. От вас я слышу от пятой. Не советовал бы верить ни единому слову из того, о чем пишет эта Варенька.
Мужчины вернулись в гостиную, в общество дам, расположившихся вокруг столика на витых ножках, отделанного майоликой цвета морской волны.
Дамы приняли оживленное участие в разговоре об Ульянове.
— Говорят, что он женился. На барышне из хорошей семьи.
— Его мать, Мария Александровна, живет с дочерьми в Саратове.
— Моя мать ее буквально боготворила. Она мне всегда твердила, что такой прекрасной хозяйки, как Мария Александровна, никогда не видела и больше не увидит.
— О! Мария Александровна умела держать дом. Ведь они жили только на жалованье отца.
— А потом только на пенсию.
— Но ведь за Машенькой в приданое шло имение в Казанской губернии.
— Какое имение! Старый развалившийся дом. Кстати, вы все помните — музыке и языкам она детей учила сама...
Чтобы остановить поток дамского красноречия, доктор громко сказал:
— Господа, а вы не забыли, как блестяще Ульянов переводил из немецкого и особенно из латыни?
— Блестяще! — подтвердил адвокат. — К языкам у него был особый талант.
— И к математике, — вспомнил туркестанский путеец. — Я всегда удивлялся, зачем он подал на юридический.
— Вот именно, — желчно подхватил господин с двоящейся бородой. — Ульянов блестяще переводил из Цезаря и Цицерона, он лучше всех в гимназии знал алгебру, но остался ничем. Зато кто-то другой отвечал латынь по шпаргалке, списывал алгебру и будет в скором времени министром. Вот увидите! Ми-нис-тром!
Покачиваясь на носках, он пропел это слово как гимн успеху, и при этом последний слог зазвучал победными литаврами: тром-тром-тром.

Такого откровенного цинизма, такого неприкрытого поклонения карьере не мог стерпеть адвокат.
— Мне не по душе это противопоставление! — с пылом воскликнул он. — Я защищал нашего петербургского друга от несправедливых нападок доктора. Бесспорно, наш друг не тупица. Даже не злодей. Он консерватор по происхож-

дению и по убеждениям. Что ж! У каждого свои взгляды на пути, которыми должна пойти Россия. Я не знаю, каких взглядов придерживался или придерживается Ульянов. Его старший брат Александр сгорел как свеча, озарив мрак, в котором тонула Россия. Сейчас иное время...

Адвоката перебил гость в мундире ведомства путей сообщения:

— Кстати, об Александре. Мне кто-то давеча говорил, что скончался один из его, как бы это сказать, коллег...

— Кто же? — заинтересовался доктор.

— Некий Караулов. Да вы, наверное, слышали о нем, он был депутатом думы.

— Ах этот Караулов! — поморщился адвокат. — Он вовсе не из тех, что были с Александром Ульяновым. Караулов привлекался по делу об убийстве императора Александра Второго и не имел никакого отношения к тому несчастному покушению на Александра Третьего, которое привело на виселицу старшего Ульянова. После каторги Караулов весьма активно взялся за общественную деятельность...

— Припоминаю! — воскликнул гость в мундире министерства просвещения. — На одном из заседаний думы кто-то из правых пытался оскорбить Караулова, назвав его каторжником. И тот ответил: «Я горжусь тем, что имел честь быть на каторге». Великолепный ответ!

— Весьма редкий в устах этого человека, — заметил хозяин дома. — Поразительно бесцветной личностью стал этот бывший террорист.

— Ну не скажите, — запротестовал господин с двоящейся бородой. — Я как-то читал в «Биржевке» весьма недурное высказывание этого бывшего, как вы изволили сказать, террориста и врага престола. Он заявил черным по белому: «Если передо мной будет два лагеря, в одном — правительственные войска, в другом — революционеры с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата, то я, не задумываясь, пойду с первым против вторых». Каково? А? По-моему, убедительно. Господам либералам не грех прислушаться.

— Чепуха! — вспылил доктор. — Обычное низкопоклонство ренегата, и больше ничего. Недаром об этом Караулове, помнится, был слушок. Ну, то дело в Киеве. Через несколько лет после покушения. Все пошли на каторгу, а ему дали какое-то пустяковое наказание. И говорили, будто бы на председателя военного суда подействовало необычайное сходство Караулова с его покойным горячо любимым сыном. Чепуха! Ларчик открывается просто — господин Караулов дал следователю «откровенные показания».

— Дэ мортиус аут бэнэ аут нихиль... — предостерегающе вставил адвокат.

Доктор пожал плечами: умолкаю. Но господин с двоящейся бородой пожелал оставить за собою последнее слово:

— Здравый смысл, господа! Здравый смысл! Пришла пора рассуждать реалистично. Во имя России! Если даже такие люди, как Караулов, решаются идти с первыми против вторых, это что-нибудь да значит...

— Кстати, о пресловутой диктатуре пролетариата, — оживился хозяин дома. — Мне как-то попался в руки один марксистский журнальчик. Этакая светло-зеленая обложка и название претенциознейшее: «Мысль». Так до чего же домыслились наши марксисты! Один из них пишет, что у великого Толстого колоссальные провалы в философии.

— Господи! — ужаснулся господин в мундире министерства просвещения. — Что за несчастная страсть у русских литераторов щеголять своей оригинальностью.

— Но кто же автор? — полюбопытствовал доктор.

— Полностью свою фамилию он не подписал, — саркастически улыбнулся адвокат. — Поставил инициалы В. И. Очевидно, это их постоянный сотрудник, некий В. Ильин. Он печатается у них часто, но я, признаюсь, не в силах дочитать подобные статьи до конца. И я бы...

Но хозяину не удалось договорить, что именно он собирался сделать или сказать.

— Это возмутительно! — воскликнули все дамы чуть ли не хором. Впрочем, непонятно было, к чему относится их возмущение. К тому ли, что написал некий В. И., или к тому, что мужчины опять рассуждают о высоких материях, совершенно игнорируя явно заскучавших дам.

— Да, да, милочка, — торопливо сказал хозяин дома, обращаясь к жене. — Сейчас... Я только хотел бы закончить тот разговор, от которого мы уклонились. Так вот об Ульянове...

И хозяин произнес краткую, но блестящую речь о том, что сейчас каждый образованный, порядочный и любящий Россию человек должен трудиться не покладая рук и стремиться не к карьере, а к тому, чтобы сделать что-то полезное для отечества, для многострадального русского народа во имя демократии и прогресса.

— Вот что я имел в виду, — закончил он, — когда говорил об итогах, которые жизнь подводит суровой, безжалостной рукой.

При этом он изобразил собственной рукой, как подводятся жизненные итоги, остановив той же рукою доктора, пытавшегося вставить неуместную шутку.

— Не карьеру, — продолжал хозяин дома, — славлю я, а труд! Только труд на благо общества. И мне очень горько признать, что среди имен, прославленных таким трудом, я не нахожу имени нашего бывшего соученика, гордости нашей гимназии.

Все мужчины согласились с хозяином. И дамы тоже.

Все согласились, что Ульянов, который в юности подавал такие большие надежды, дожив до сорока лет, не сделал еще ничего полезного для общества, отечества и многострадального русского народа.

— Надежды, — вздохнул хозяин дома.

— Увы... — печально согласился доктор.

...Гости расходились поздно. На улице уже сгустилась зимняя морозная мгла, и в колючем воздухе звонко отдались шаги по заледеневшему дощатому тротуару.

В этот самый час на улицах Парижа было еще светло. Погода стояла относительно теплая. Немолодой скромно одетый человек возвращался на велосипеде домой, где его ждал ужин, довольно скудный даже на взгляд экономных французов.

Весь день он работал в библиотеке и перед уходом по сложившейся привычке заглянул в только что поступившие из России номера газет. О чем пишет милюковская «Речь»? Ну, разумеется! Накануне выборов в новую думу эти господа узрели в России всего два лагеря: один за упрочение конституционного строя, другой против конституции. «За» или «против». Недурно. И словечко какое нашли — упрочение.

Как всегда, чтение российской печати вызвало острый гнев. Какое фиглярство! Реализм, демократия, активность... До чего скверными могут стать прекрасные слова, если их используют буржуазные ловкачи! Даже из непримиримого Толстого готовы сделать икону...

Да, а что там сообщают про погоду? Что в Саратове? Опять сильный мороз! Скверно. А мама не пишет про морозы... Надо ей обязательно сообщить, чтобы больше не посылала денег. Правда, за статьи заплатили не так уж много, но пока хватит... Если бы еще удалось найти издателя на «Аграрный вопрос». Может быть, обратиться к Горькому... Очень важно, чтобы эта работа поскорее увидела свет... Время сейчас архитрудное, «склочное». Раскол де-факто уже полный. Это можно было предвидеть. Ликвидаторы считают, что нелегальной работы в России сейчас практически нет и быть не может... А не угодно ли господам ликвидаторам взглянуть на статистику стачек в России? Нет, им неугодно. Они целиком погрязли в склоке, способны на любую подлость, на любую фальшивку... И это сейчас, когда локомотив революции лежит под откосом. Не лучше ли сообща поставить его на рельсы, а потом договариваться, докуда ехать...

Позвякивая велосипедным звонком, он повернул на узкую улочку Мари-Роз.

Париж, Париж... Прекрасный город. Сидят там где-нибудь в Симбирске, смотрят, как горят в печи березовые дрова, и мечтают: ах, Париж! А как хорошо бы сейчас на Волгу! Нет, не сейчас — весной, когда тронется лед и загремит, загрохочет на Волге, будто из пушек палят... Славно весной на Волге!

Нет, что бы ни писали господа милюковы в своей «Речи», что бы ни болтали господа ликвидаторы, а дома, в России, начинается... Еще почти неслышно, еще подспудно, а начинается... Пора.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ В СИМБИРСКЕ, КАК И ВО ВСЕХ ГОРОДАХ РОССИИ, ПОЛУЧИЛИ ИЗ ПЕТРОГРАДА СООБЩЕНИЕ, ЧТО ВЛАСТЬ ВЗЯЛ В СВОИ РУКИ СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ВО ГЛАВЕ С УЛЬЯНОВЫМ-ЛЕНИНЫМ.

Мальчишки остаются позади

4

(Окончание. Начало см. на стр. 12)

Через восемь месяцев я снова попал в Смоленскую область и заехал в село Пржевальское. Встреча со старыми знакомыми вышла грустной. Все задумки Василия Михайловича остались не в памяти ребят, а на бумаге. От работы в Доме пионеров Гавриленков был отстранен. В районе посчитали, что увлечение Гавриленкова музеем — одно дело, а работа с детьми — нечто совсем другое. Время ушло на длинные объяснения с оппонентами. Облеченные полномочиями оппоненты не впервые оказались сильней. Когда-то спор между Антоном Семеновичем Макаренко и его противниками тоже завершился вынужденным уходом замечательного педагога из колонии имени Горького.

Познакомиться с новым директором Дома пионеров я не смог. Работа ему не понравилась, он рассчитался и уехал подыскивать новую должность.

Ребята были предоставлены сами себе.

Такого поворота дела я просто не ожидал, потому что хорошо помнил встречу с первым секретарем обкома комсомола Евгением Воронцовым. В беседе восемь месяцев назад мы сразу сошлись на том, что школа — оборонительный рубеж государства и для молодежной организации нет более почетной задачи, чем укрепление этого рубежа. Воронцов сказал, что помощь обкома сельским учителям — вопрос очень важный и над ним следует задуматься. Узнав историю Гавриленкова, я зашел в райком комсомола.

— За прямой помощью Гавриленков к нам не обращался, — сказала первый секретарь Елена Парцевская. — Мы считали, что он сможет справиться без наших усилий.

В блокноте сохранилась почти стенографическая запись этого разговора.

Я спросил, как пропагандировали методы работы Гавриленкова, был ли он приглашен, чтобы поделиться опытом с молодыми учителями.

— Нет.

— А вообще какая-нибудь помощь оказывалась молодым учителям?

— Нет. Был слет специалистов сферы обслуживания, а слета преподавателей не было.

Видно, ничего не изменилось с тех пор, как секретарь обкома Воронцов сетовал на то, что между сельскими учителями и райкомами связь слабая, случайная и, к сожалению, малодейственная. Главная задача комсомола — воспитание, а учителя — тот наиболее подготовленный и квалифицированный отряд, на который можно было бы опереться.

Я побывал в райисполкоме, райкоме партии, в роно. Мне хотелось знать, что думают в районе о Гавриленкове. Никто из тех, с кем я встречался, не изображал Василия Михайловича злодеем или непорядочным человеком. Заведующий роно Николай Петрович Орлов даже отозвался о нем, как о воспитателе, который любит свое дело. В чем Гавриленкова единодушно упрекали, так это в том, что он «чудачит». К сожалению, еще у многих людей восприятие мира устроено так, что все не укладывающееся в рамки их представлений о людях, жизни, чести вызывает у них осуждение.

— Не понимаем, как это он мог организовать со своими байстрюками сбор средств на какой-то памятник, ни с кем не согласовав этого вопроса, — говорили одни.

— Не понимаем, — говорили другие, — кому сейчас нужен проект восстановления усадьбы Пржевальского.

Третьих настораживала та ярость, с какой Гавриленков отстаивал «отпетое хулиганье».

Активность Василия Михайловича раздражала. Все хотели только одного: чтобы он был потише. «А может быть, отстранить?» — «Давайте отстраним». И отстранили. Пусть работает в музее. Музей — место тихое.

Проще всего было бы обрушиться на человека, подписавшего приказ об увольнении Гавриленкова. Но указать на кого-то одного как на носителя зла — не значит ли оставить непорочными, непричастными к этому делу всех, кто формально не участвовал в увольнении, но с чьего молчаливого согласия несправедливость совершилась?

Разговора о своем вынужденном уходе из Дома пионеров Гавриленков тактично избегал. Ни в его словах, ни в тоне я не уловил обиды. В конце концов дело даже не в нем. Дело в тех подростках, на глазах которых разрушили одну из первых заповедей юношества — о справедливости. Для неокрепшей души нет ничего опустошительнее, чем вид оскорбленного учителя. Звание «учитель» не просто свидетельство о роде занятий. Учителем человек становится только тогда, когда между ним и детьми установилось полное единство. Этот монолит не может быть разрушен безболезненно для учеников. И если подобная несправедливость случится на их глазах не раз и не два, то сколько бы потом ни толковали подросткам о высоких принципах, они будут выслушивать наставления со скептической улыбкой.

Недалеко от райкома я столкнулся с Сашей Митрофановым. В Демидово проводили военную игру в масштабе района и собрали школьников из окрестных сел. Я спросил Сашу, как дела. Он горестно отмахнулся. Потом сказал:

— Помните, какой тогда у нас кулеш был?

УЛЬЯНОВ—НЕ ТАКАЯ УЖ РЕДКАЯ РУССКАЯ ФАМИЛИЯ. КОЕКТО ИЗ СИМБИРСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ ЕЩЕ ДОЛГО НЕ ДОГАДЫВАЛСЯ, ЧТО УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН ИМЕННО ТОТ, КОТОРОГО ОНИ ЗНАЛИ МАЛЬЧИКОМ И ЮНОШЕЙ.

Во время штурма высоты 108,7, который я видел в Пржевальском, девочки в «обозе» на полевой кухне готовили обед. Была предусмотрена и эта мелочь, хотя дома штурмовавших сопку находились под боком. Горячий кулеш казался особенно вкусным, потому что ели его все вместе.

В Демидово сразу после игры ребят распустили, даже не поинтересовавшись, есть ли у них деньги на обед и обратную дорогу. Мальчишки ходили по улицам и свистели. Начиналась метель, вернуться домой многие не смогли. Никто не побеспокоился о том, чем ребята будут заняты целый вечер.

Стоило посмотреть в глаза Саши Митрофанова, чтобы убедиться: он хорошо понял разницу между увлекательнейшей игрой в Пржевальском и мероприятием, за которое кому-то где-то, наверное, поставили «галочку».

Недавно за круглым столом нашей редакции собрались сельские школьники, победители конкурса сочинений «Твой современник». На вопрос: «Чего им больше всего не хватает?» — ребята подумали и ответили: «Взрослых, которые бы жили нашими интересами».

В последнее время число приводов в детские комнаты милиции возросло в полтора раза. Может быть, между ростом правонарушений и отстранением Гавриленкова от воспитательной работы есть какая-то связь? Я думал о том, как нужны в районе умные, любящие детей и дело педагоги и чем их больше, тем тоньше и беднее станут пресловутые журналы ЧП.

Когда-то чилийская сельская учительница Люсина Годой, известная миру как поэтесса Габриэла Мистраль, написала «Молитву учителя»: «Дай мне простоту ума и дай мне глубину; избавь мой ежедневный урок от сложности и пустоты. Дай мне оторвать глаза от ран на собственной груди, когда я вхожу в школу по утрам. Садясь за свой рабочий стол, я сброшу мои мелкие материальные заботы, мои ничтожные ежечасные страдания... Пусть порыв моего энтузиазма, как пламя, согреет бедные классы, пустые коридоры». Мне кажется, что каждый, кто хоть как-то причастен к воспитанию детей, должен держать в сердце такие слова.

Очень трудно понять тех людей, которые относятся к Василию Михайловичу как к чудаку, вместо того чтобы поспешить ему на помощь. Одной рукой в ладоши не хлопнешь. Чтобы сияла вольтова дуга, нужно по крайней мере две свечи, и свет будет тем ярче, чем ближе они будут сходиться.

с. Пржевальское, Смоленская область

Итак, есть ли проблема подростков на селе? Есть. Принято считать, что она разрешима. Правильно. Но это не значит, что она существует где-то помимо комсомольских организаций и будет разрешена сама собой...

Все без обмана

ИЛИ ДНЕВНИК КИНОЭКСПЕДИЦИИ МОСФИЛЬМА В АРКТИКУ, СОСТАВЛЕННЫЙ НА БОРТУ ДИЗЕЛЬ-ЭЛЕКТРОХОДА „ОБЬ", В ТРЮМНОМ ПОМЕЩЕНИИ НОМЕР СОРОК ДВА, МАСТЕРОМ СПОРТА АРКАДИЕМ МАРТЫНОВСКИМ И АКТЕРОМ ЮРИЕМ ВИЗБОРОМ

— Знаю я это кино! Это все обман. Обман на обмане. Вот, предположим, бежит артист через огонь — так это не огонь, а тряпки специальные ветром раздувает! Или прыгает он в прорубь. А это не прорубь, а бассейн ЦСКА с подогретой водой! И плавает в ней пенопласт вместо льда. А война? Танки деревянные, самолеты на ниточках, корабли в лужах плавают. Смотреть неохота. Вот возьми пса Барбоса. Разве все это правда? У них ведь там на палке не динамит был привязан, а пустая картонка. Так что и бежать было нечего от нее! Или «В небе только девушки». Их отдельно засняли, а небо отдельно, а потом друг к дружке присобачили. А возьми комбинированные съемки? Вот какая она, правда-то! Было одно кино без обмана — «Тарзан». И то теперь нигде не идет.

Мы много раз слышали такие суждения. И, не будучи профессионалами, хотим вам рассказать, как выглядят киносъемки «со стороны».

Мы отправляемся в Арктику, в район Земли Франца-Иосифа, для проведения киносъемок фильма «Красная палатка», совместное итало-советское производство. Постановщик — Михаил Калатозов, режиссер — Игорь Петров, оператор — Леонид Калашников, актеры: Отар Коберидзе (Чечони), Данатас Банионис (Мариано), Юрий Соломин (Трояни), Григорий Гай (Самойлович), Борис Хмельницкий (Вильери), Эдуард Марцевич (Мальмгрен), Никита Михалков (Чухновский), Юрий Визбор (Бегоунек) — все СССР. Луиджи Ваннукки (Дзаппи) — Италия. Другие иностранные актеры по различным причинам не смогли поехать в Арктику. Для обеспечения безопасности при работах на льду студия пригласила в экспедицию шестерых альпинистов, мастеров спорта: Владимира Кавуненко (глава фирмы), Владимира Безлюдного, Вадима Кочнева, Бориса Левина, Аркадия Мартыновского и спортсмена-разрядника Владимира Кулагу. Кроме того, в экспедицию были приглашены: флаг-штурман полярной авиации СССР Валентин Аккуратов, экипаж вертолета МИ-4 во главе с заслуженным летчиком-испытателем СССР Василием Колошенко, гидролог

любого дома которого мог выйти джеклондоновец в рваном свитере с кольтом в руках, и никто бы этому совершенно не удивился. Но вместо джеклондоновца на берег вышел кто-то из администрации и закричал в мегафон так, что вздрогнул океан и с гор осыпалась золотая краска. Съемки начались!

10 АВГУСТА. Одного из авторов дневника ждал удар судьбы: он назначен был режиссером Калатозовым на роль... медведя. Как только трое дюжих мастеров спорта надели на него шкуру весом в семьдесят килограммов, так он и рухнул к ногам совершенно этого не ожидавшего режиссера. Тем не менее, поднявшись, Аркадий с ужасом понял, что его «утвердили на эту роль». «Надо поработать над образом», — сказал он, выплевывая изо рта медвежью шерсть. Вечером в каюте альпинистов острили: «Скоро вертолет будем дублировать. Раскрутимся вчетвером, и на взлет!»

Это — медведь.

Милешко, врач-хирург Емельянов и врач-стоматолог Шамфаров, специальный охотник на медведей для охраны экспедиции Петров, два переводчика, водители автомобилей, водители вездеходов, катерники, специалисты по взрывам, дирижаблестроители, подводники-аквалангисты, инженер по технике безопасности, радист с малогабаритными радиостанциями. Директор картины — Владимир Марон.

5. АВГУСТА. Курс — норд. 200 миль от Мурманска, вокруг туман, видимость полмили. Крупная океанская зыбь. Мы уже несколько дней на корабле, и все же наша экспедиция кажется полной фантастики, сбывшимся чудом. На специальной кормовой площадке «Оби» стоит надежно укрепленный вертолет МИ-4; команда альпинистов делает зарядку среди ящиков и крепежных тросов; Эдик Марцевич учит английский текст; режиссер Михаил Калатозов пьет чай в своей каюте; водители вездеходов играют в домино, авторитетно рассуждая о прогрессивной заполярной оплате. Итальянский актер Луиджи Ваннукки не перестает удивляться русским морям. Пых-пых-пых — стучат дизели корабля. Туман. Видимость два кабельтова.

..А море серое всю ночь качается,
И ничего вокруг не приключается,
Не приключается, вода соленая,
И на локаторе тоска зеленая...

6 АВГУСТА. Встретили первый лед. Фотолюбители так неистовствовали, что вынудили вахтенного штурмана сообщить по громкой корабельной связи: «Товарищи, это еще не льды, настоящие льды будут завтра». И действительно, на следующий день мы бьем встречные ледовые поля и впервые слышим, как льдины скребутся с другой стороны борта, у наших подушек. Но «Обь» снова выходит на чистую воду. Бакланы на полном ходу как пули пробивают гребни волн. Тюлени выглядывают то из серых, то из нефтяно-черных вод. Лед — с коричневыми ложбинами нерпьих лежбищ, с невообразимо голубыми озерами пресной воды. По госпитальной белизне прыгают черные молнии трещин, у бортов лед вздымается, показывая зеленые сколы ледяных полей. Север — место для мужественных кораблей.

8 АВГУСТА. Первый снег, все палубы белые.

Собрано первое открытое партсобрание. В. И. Аккуратов сказал: «Истории известны примеры гуманизма советских людей. Спасение экспедиции Нобиле — один из них. Нужно так снять фильм, чтобы весь мир понял, кто и какой ценой спас итальянскую экспедицию». Впервые в истории полярных экспедиций было выбрано совместное партбюро, состоявшее наполовину из моряков, наполовину из киноработников.

9 АВГУСТА. О боже, дарит же судьба такие дни! В припайном льду бухты Тихой стояла наша «Обь», окруженная такими золотыми под солнцем горами, что просто не верилось, что на земле это все существует. За кормой корабля лежал океан такого свежего цвета, какой используют только при производстве физкультурных плакатов. В полумиле от нас на берегу стоял поселок, из

11 АВГУСТА. В бухте Тихой оставлена команда дирижабельщиков, а наша «Обь» пошла на поиски «натуры», хорошего льда, на котором можно работать большой группе людей. Такой лед был найден во второй половине дня в заливе, окруженном сказочными фиолетовыми горами. Ваннукки, Банионис и Марцевич впервые в истории мирового кино прошли перед профессиональной кинокамерой художественного фильма, расположенной на 81 градусе северной широты.

Мариша Лебешева стукнула хлопушкой. Есть! Первый дубль с актерами в Арктике снят!

Вскоре прилетел вертолет Василия Петровича Колошенко, возивший в бухту Тихую обед строителям ангара. Легко, как будто играясь, вертолет сел на нестандартную площадку «Оби», на которую отказались садиться все пилоты, с которыми вел переговоры «Мосфильм»...

12 АВГУСТА. В сорок вторую каюту пришел утром директор картины и объяснил альпинистам их задачу; Кавуненко, Безлюдный и Кочнев должны загримироваться под Ваннукки, Баниониса и Марцевича и сойти на движущиеся льдины. Их будут снимать на общем плане.

Вообще за время работы в Арктике было несколько рискованных съемок, и проход наших троих ребят по движущимся, весьма сомнительным льдам — одна из них. Оступись кто-нибудь, поскользнись, трудно было сказать, чем кончится дело. Тем более что температура воды была ниже нуля (в Арктике вода замерзает при минус четырех градусах). В такой воде да еще в тяжеленных костюмах долго не продержишься. И страховки не было практически никакой. Правда, на корме во время всех съемок медленно крутил винтами вертолет, готовый в любую секунду прийти на помощь, да и мы с веревками и ледорубами в руках стояли наготове у трапа. Но на душе было тревожно. Опасность нешуточная и самая реальная. Впрочем, все кончилось благополучно. У каждого из наших «артистов» за плечами двадцатилетний опыт работы в горах, на ледниках, каждый знает цену небрежности. Ребята около часа ходили недалеко от «Оби», прыгали с льдины на льдину, изображая смертельно усталых и голодных полярников. А Вадим Кочнев так хорошо старался, что получил с режиссерского мостика замечание: «Мальмгрен, не переигрывай!»

13 АВГУСТА. День, полный удивительных событий. Начал их Колошенко, который повез в Тихую от острова Луиджи — к нему мы подошли ночью — смену дирижаблестроителей. Вертолет еще был едва заметной точкой над снежными пологими куполами, как вдруг завис на одном месте и неожиданно стал терять высоту. «Дизель-электроход «Обь», я четыреста первый! — раздался в динамике голос Василия Петровича. — В восемнадцати милях от корабля

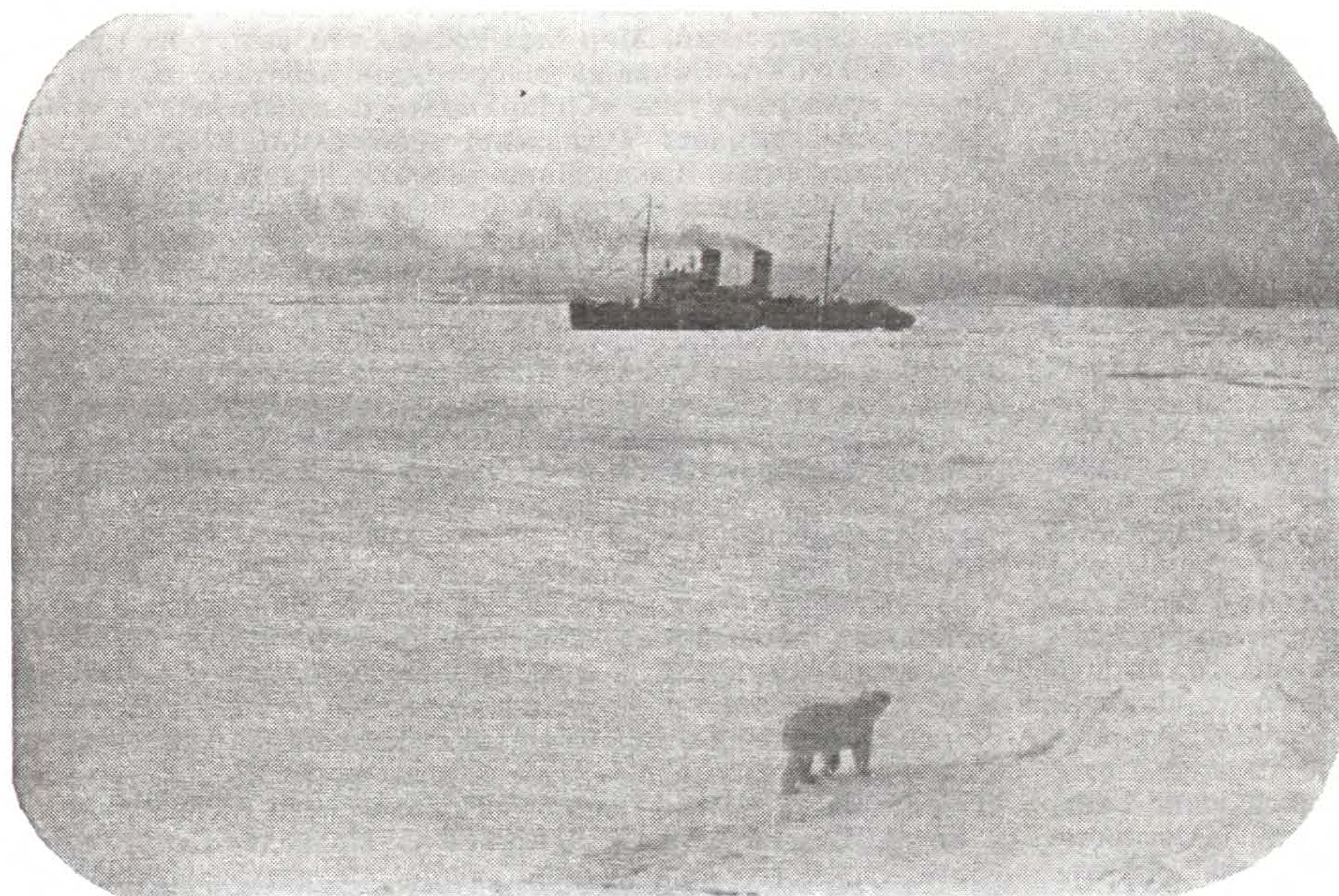

Артист Хмельницкий перед вылетом на съемку

Ночь, медведь и ледокол

встретил медведя, крупного самца. Могу пригнать его для съемки к кораблю. Сообщите решение».

В режиссерской группе случилось легкое замешательство. Тем не менее была отдана команда поставить на корме и носу по камере, и Василий Петрович наподобие небесного пастуха погнал медведя в кадр. Полчаса потребовалось этой дружной паре — Колошенко и медведю, чтобы показаться у корабля. Мишка совершенно обессилел не только от бега, но и от жуткого и совершенно неприемлемого чувства, что кто-то сильней его. Несколько раз он, оглядываясь на бегу, пытался лапой ударить по баллону шасси, правда, страх брал свое, и мишка, смешно озираясь, все бежал от вертолета, летевшего за ним на высоте двух-трех метров. Наконец он попал в поле зрения камер, подбежал к краю льда и, ни слова не говоря на прощание, вытянув передние лапы по всем правилам старта, ринулся в воду.

По этому поводу в сорок второй каюте следующий день объявляется как «день медведя».

Конечно, тот аттракцион, который вслед за медведем показывали Хмельницкий и Визбор, был менее эффектен, но для исполнителей весьма чувствителен. Мы с Борей играли пьяную драку из-за пистолета. Фабула этой сцены вкратце такова: по праздничному случаю на льдине был выпит спирт из компаса. Офицер Вильери, видя безнадежность положения, выходит из палатки с единственным оружием на льдине — кольтом, но замечает тоже пьяного профессора Бегоунека, который вальсирует с собакой. Профессор видит, как Вильери пытается стрелять в себя, выбивает из рук офицера оружие; Вильери жестоко избивает его, но отнять пистолет не в силах. В разгаре этой драки оба соскальзывают с тороса и падают в снежницу — озеро пресной воды на льду. Все это мы сыграли. Самым сильным ощущением было, конечно, падение в воду и драка в воде. Я предполагал, что вода будет ледяная, но такой зверской хватки, конечно, не ожидал. Мы с Борей с головой ушли в воду в огромных меховых костюмах, и, когда я увидел лицо своего партнера, я понял, что он нисколько не играет. С большим трудом мы выбрались из воды на лед... Когда прозвучала команда «стоп», к нам кинулись люди, сорвали мокрые шубы, накинули сухие, накрутили на головы полотенца и повели на корабль. Один из авторов дневника сказал традиционную фразу, глядя на эту картину: «В этом матче победила дружба». Другой автор включился на ходу в горячую дискуссию с Хмельницким: что раньше — спирт или душ. Победил душ (1 : 0).

Вечер сопровождался большими разговорами.

14 АВГУСТА, ИЛИ «ДЕНЬ МЕДВЕДЯ». Первая половина дня прошла в ожидании вызова, который так и не пришел к исполнителю роли медведя. Аркадий, сидя возле семидесятикилограммовой шкуры, дождался обеденного времени. Но только он склонился над пылающим борщом, толь-

ко он поднес ко рту первую ложку, как в кают-компанию ворвался потный посыльный от съемочной группы. «Медведь кто? — страшно крикнул гонец. — Медведя на площадку!» Аркадий грустно глянул на борщ, что-то нацепил на голову и выбежал на лед. В пятидесяти метрах от корабля не спеша репетировали с Марцевичем. Аркадий подбежал к работающим, но на него никто не обратил внимания. Потоптавшись минут десять, Аркадий скромно доложил о себе помощнику режиссера: медведь, дескать, тут и готов к работе. «Сейчас», — сказал помощник режиссера, но тут же занялся совершенно другими делами. Прошло полчаса. Аркадий замерз. Марцевич все репетировал. Осветители покуривали. Тогда Аркадий набрался наглости и подошел к режиссеру Петрову. Я, мол, медведь. «Медведь пришел? — спросил режиссер. — Очень хорошо. Перерыв на обед!»

Все же после обеда Аркадию удалось сняться. Четыре раза по-шпионски выглядывал из-за тороса Марцевич, четыре раза наводил кольт, четыре раза раздавался выстрел, и четыре раза Аркадий, задыхавшийся в зашнурованной шкуре, падал навзничь и бился об лед головой (вес головы 25 килограммов). При съемке последнего дубля вконец продрогший Эдик Марцевич проваливается по пояс в трещину. Доктор заставляет его выпить стакан спирта, и на этом прекращаются съемки.

16 АВГУСТА. Бухта Тихая, туманная погода, съемки дирижабля. Операторская группа на борту вертолета, машина ходит кругами, снимают сверху дирижабль серебристого цвета с большой черной надписью «Италия» и «массовку». В «массовке» заняты все актеры, вся экспедиция и половина команды судна. Тамара Кудрина дублирует Клавдию Кардинале. В конце дня выглянуло солнце, но тут-то как раз дирижабль попал в воздушную струю из-под вертолетного винта и, набирая скорость, круто пошел пикировать на один из домов зимовки. На крыше дома сидел в это время один из распорядителей съемки с мегафоном в руках, который, не будь дураком, сиганул за печную трубу. В нее-то и врезался носовой частью дирижабль, сильно удивив такой точностью распорядителя.

18 АВГУСТА, ДЕНЬ АВИАЦИИ. Для кого праздник, для кого героические будни. Эдик Марцевич занят в кадре, сложней которого трудно что-нибудь придумать: полдня он ходит у огромнейшего голубого тороса в нижнем белье, босой по льду, отдавая своим жестоким спутникам — Дзаппи и Мариано всю свою одежду и ложась в выбитую во льду топориком могилу. На голую грудь Эдика, на золотой нательный крестик опускаются глыбы льда. Между тем минус два и ветерок, и моржи высовывают из океана запорожские усы. Рядом с площадкой ребята ставят альпинистскую палатку, там шипит примус, стоит на горах шуб и поролона горячий кофе, над примусом греются полотенца — все для Эдика. Оба автора дневника, пользуясь свободным временем, выносят на лед голубые горные лыжи «Рыси металл» польского производства и, хотя горы синеют лишь вдалеке, прекрасно проводят время. Металлический канат то и дело пересекает медвежьи следы. Фантастика!

Вечером все наши летчики при параде, на торжественном собрании им вручается огромнейший торт, сделанный в виде льдины, на которой стоит красный вертолет. Мы дарим Колошенко и Аккуратову два наших ледоруба, побывавших в прошлом году на пике Ленина, на Памире. Аркадий, выжигая на их древках придуманную нами эмблему — гора, перекрещенная пропеллером, приобрел новую специальность. На черный день.

19 АВГУСТА. У Григория Гая, Никиты Михалкова и других актеров не очень веселое настроение. Все они «красинцы», их съемки должны происходить на «игровом» ледоколе «Сибиряков», который к нам вышел из Мурманска, но еще находится в трехстах милях, работает в тяжелых льдах, помогая запросившему помощь ледокольному кораблю «Дежнев».

20 АВГУСТА. «Обь» пришла в пролив Брауна у острова Солсбери. Съемки продолжаются. «Сибиряков» все воюет со льдами, ведет «Дежнев».

21 АВГУСТА. Неизвестный остряк ночью наклеил на двери кают различные вырезки из газет. На каюте, где живут Ю. Соломин и Ю. Визбор, появилась надпись «За туманом...». Ассистент режиссера получил табличку «Починка голов», смысл которой никто не смог растолковать. Альпинисты сами решили «не ждать милостей от природы» и повесили при входе «мудрую мысль»: «Кино найдет себе другого, а мать сыночка — никогда». Мудрая мысль пришлась как раз вовремя, потому что сегодня альпинисты дублируют актеров, сиднем сидят на ветру среди торосов и деньденьской все пикирует на них вертолет. Оттуда, как Петька пулеметчик, строчит своей камерой Леонид Иванович Калашников. А может, и не строчит, а только примеривается. Этого никто не знает. С альпинистами работают в кадре Боря Хмельницкий и рабочий-постановщик дядя Митя, на котором костюм генерала Нобиле. В первое время дядя Митя усиленно старается, но к концу съемок замерз окончательно, достал откуда-то прихваченную «на пожарный» черную кожаную шапку и нахлобучил ее на голову со словами: «Не такой был этот Нобиле дурак, чтобы сидеть с голой головой!»

22 АВГУСТА. Бухта Тихая. Из-за мыса, из золотого тумана вдруг раздался хриплый, прокуренный крик: к нам идет «Сибиряков». «Обь» радостно загудела чистым мощным голосом, все высыпали на палубы. Тихо приближался похожий на бочку круглый силуэт «Сибирякова», украшенный фанерными надстройками, что придавало ему сходство с прообразом. Корабль шел загримированный, как артист, полностью готовый к работе. На носу ледокола горели золотые буквы «Красин».

Вечером мы добились разрешения руководства выйти на восхождение на вершину ледяного купола острова Гуккера. В 23.30 Кочнев, Левин, Кулага и Визбор, вооружившись мелкокалиберной винтовкой, двумя ракетницами и ледорубами, вышли на восхождение. Стояла изумительная полярная ночь, тихая, солнечная, ясная. Ледовые купола, глубоко-янтарные, розовые, голубоватые, стояли в полном безмолвии перед нами. Мир был только что вынут из купели.

23 АВГУСТА. Экипажи обоих судов работают во всю силу — идет разгрузка «Сибирякова» и перегрузка с «Оби» «игрового» самолета Чухновского, декораций и еще чего-то. Туманно и тихо. Неожиданно вечером налетает такой ураган, что абсолютно закрытая от ветров бухта Тихая просто вскипает. Представляем, что делается в открытом море! Уныло свистит ветер в антеннах. «Сибиряков» поднимает пары, уходит от нашего корабля, чтобы не столкнуться с ним, и с большим трудом, преодолевая ветер, который просто с корнем вырывает дымы из его двух труб, намертво врубается во льды в миле от нас. «Обь» тоже дает задний ход и с разгона почти всем корпусом налезает на лед. Временами переборки дрожат от ударов ветра. По всему западному сектору Арктики сшибаются ледовые поля. Мир творится заново.

24 АВГУСТА. Оба корабля уходят из бухты Тихой по уже спокойному морю. К «Сибирякову» привязывают дирижабль, но первый же порыв попутного ветра бьет его о мачты, гелий уходит, и наша «Италия», как и сорок лет назад, падает вниз подстреленной птицей с огромной рваной раной в брюхе. Оба корабля уходят дальше на север в поисках «трагических льдов», как выразился Игорь Дмитриевич Петров. Наша цель — острова Королевского сообщества.

25 АВГУСТА, ДЕНЬ ШАХТЕРА. Медведь ходил возле борта, скреб его лапой, равнодушно поглядывал на людей. Вдруг откуда-то выскочил Никита Михалков, неся в руках открытую банку сгущенного молока. Он сбежал вниз по трапу и прыгнул на лед. Медведь стоял метрах в двадцати от него боком к кораблю. «Назад!» — закричали мы и понеслись к трапу. Никита сделал несколько шагов к медведю, наклонился и поставил банку на лед. В это мгновение медведь увидел его и, ни секунды не задумываясь, бросился вперед. Слава богу, Никита был в пяти метрах от трапа и у него длинные ноги. Он очутился на борту «Оби» «быстрее собственного визга». Мы были готовы избить его за это мальчишество, тем более что в следующее мгновение медведь, не обратив никакого внимания на банку со сгущенкой, легко поднялся на задние лапы, пытаясь залезть на трап...

За ночь к кораблям пришли еще шесть медведей. Их не пугали ни выстрелы, ни ракеты, ни корабельная сирена, ни дым. Так и останутся они в моей памяти навсегда: огромные звери, бесстрашные, равнодушные, плечом к плечу, сомкнутым строем идут на ледокол...

28 АВГУСТА. Площадка по-прежнему обложена медведями. В сторону пролива видны уже занесенные снегом торосы, будто здесь никто и никогда не плавал. Поговаривают, что, возможно, придется вызвать из Мурманска самый мощный из имеющихся там ледоколов — «Киев», а если и он не поможет, то ждать надо до декабря, в декабре рубить во льдах взлетно-посадочную полосу для самолетов. С верхнего мостика «Оби» виден горизонт на пятнадцать

миль. Во все стороны ни одного разводья. Температура упала до минус девяти. Глядя на картину на мостике, кто-то сказал: «Ясни, ясни в небе, звезды, мерзни, мерзни, волчий хвост».

29 АВГУСТА. Эдик Марцевич проваливается под лед в полынью, уходит по плечи в воду. Михаил Константинович Калатозов, только что распекавший инженера по технике безопасности, вдруг срывается с табуретки и выскакивает на очень опасный «живой» лед. За режиссером бросается Володя Кулага, привязанный к капроновой веревке, и хватает Михаила Константиновича за пояс. Но тот ничего не замечает, работа в самом разгаре, на площадке стоит крик. Эдик начинает все снова, отвратительно стучит хлопушка, помощник режиссера молодцевато выкрикивает номер дубля. Эдик снова бредет по ледяной пустыне, снова оступается, вот под лед уходят ноги, руки цепляются за лед, к нему бросаются Банионис и Ваннукки... «Стоп!» — кричит Калатозов, порывается снова выскочить на опасное место, но на этот раз его не пускают. После съемок ребята показали с борта «Оби» Михаилу Константиновичу то место, на которое он выбегал. Он просто ужаснулся.

2 СЕНТЯБРЯ, ДЕНЬ, ОБЪЯВЛЕННЫЙ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ, КАК ДЕНЬ СОБЫТИЙ. Понедельник прошел в лучших традициях суеверий. Загримированные в последнюю стадию отчаяния и оголодания, обвязанные умопомрачительным тряпьем, пять актеров — Коберидзе, Соломин, Хмельницкий, Визбор и доктор Емельянов, дублировавший радиста Бьяджи, по висящей и не достающей до льда лестнице были высажены на льдину площадью примерно пятьсот метров. Там же очутились и все альпинисты. На другую льдину высадилась операторская группа, и стали снимать кадр; потерявшие всякую надежду люди на крохотной льдинке вдруг видят идущий к ним на помощь советский ледокол. В полумиле от нас густо дымил «Сибиряков», надвигаясь в каждом дубле, как гора. Дул ровный ветер, льды быстро дрейфовали. Кадр был снят. Теперь операторам надо было перебраться на нашу льдину, чтобы снять крупные планы. Льдины разделял проливчик метра в четыре, который никаким способом преодолеть было нельзя, поэтому к нашей льдине подошел «Сибиряков» и стал тихо ее толкать к операторской льдине. Операторы с аппаратурой, кинокамерами, осветительными приборами перебрались к нам. С борта «Сибирякова» спустился М. К. Калатозов и еще несколько товарищей. Всего на льдине оказалось около тридцати человек. Над нами горой возвышался борт «Сибирякова». Калатозов о чем-то говорил с Петровым. Альпинисты занимались веревками. Визбор сидел на ледорубе. Соломин и Хмельницкий лежали на медвежьей шкуре. Доктор Емельянов перекидывался остротами с кем-то на «Сибирякове». В это время раздался резкий звук разрываемого полотна и льдина раскололась на две части. Метнулась под людьми трещина. У доктора Емельянова она прошла прямо между ног, и он какую-то секунду колебался — куда же прыгать. В воду ушла «игровая» палатка и стала медленно сползать кинокамера, впрочем схваченная кем-то за штык штатива. На льдине почти все попадали. На «Сибирякове» страшно закричали. Все уже были опытными «полярниками» и знали, что в момент раскола льдины у каждой из образовавшихся частей появляется свой центр тяжести и это почти всегда приводит к тому, что льдина переворачивается. На обоих кораблях сыграли аврал для того, чтобы молниеносно забрать людей со льда. И действительно, через семьдесят минут все были подняты на корабли. Режиссер Игорь Петров, которому тоже посчастливилось принять участие в этом дивертисменте, бодро сказал Визбору: «Ну вот и событие. Будет хоть о чем написать». Он был прав. Пишу.

Но это еще не все. После обеда нас повез вертолет и высадил на другой льдине — большой, крепкой, не проявлявшей никаких склонностей к расколу. На этой льдине была построена декорация, но за три дня она успела отдрейфовать от «Оби» мили на три, порвав при этом тросы ледовых якорей. Вертолет улетел за операторами, тут, откуда ни возьмись, пришел мощный снеговой заряд, и мы, как действительные нобилевцы, остались перед лицом стихий без воды, без обогрева, без продовольствия. Правда, у Юры Соломина в кармане обнаружилась ириска, которую решили разделить поровну в случае голода. Мы прождали полтора часа, заряд ушел, вместо него пришел вертолет с операторами, мы сняли кадр и улетели на «Обь». Каррамба!

3 СЕНТЯБРЯ. Целый день идут съемки. Гай сказал фразу, ставшую впоследствии знаменитой: «Остановите ледокол, я сойду!!»

4 СЕНТЯБРЯ. С утра съемки. Над нами пролетает самолет полярной авиации с оранжевыми крыльями, и Валентин Иванович Аккуратов о чем-то толкует с экипажем по рации. Наши последние кадры в Арктике. Мы залезаем на огромный торос и фотографируемся. Все. Шестнадцать человек отправляются сегодня на юг вместе с «Сибиряковым». Нас ждет срочная работа.

Трое суток бортовой качки. Крена́ достигают сорока одного градуса. На нас летит все. Капитан меняет курс, чтобы дать команде и пассажирам пообедать. Видели кашалота. Провели вечер встречи с моряками «Сибирякова». Кончилась пресная вода. Сломали гитару. Пришли в Мурманск.

Может быть, и те или иные кадры, снятые в Арктике, не войдут в наш фильм «Красная палатка», но вы увидите настоящую Арктику, туманную и солнечную, свирепую и прекрасную.

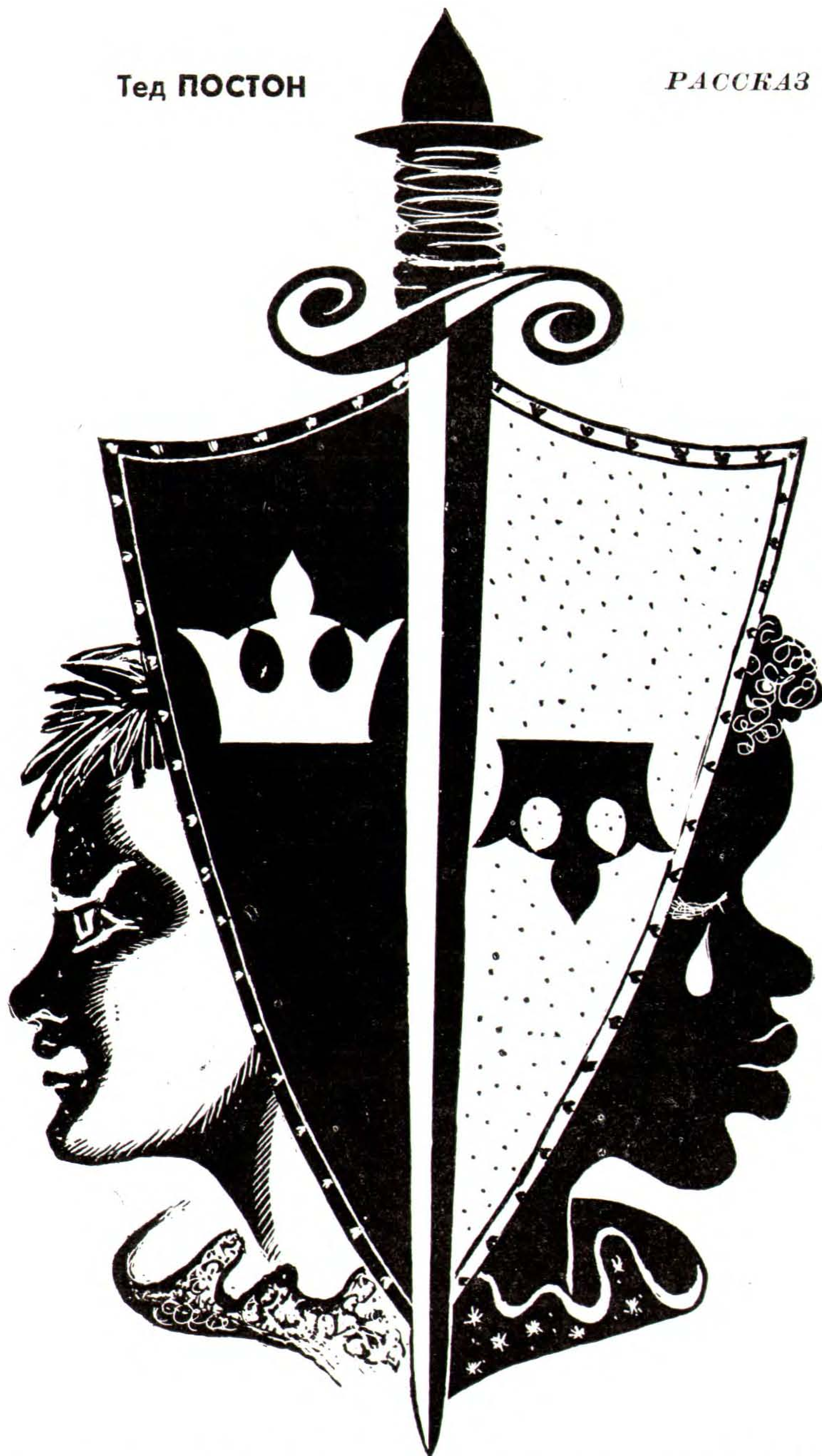

Идут съемки в бухте Тихой

Тед ПОСТОН

РАССКАЗ

БУНТ

Большое драматическое представление школы имени Букера Т. Вашингтона для цветных бывало обычно самым значительным событием года в общественной жизни нашего Хопкинсвилля, штат Кентукки. Это был единственный случай, когда нам разрешали играть в старом оперном театре Купера, и даже некоторые белые каждый год приходили и аплодировали нашему представлению. Первые два ряда в оркестровой яме всегда оставляли для наших белых друзей, а наши самые видные цветные граждане сидели за ними — их, разумеется, разделял пустой ряд.

Мистер Эд Смит, наш местный гробовщик, неизменно занимал левую ложу и надевал визитку с полосатыми брюками. Этот выдающийся наряд он обычно надевал в тех редких случаях, когда исполнял свои обязанности на похоронах наших самых видных цветных граждан. Мистер Тадеуш Лонг, наш цветной почтальон, однажды взял напрокат смокинг и тоже купил ложу. Но никто особенно не обратил на него внимания. Мы знали, что он просто хочет пустить пыль в глаза.

Название нашей пьесы — «Очаровательный Принц и Спящая Красавица» — никогда не изменялось, но никогда одно представление не было похоже на другое. Мисс Х. Белл Ла Прад, наша учительница шестых классов, переделывала пьесу каждый сезон, и текст ее совершенно отличался от того, который можно было прочесть в книгах.

Мисс Ла Прад называла представление «современной пьесой на моральную тему о борьбе сил добра и зла». И силы зла, разумеется, всегда терпели поражение.

Школа имени Букера Т. Вашингтона для цветных находилась в состоянии брожения с рождества до февраля — это был период, когда распределялись роли. Прежде всего выбирали добрых волшебников и колдунов. Это было очень важно, поскольку добрые волшебники надевали белые костюмы, а колдуны — черные. И что довольно странно, у большинства добрых волшебников обычно оказывались удивительно светлый цвет кожи, прямые волосы и черты лица белых. В редких случаях какой-нибудь девочке с темной кожей удавалось стать доброй волшебницей, но никогда ей не давали роли со словами.

Относительно Очаровательного Принца и Спящей Красавицы никогда никаких сомнений не было. Они всегда были светлокожими. И хотя никто никогда не обсуждал этого открыто, непреложным фактом было то, что слабая пигментация была решительным преимуществом в споре за роли Принца и Спящей Красавицы.

В этом-то и состояла моя личная трагедия. В классе я успевал лучше всех, слыл заядлым спорщиком, и я был отпрыском уважаемой в нашей общине семьи. Но я никогда не мог быть Принцем, потому что я был черный.

В самом деле, каждый год, когда начиналось распределение ролей для нашего большого драматического представления, мои родители начинали прицениваться к черной марле в универмаге Франклина, потому что они знали: я буду вести силы тьмы и скрываться во тьме — ждать, когда меня повергнут в третьем акте. У мамы в этом деле был богатый опыт: все мои братья окончили школу имени Букера Т. Вашингтона до меня.

Не то чтобы я был одинок в своем разочаровании. Многие мои соученики чувствовали то же самое. Я, вероятно, принимал все слишком близко к сердцу. Рэт Джойнтер, например, мог дать рационалистическое объяснение ситуации. Но Рэт выражал все так:

— Если ты черный, ты черный.

Я бы, наверное, тоже смог отнестись к этому делу спокойно, поскольку наше большое драматическое представление было всего лишь отражением повседневной жизни нашей общины в Хопкинсвилле. Неграм со светлой кожей доставалось все лучшее. Ими была занята большая часть мест учителей в школе имени Букера Т. Вашингтона для цветных. Они были негритянскими врачами, юристами, страховыми агентами. У них даже было общество «Голубая вена», и если твоя темная кожа скрывала твою утонченность, то вряд ли ты был членом элиты.

Однако я был безутешен, когда мне впервые отказали в роли Принца. Это было в тот год, когда на эту роль выбрали Роджера Джексона. Роджер не только был глупый, он еще и заикался. Но кожа у него была довольно светлая, чтобы сойти за белого, а этого было, по-видимому, достаточно.

Честно говоря, однако, надо признать, что у Роджера были другие качества. Его отец был владельцем единственного бара в городе и довольно-таки крупной фигурой в местной по-

литической жизни. В самом деле, мистеру Клинтону Джексону было что сказать как раз о тех, кто учил в школе имени Букера Т. Вашингтона для цветных. Так что выбор Роджера на роль Принца можно было понять.

Тем не менее настоящий удар я получил в тот год, когда Сару Уильямс выбрали на роль Спящей Красавицы. Я был влюблен в Сару с детского сада. У нее были мягкие светлые волосы, голубовато-серые глаза и ямочка на левой щеке, которую было видно независимо от того, улыбалась она или нет.

Разумеется, Сара не слишком-то ободряла меня. Она никогда не отвечала на мои страстные любовные письма, и Рэт очень презрительно высказался о моих односторонних амурных делах. «Ты будешь волочиться за нею до тех пор, — глумился он, — пока она не назовет тебя черной образиной».

После того как Сару выбрали на роль Спящей Красавицы, я вложил всю свою душу в работу над ролью Принца. Если на предыдущих отборочных конкурсах я декламировал смело и с пафосом, то теперь мне не было ровни. Если раньше я приставал к маме во время репетиций дома, то теперь я ей до смерти надоел. Да, и я стянул у сестры банку пальмеровского крема для отбеливания кожи.

Я знал роль Принца от начала до конца, поскольку два сезона играл противостоящую ей роль Главного Колдуна. И Принц был единственным действующим лицом, чьих слов мисс Ла Прад никогда не изменяла в своих многочисленных вариантах. Но хотя я никогда и никому — даже самому себе — не признавался в этом, я с самого начала знал, что обречен. Роль отдали Леонардиусу Райту. Кожа

КОЛДУНОВ

у Леонардиуса была, разумеется, светлая.

Учителя чувствовали мою обиду. Они чуть ли не извинялись. Они подчеркивали, что я так хорошо играл Главного Колдуна два сезона, что было бы преступлением дать кому-нибудь другому попробовать себя в этой роли. Они напоминали мне, что маме не придется покупать черную марлю, потому что я мог выступать в своем старом костюме. Они настаивали, что Главный Колдун даже важнее Принца, потому что это он заколдовывает Спящую Красавицу. Поэтому, что мне оставалось делать, кроме как согласиться?

Леонардиус Райт мне никогда не нравился. Он был фарисеем, и даже мама всегда приводила его мне в пример. Но, главное, он тоже был влюблен в Сару Уильямс. А теперь у него появилась возможность целовать Сару каждый день при репетировании сцены пробуждения.

Что ж, спектакль должен идти, маленькие черные ребята должны его видеть. Поэтому я вложил всю душу в свою роль и сделал Главного Колдуна ярким, запоминающимся образом. Когда я отошел от ложа Спящей Красавицы и отступил в тень при приближении Принца, на выражение моего лица стоило посмотреть. Когда я был повергнут сверкающей шпагой Принца в последнем акте, я, возможно, играл немного натянуто, но потрясающе!

В тот год на наше большое драматическое представление народу пришло больше, чем когда-либо за всю историю этой пьесы. Даже белым не хватило двух оставленных для них рядов, и несколько человек были вынуждены сидеть в промежуточном ряду. Это создало щекотливое положение, но все его тактично игнорировали.

Когда занавес пополз вверх перед третьим актом, зал был в очень хорошем настроении. Для меня все тоже сошло хорошо — кроме одного места во втором акте. Когда я крадучись стал отступать в тень, Леонардиус неожиданно стукнул меня по голове своей шпагой. Этого не было в тексте, но мисс Ла Прад успокоила меня, сказав, что, во всяком случае, получилось неплохо. Рэт сказал, что Леонардиус сделал это нарочно.

Все же третий акт шел гладко, пока мы не дошли до сцены повержения, где я крадучись в последний раз выбрался из тени и вызвал Принца на смертный бой. Герой потянулся за своей сверкающей шпагой — я всегда считал, что это несколько нечестно, поскольку мисс Ла Прад всегда оставляла Главного Колдуна безоружным — и вот тут-то все и произошло!

Позже я громко доказывал — но тщетно! — что тут все дело было в самообороне. Я подчеркивал, что у Леонардиуса был подлый взгляд, и приводил в пример тот импровизированный удар, который он нанес мне во втором акте. Но никто и слушать ничего не хотел. Они просто отказывались поверить, что Леонардиус собирался размозжить мне голову, когда потянулся за своей шпагой.

Во всяком случае, это ему не удалось. Как только его глаза — а может, мои? — сверкнули зловещим блеском, я двинул ему правой в подбородок, и Очаровательный Принц выронил свою сверкающую шпагу и отшатнулся. Его удивление, правда, длилось всего минуту, так как, опустив голову, он бросился вперед и замахал кулаками. У Леонардиуса только кожа была желтого цвета, а так он был совсем не трус.

Публика подумала, что эта драка была чем-то новым, вписанным мисс Ла Прад. Люди, возможно, так бы и остались этого мнения, если бы мисс Ла Прад не кричала так истерически из-за кулис. И если бы Рэт Джойнтер не решил, что самое это подходящее время свести старые счеты. Он повернулся и дал пинка одному из ближайших к нему Добрых Волшебников.

Когда занавес опустился, силы добра и зла сцепились в схватке. А Спящая Красавица совсем проснулась и унеслась за кулисы.

Пятнадцать минут спустя занавес снова поднялся, и мы докончили пьесу. Я лег на пол и согласно тексту испустил дух, но Принц, наверное, запомнит мой усмехающийся труп до конца дней своих. На следующий год мне даже не дали и появиться в этом большом драматическом представлении. Но мне было наплевать. Ведь мне бы все равно не бывать Принцем.

Перевели с английского
В. ПОСТНИКОВ и И. ЗОЛОТАРЕВ

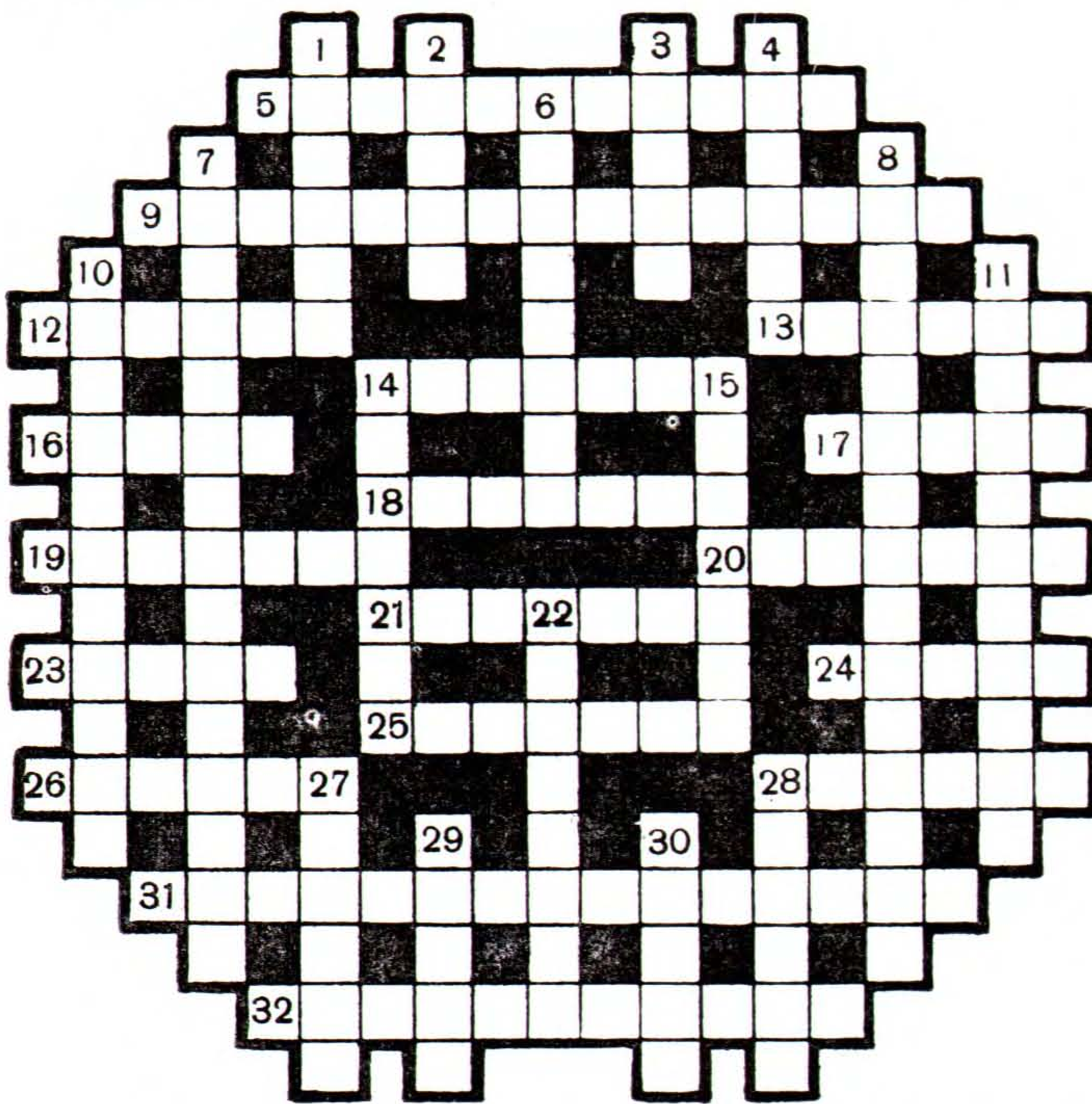
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Международные спортивные соревнования студентов. 9. Комсомолка-партизанка, Герой Советского Союза. 12 Оптическое стекло, линза. 13. Точка орбиты Луны, искусственного спутника, наиболее удаленная от Земли. 14. Песня А. Пахмутовой. 16. Основное население Ирана. 17. Норвежский драматург. 18. Река, впадающая в Байкал. 19. Советский научный журнал. 20. Упражнение для голоса, этюд для пения. 21. Северная ягода. 23. Роман Л. Фейхтвангера. 24. Польский композитор и пианист XIX века. 25. Древнее восточнославянское племя. 26. Горная порода, основное сырье для производства алюминия. 28. Советский ледокол. 31. Опорная деталь вала машины. 32. Древесный клей.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Фотография. 2. Основное население скандинавского государства. 3. Приток реки Лены. 4. Город-герой. 6. Порода тонкорунных овец. 7. Русская актриса. 8. Приобретение знаний вне школы, без помощи преподавателя. 10. Песня Э. Колмановского. 11. Передача изображений на расстояние. 14. Русская народная пляска. 15. Река в Бирме. 22. Советская рапиристка, чемпионка XIX олимпиады. 27. Пламенный оратор и публицист. 28. Русский писатель. 29. Опера В. Беллини. 30. Композитор, автор «Песни о дружбе».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Разметнов. 8. Конвенция. 10. Ракетоносец. 13. Андреев. 15. Боженко. 17. Ротор. 19. Сверло. 20. Учение. 21. Мартен. 22. Навага. 24. Саяны. 26. Селитра. 27. Макаров. 30. Коцюбинский. 32. Сказитель. 33. Папировка.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. «Гармонь». 2. Петр. 3. «Конец». 4. Фотон. 5. Герц. 6. Бионика. 9. Золототысячник. 11. Яровизация. 12. Целиноград. 14. Ефрейтор. 16. Ореховка. 17. Романс. 18. Румыны. 23. Дейнека. 25. Сопилка. 28. «Люблю». 29. Устав. 30. Клим. 31. Йорк.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ОЛЕГ ПОПЦОВ

Редколлегия: Леонид БУЛГАКОВ, Виктор ВУЧЕТИЧ, Александр ГАВРИЛОВ, Юрий ГУНЧЕНКО, Фазиль ИСКАНДЕР, Лариса КРЯЧКО, Феликс КУЗНЕЦОВ, Евгений ЛУЧКОВСКИЙ, Оксана МАМОНТОВА, Андрей МЕРКУЛОВ, Станислав РОМАНОВСКИЙ (ответственный секретарь), Борис РЯХОВСКИЙ, Владимир ТОКМАНЬ (заместитель главного редактора), Иван ХОЛОД, Василий ШУКШИН.

Оформление номера Н. Михайлова и И. Данилевич.

Технический редактор В. Голубева.

Пишите нам по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Рукописи не возвращаются.

Телефоны редакции: 251-15-00, доб. 2-04, 2-63, 3-55, 4-73, 3-42, 4-04.

Сдано в набор 16/I 1969 г. Подп. к печ. 3/III 1969 г. А01044. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6,5 (усл. 6,5). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 900 000 экз. Заказ 30. Цена 20 коп. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Москва, А-30, Сущевская, 21.

НА

Масленица!.. Веселая, широкая, разгульная, честная... Сколько разных эпитетов придумали для любимого на Руси праздника. Масленица продолжается целую неделю. Все дни масленичной недели имеют свои особые названия: понедельник — встреча, вторник — заигрыши, среда — лакомка, четверг — разгул, перелом, пятница — тещины вечерни, суббота — золовкины посиделки, воскресенье — проводы, прощанья, целовальник, прощеный день.

Масленица — проводы зимы. С давних пор на Руси в эту неделю сжигают соломенные чучела — символы зимы, сооружают снежные городки и устраивают потом целые сражения. Заливают у реки высокие крутые горки и на старой корзине, доске, охапке соломы, а то и просто на спине лихо катятся вниз. По заснеженным дорогам мчатся развеселые тройки.

Ну, а какая же масленица без блинов! Хорошо есть их тут же, на свежем воздухе. Ну, а если вы приготовите их дома, у вас установится вкусный запах блинов, напоминающий о раздольном веселом русском празднике — масленице.

Сначала несколько предварительных советов. Русские блины бывают нескольких сортов: одни на дрожжах, чисто гречневые; другие — чисто пшеничные; третьи — гречневые пополам с пшеничной мукой; четвертые — пекутся на соде, которая заменяет дрожжи. Приправа блинов различна, но печение их одинаково, а именно, когда тесто поднимется в последний раз, его не надо мешать, чтобы тесто не опало, а брать ложкой и лить на маленькие раскаленные сковородки, которые, принимаясь печь блины, никогда не мыть водой, а как старые, так и совсем новые сковородки поставить на плиту, налить немного жиру, насыпать крупной соли, дать хорошенько прогреться, снять. Когда слегка остынут, хорошенько вытереть сковородки, чтобы стереть всю грязь и нагар. Потом еще вытереть сухой солью и затем сухой чистой тряпкой. Никогда не следует скоблить сковородки ножом, а если тесто плохо отстает, то почистить их снова, как сказано выше, смазать маслом и тогда начать печь. В случае, если тесто перед печением блинов окажется густовато, нельзя все тесто разбавлять молоком, а отделить ложки две в отдельную посуду, размешать хорошенько с молоком и тогда соединить с общим тестом, слегка размешав его для того, чтобы не опало. Тесто должно иметь густоту хорошей сметаны.

К блинам подается сливочное масло, сметана, творог и мелко изрубленная в молоке вымоченная селедка.

Гречневые блины

За 5 или 6 часов растворить тесто из четырех стаканов гречневой муки, трех стаканов теплого молока или воды, одной столовой ложки растопленного масла, двух желтков, 25—30 граммов дрожжей, размешать и выбить веселочкой как можно лучше. Когда поднимется, выбить снова, всыпать полную ложечку соли и ложечку сахара, обварить 1,5—2 стаканами горячего молока или воды, выбить, можно положить 2 взбитых белка, размешать, дать подняться. И когда поднимется, то, не мешая уже более теста, чтобы не опало, перенести его осторожно на назначенное место, брать ложкой и печь.

БЛИНЫ

Блины пшеничные

Растворить тесто из 4 стаканов теплого молока, 2,5 крупчатой, лучшей муки, 25—30 граммов дрожжей, ложки растопленного масла. Когда поднимется, выбить, посолить, положить 2 желтка с сахаром, от 2 до 2,5 стаканов крупчатой муки, выбить хорошенько, прибавить 2 взбитых белка и 0,5 стакана самых густых сливок, размешать осторожно, дать подняться и, не мешая теста, печь.

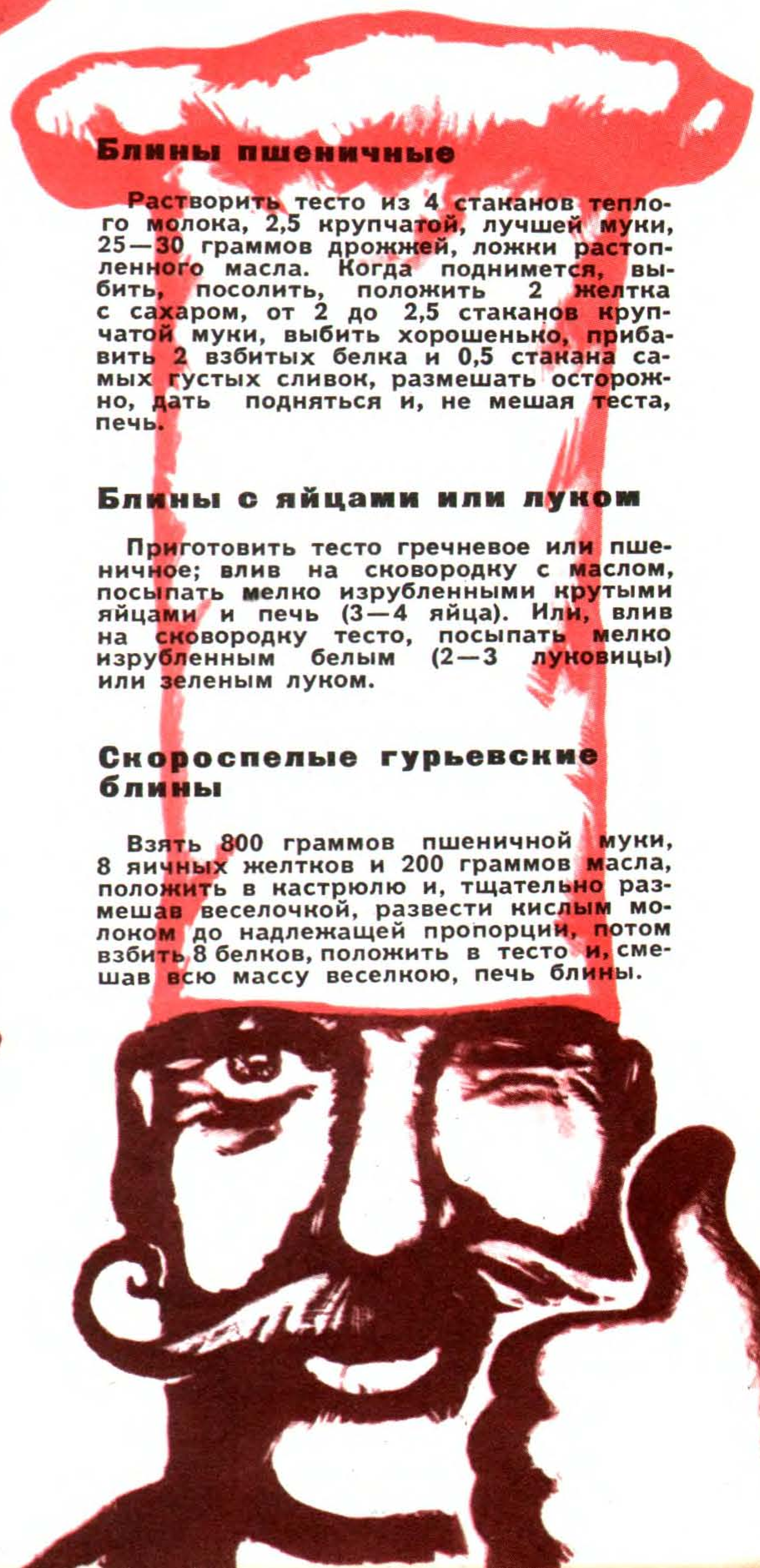
Блины с яйцами или луком

Приготовить тесто гречневое или пшеничное; влив на сковородку с маслом, посыпать мелко изрубленными крутыми яйцами и печь (3—4 яйца). Или, влив на сковородку тесто, посыпать мелко изрубленным белым (2—3 луковицы) или зеленым луком.

Скороспелые гурьевские блины

Взять 800 граммов пшеничной муки, 8 яичных желтков и 200 граммов масла, положить в кастрюлю и, тщательно размешав веселочкой, развести кислым молоком до надлежащей пропорции, потом взбить 8 белков, положить в тесто и, смешав всю массу веселкою, печь блины.

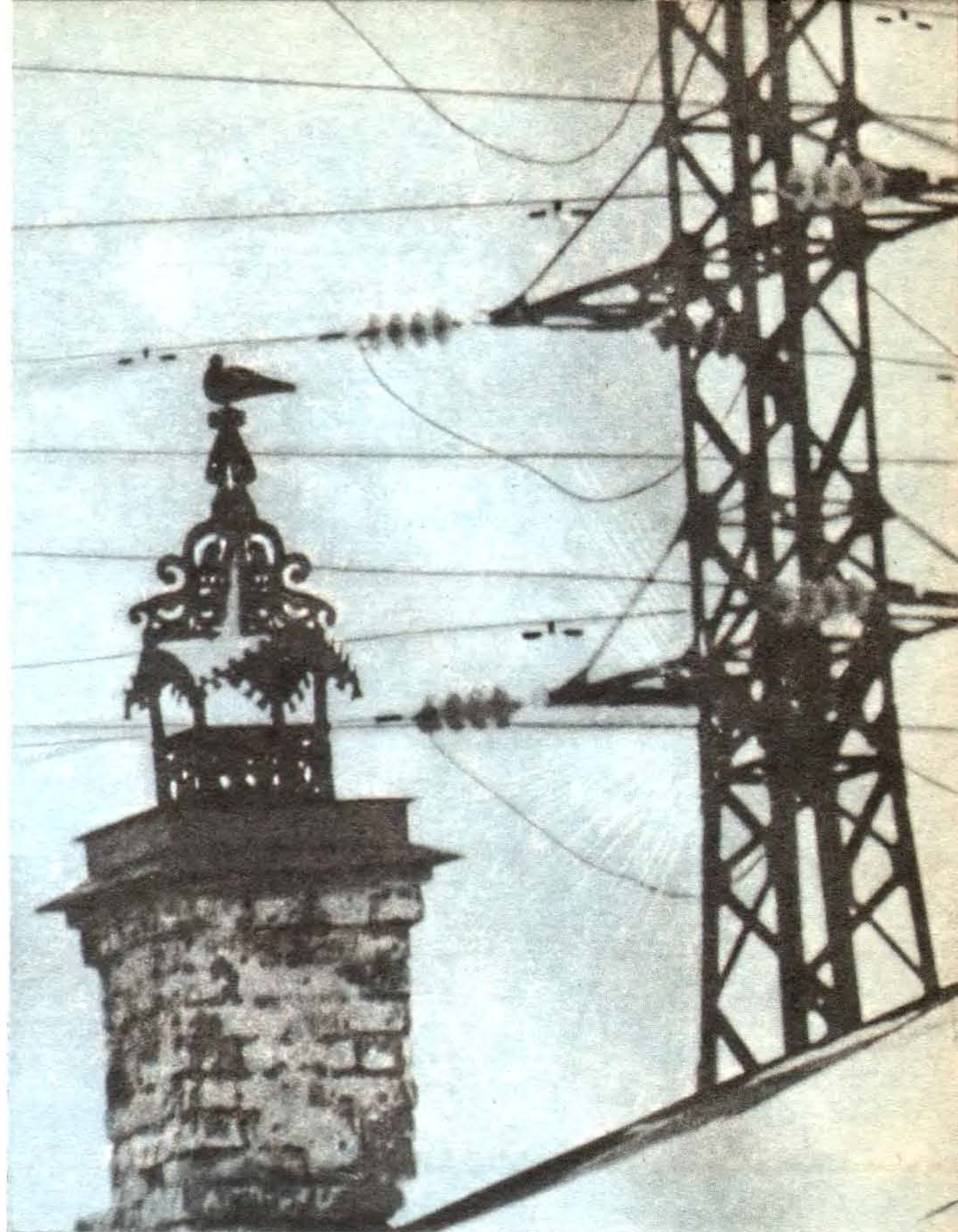

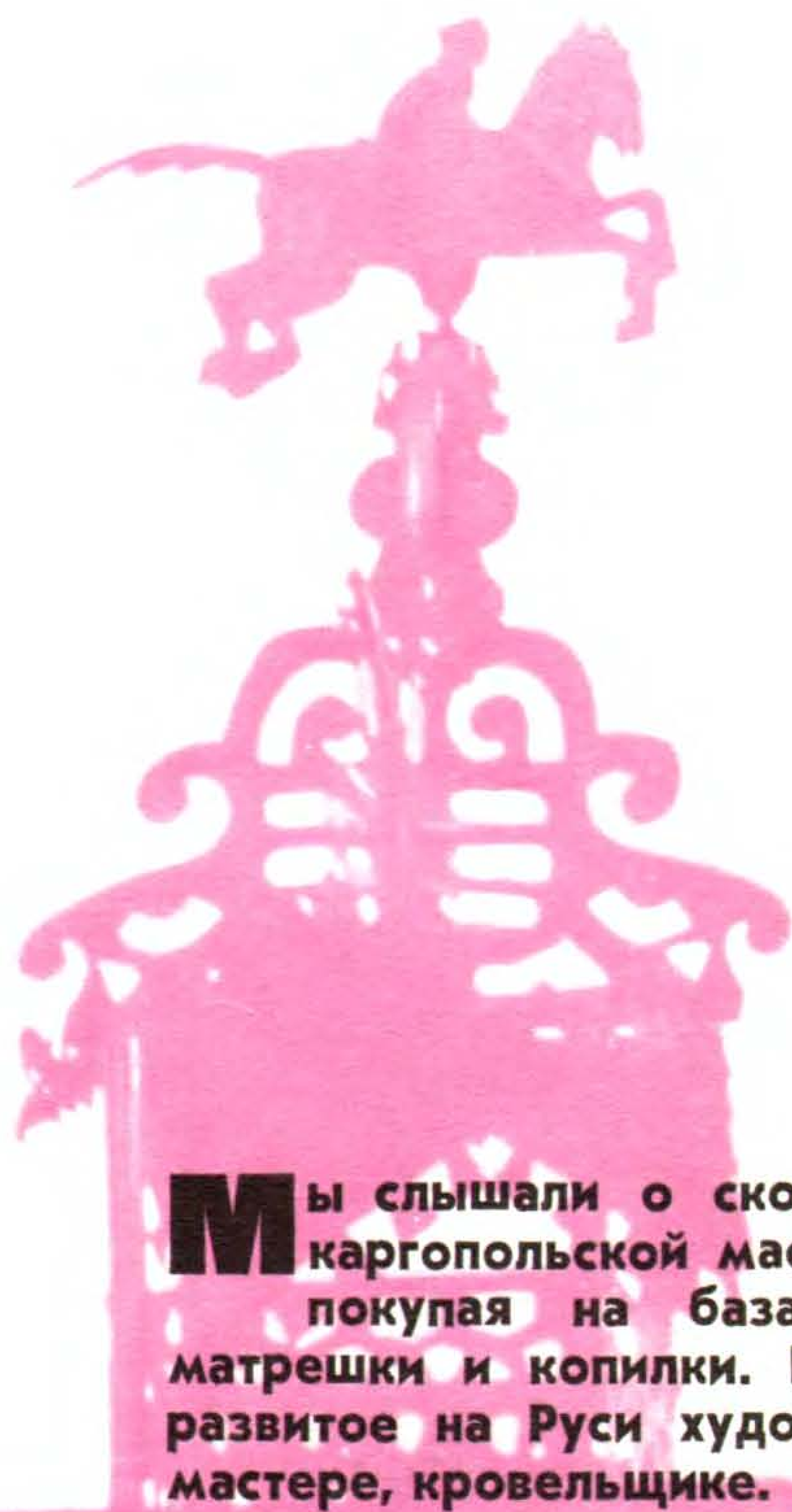
Постные русские блины

НА $^1/_3$ гречневой взять $^2/_3$ пшеничной муки. С вечера взять гречневой и половину пшеничной муки, дрожжей и воды, растворить густоватое тесто, на другой день прибавить остальную муку, соль и сахар. Когда поднимется, за полчаса перед тем, как печь блины, долить теплой воды, чтобы тесто было густоты сметаны. На масленице оставшееся тесто вынести на ночь на холод, хотя бы и на мороз. На другой день прибавить такую пропорцию дрожжей, муки, воды. Такие блины с каждым днем делаются все лучше и лучше.

ДЫМ-НИ-КИ

Мы слышали о скопинских гончарах, знаем имя Ульяны Бабкиной, каргопольской мастерицы глиняной игрушки. Мы входим в азарт, покупая на базарах горящие цветами полховско-майданские матрешки и копилки. И мы совсем упустили из виду с давних пор развитое на Руси художественное ремесло. Забыли о жестяных дел мастере, кровельщике.

Небольшое количество украшений дымовых труб, дымников, показанных здесь, — иллюстрация творчества яркого, оригинального. Сочная, обнаженная графичность. Разнообразие просечных орнаментов. Обаяние спокойного, наивного рисунка в одном дымнике с фигуркой всадника или птичкой на конце. И ювелирность, изящество, артистизм в другом силуэте, похожем очертаниями на шелом древнерусского воина.

За последнее время мне посчастливилось побывать во многих городах: Туле, Тюмени, Серпухове, Переславле-Залесском, Владимире, Вологде. Коллекция интересных дымников увеличивалась не по дням, а по часам.

И вспоминаешь другое. Десятки пройденных в поисках безвестных народных умельцев деревень. Не увидел ни одного дымника, хоть и уверен, что есть такие деревни. Только кресты телевизионных антенн.

Происходит вещь неприятная: молодежи стало неудобно восхищаться умением, талантом своих дедов. Несовременно... И не появляется желания сотворить такое, чтобы вся деревня ахнула, завистливо смотрела. Не сомневаюсь, что на другой же день сосед будет колдовать с зубилом над листом железа, выбивая рисунок поинтереснее. И скоро вся она будет в этих дымниках. И ваше село станет не только краше, но и современнее: есть такое у народного искусства редкое свойство, не подвластное течению времени, веяниям моды, — его вечная, непреходящая красота.

А. КОРОЛЕВ

Цена 20 коп. Индекс 70813